

Матрицла Аватанж

ЖЕНА В ЛОТЕРЕЮ

или ТЕДДИ ДЛЯ ЛЕДИ

Annotation

— Отпустите! Что вы себе позволяете?

— Разве вы не об этом мечтали, когда насылали приворот, миледи? — зло хохотнул мужчина. — Или больше о моих деньгах?

— Я вас впервые вижу!

— Ваши уловки бесполезны. Наша свадьба состоится, и точка.

— Не хочу! — завопила я.

— Придется, — отрезал он и сжал меня в объятиях.

Никогда, слышите, никогда не участвуйте в лотереях! Меня закинуло в другой мир, в тело жены властного оборотня, которую люто ненавидит местное светское общество.

Да они просто не знают, с кем связались!

В ТЕКСТЕ:

Горячий и властный оборотень

Неунывающая попаданка

Мишки тедди

Милашный панда

Элементы бытового фэнтези

Легкий юмор

Романтика и страсть

-
- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [Nota bene](#)
-

Пролог

— Где она?! — властно прорычал мужчина и вломился в мою спальню.

Сразу захотелось стать меньше ростом. Где-то спрятаться от этого грозного исполина.

Вид неожиданного гостя внушал трепет. Он был просто огромный.

Такой сильный, что, наверное, одной рукой поднял бы грузовик. Широкие плечи с трудом помещались в дверном проеме.

А я лежала. В постели.

Иначе меня просто сшибло с ног мощной мужской энергетикой и неукротимым напором.

Гость яростно откинул полог. Застыл над кроватью, исподлобья глядя медово-карими глазами.

Он явно с трудом сдерживался. Вот сейчас набросится и прибьет меня к чертовой бабушке. Или того похлеще...

Ой, ёк-макарёк!

Да, и насчет кровати... Что-то не помню, чтоб покупала двуспальную с балдахином.

Вчерашний девичник, конечно, удался на славу. Но не до такой же степени!

Хм... Мебель в месте, где я распахнула свои светлые очи, была какой-то странной. Незнакомой.

Вся окружающая обстановка тоже.

Да и одежда незваного гостя какая-то диковинная.

Будто он явился ко мне в будуар прямиком со съемок голливудского фэнтези, где играл главного злодея. Могущественного сурового мага, командующего темными легионами. Прическа у мужчины тоже... довольно экзотичная. Его длинные волосы были собраны в низкий хвост и перевязаны лентой.

Но главная странность заключалась... во мне самой!

Одеяло сползло, а там... Прозрачный кружевной пеньюар! Да такого срама у меня отродясь не было! Я обычно сплю в широких уютных футболках с медвежатами или единорогами.

Никакой футболки! Вместо нее — вещь из интим-шопа. А рядом — огромный мужик в плаще, подбитом мехом.

Эта кружевная тряпочка не скрывала моих пышных соблазнительных форм... Которых раньше там не было и в помине!

Я уже давно смирилась, что грудь у меня отсутствует, как класс, а тут такое богатство!

Третий размер, не меньше.

Потом наткнулась взглядом на свое отражение в зеркале напротив кровати и вовсе подавилась воздухом. Оттуда смотрела зеленоглазая красавица с волосами до самой попы.

Это я, что ли?

Да ко мне как в институте приклеилось прозвище Серая мышь, так и не отлипло до сих пор.

Назвать «серой мышью» девушку в зеркале язык бы не повернулся.

Но вдоволь насмотреться на неземную красоту не дали.

— Леди Цицинателла де ла Мередит, вы часом не забыли, что наше бракосочетание должно состояться ровно через полчаса? — рявкнул гигант, стаскивая с меня одеяло целиком.

Ко всему прочему, пеньюар оказался коротким.

Очень.

Даже не знаю, от чего я больше обалдела: леди Цицинателлы, своей новой внешности, новости о грядущей свадьбе...

Или от того, что под пеньюаром на мне не оказалось белья?!

— Вы что-то напутали, уважаемый! Я не собираюсь замуж за вас! — пискнула я, поражаясь, как по-другому звучит мой собственный голос.

У меня-то он тоненький, как у Настеньки из советского фильма «Морозко». По телефону меня часто принимают за школьницу.

Хрипловатый голос, которым я обзавелась теперь, скорее мог принадлежать какой-нибудь красотке из привата по телефону.

— Не собираетесь? — взревел мужчина и я была за шкуру поднята над постелью.

Потемневшие глаза уставились с такой ненавистью, что я сглотнула.

— Вы опоили меня приворотным зельем. Своим темным колдовством сделали так, что я постоянно желаю вас. Но этого вам

было мало. Грязным шантажом вы вынудили меня пойти на этот брак. А теперь вдруг передумали? Что ж, это в вашем стиле, леди Цицинателла. Вот только я, как вы помните, не какой-то лощеный болван из высшего общества и расшаркиваться перед вами не собираюсь. Я не тот, с кем вы можете шутить, миледи. Вы станете моей женой прямо сейчас, хотите того, или нет!

— Я не хочу! Я вообще не Цици Нутелла де ла какая-то там, а Яна Ершова, — пискнула я и замолотила руками и ногами. — Куда я попала?

Но вместо того, чтобы любезно ответить на мой вопрос, атлет, как пушинку, перекинул меня через плечо и куда-то потащил.

Глава 1

Из одежды на парне были только красные шелковые стринги.

Бедняга явно напутал с размерным рядом. Они так обтягивали его между округлых ягодиц, что резинка прямо норовила лопнуть и отскочить кому-нибудь в лоб.

Но думаю, девы, которые с жадным любопытством обступили данного товарища, были этому только рады.

И тут же порвали несчастные труселя на сувениры. Так же, как и самого паренька, который в данный момент выделял под музыку зажигательные па.

— Чего кислая такая, Ян? Ты посмотри только, какой красавчик!

Светка подсела ко мне на диванчик и протянула коктейль в запотевшем бокале. На трубочке болталась одинокая клубничка, которую я успела поймать, иначе она шлёпнулась мне на колени.

И слава богу — отстирывать клубничный сок с платья цвета мяты то еще удовольствие!

Сама я подобный яркий по моим меркам наряд точно не надела, да и не шел он мне. Но Светка выбрала для подружек невесты на девичник именно такой дресс-код. Не могла же я ее подвести и явиться в своем любимом черном или коричневом!

Это еще что, на самой подружкиной свадьбе мы вообще должны быть в розовом.

Вот где самый ужас!

— У него трусы на три размера меньше, чем нужно, — серьезно сказала я. — И светятся в темноте, а это пугает.

— По-моему, тебя нормальные мужики пугают в принципе. Или ты их?

А вот сейчас было обидно. Светка знала, что я не люблю обсуждать свои отношения с противоположным полом, и тут ударила, так ударила.

Она вообще отличалась изрядной долей ехидства. Иногда это напрягало.

Ну не было у меня парня, не было. Зачем это нужно лишний раз подчеркивать?

— Мне точно пугать их нечем.

— Как нечем? — округлила глаза Светка. — А медведями своими, которые уже всю твою квартиру заполонили? Ты, поди, и нам с Олегом на свадьбу собралась одного впарить?

Я покраснела. Вообще-то да, собиралась. И не одного, а двух. И, между прочим, очень старалась, когда делала необыкновенно милую парочку мишек — жениха и невесту в цветочках. Сама рисовала лекала, искала редкий курчавый плюш, шила парочке свадебные одежды и делала цветы из фоамирана.

О моем небольшом хобби мало кто знает. В свободное от работы время я делаю медведей.

А что такого? Кто-то занимается танцами, кто-то рисует, а я вот — шью плюшевых мишек.

Правда, родители моего увлечения не одобряли, считая его детским, а еще очень дорогим и затрачивающим много времени и сил.

Сколько споров было с мамой...

«Займись чем-нибудь серьезным, Яна! Окончи бухгалтерские курсы, обучись маркетингу или созданию лэндингов, я не знаю... Что это за увлечение такое — кроить плюшевых медведей?»

Но мне-то хотелось создавать не сайты, а винтажные игрушки...

Да и Светка — лучшая и единственная подружка — относилась снисходительно.

Я решила показать всем им, что эта "прихоть" может приносить доход, и попыталась делать медведей на продажу. Но дело не очень задалось. Парочку игрушек удалось продать через страничку в соцсети, но на этом все. Может, из-за того, что лучших своих Топтыгиных я отправляла в детский дом, и отказаться от этого не могла даже ради выгоды.

В общем, я махнула рукой на желание кому-то что доказать, но увлечения своего не бросила.

Ведь плюшевые мишки такие славные, пушистые, теплые! В мишку можно уткнуться носом и пореветь вволю — и уже даже кажется, что не так одиноко...

— Ты это брось! — погрозила пальцем Света. — Мне и так прошлых трех девать некуда — одна пыль от них!

— Очень по-дружески, — усмехнулась я, делая вид, что меня не задела ее слова.

— И вообще, медведи... Какие в твоём положении медведи? — стала развивать свою мысль прагматичная подружка. — Не о медведях надо думать, а о том, что тебе уже немного за тридцать, дорогуша! Ты, мало того, что не замужем, так еще и ни разу в серьезных отношениях не состояла. Мужа надо искать, понятно тебе? А не возиться с медведями. Ты вот на этого мишку лучше посмотри! Его, кстати, правда, Мишкой зовут, прикольное совпадение, да?

Как только стало известно, что в программе ведущей подругиного девичника есть мужской приват-танец, среди девушек возник ажиотаж. А пуще всех радовалась сама Светка. Видимо, действительно хотела как следует оторваться перед замужеством.

— Не очень, — честно ответила я, покосившись на танцора.

— Наша скромница! — пихнула меня в бок Светлана. — Ну, неужели совсем не нравится?

От ее тычка я чуть не пролила коктейль на платье. Бедное — второй раз оно оказалось в опасности! Что-то подсказывает мне, третий раз окажется роковым.

— Совсем нет.

— Тебе надо немного развлечься. Сбросить напряжение! Ты, поди, с таким красавчиком и рядом никогда не стояла? А ведь, между прочим, можно еще трогать...

Не успела я отреагировать, как Светка поднялась, подошла к парню и что-то ему шепнула, указав на меня.

Стриптизер с готовностью направился ко мне, сверкая белозубой улыбкой. Мой диванчик расположен в самом углу клуба, потому пути к отступлению не было.

Парень вскочил на низкий столик и прямо перед моим носом возникли его стринги, мигающие, как красный свет светофора.

На пульте управления они у него были, что ли?

Чем больше я вжималась в сиденье, тем больше напирал на меня танцор под завистливые взгляды остального девичника. Неподалеку хихикала коварная Светка.

А дальше произошло то, чего все так долго ждали.

Увлечшись танцами, парень задел коленом бокал с клубничным коктейлем и тот эпично опрокинулся прямо мне на колени.

У мятного платья не было ни единого шанса...

Страшно оконфузившись, парнишка принялся извиняться, но я заверила его, что зла не держу, и отправилась в туалет приводить себя в порядок.

Сочетание клубники и мяты, конечно, классное, но мой наряд был безнадежно испорчен. Может, оно и к лучшему — такие яркие цвета должны носить яркие девушки вроде Светки, а не такая серая мышка, как я.

Я давно привыкла к своей невыразительной внешности, к тому, что парни не обращают на меня внимания, а если и знакомятся, то чтобы выпросить телефончик Светы, которая для них что-то вроде меда для пчел.

«С тобой скучно, Яна. Прости», — сказал семь месяцев назад мой последний ухажер, с которым я познакомилась в интернете. Когда общались в переписке — скучно ему не было, а как только он увидел меня в живую, внезапно стало.

Я постаралась приободриться и внушить себе, что меня несколько не расстроил очередной провал. В тот вечер накупила себе пиццы, любимого грейпфрутового сока и до слез хохотала над новой комедией.

А ночью рыдала в мягкий плюшевый живот своего любимого плюшевого медвежонка — панды по кличке Несквик.

Никому — ни родителям, ни Светке, ни даже самой себе до конца — я не могла признаться, что отчаянно хочу, чтобы у меня был заботливый любящий муж и ребенок. Крошечное чудо, любимое больше жизни!

Но почему-то у меня никак не получается завести семью. Может, я недостаточно сильно этого хочу? Может, надо усерднее штудировать анкеты мужчин на сайте знакомств?

Хотя я и без штудирования в курсе, что там одни женатые и извращенцы. Плавали, знаем!

— Девушка, можно вас на минуточку?

Занятая своими невеселыми мыслями, я и не заметила, как вышла из туалета, но свернула куда-то не туда и вовсе вышла из клуба «Клубничка», где проходил девичник.

Сам клуб находился в большой башне бизнес-центра, потому я оказалась в просторном коридоре, левая стена которого была целиком сделана из прозрачного стекла.

Рядом со мной стояла женщина с усталым и приятным лицом. Правда, одета она была как-то странно — в старомодное длинное платье с кружевным воротничком. На шляпке покачивались искусственные гортензии.

Она достала из ридикюля целую кипу каких-то бумажек и протянула мне.

— Девушка, милая, поучаствуете в благотворительной лотерее?

— Собранные средства пойдут сироткам, бездомным и пожилым людям, — продолжала женщина. — Купите один билетик, пожалуйста!

Кажется, на одном этаже с «Клубничкой» находился социальный центр, оттуда-то ее и занесло.

Бумажки действительно оказались цветастыми лотерейными билетами, напечатанными на глянцевой бумаге. Судя по усталому виду женщины и тому, как много их было в кипе, дела у нее не шли на лад.

Я взялась за клатч, цепочка которого болталась у меня на плече.

— А сколько стоит?

— Одну медную монету. Вернее... Одну монету.

— Десять рублей, что ли? — удивилась я. — Вот, держите. Сдачи не надо.

Я дала ей тысячу рублей, которую женщина с интересом принялась рассматривать, как будто видела впервые. Но потом спохватилась, спешно убрала ее и протянула мне лотерейные билеты.

— Тяните скорее.

— Не нужно, вы их еще кому-нибудь продадите...

— Тяни, я сказала!

В голосе женщины прозвучали непонятные истерические ноты. И на «ты» так резко перешла. Наверное, она действительно устала. У всех бывают плохие дни.

Что ж, мне несложно. Не задумываясь, я вытащила из предложенного веера первый попавшийся билет и тут же хотела его убрать.

— А как же посмотреть выигрыш? — остановила она меня. — Неужели неинтересно?

Интересно мне не было, но, чтоб ее не обижать, я потерла напыление с обратной стороны билета. Золотистая пыльца закружилась, заискрилась в воздухе...

— Ну что там, что же?

— Здесь... кольцо, — пожала плечами я, рассматривая открывшийся рисунок. — Я выиграла кольцо?

— Да! — закричала она. — Выиграла! Ты выиграла кольцо, малышка, и уже завтра оно окажется на твоём пальчике!

Странная женщина почему-то радовалась моему выигрышу, как своему. Никакое кольцо я, конечно, забирать не собиралась. Просто поблагодарила ее, сунула билет в сумочку и, наконец, вернулась обратно к Светке и остальному девичнику.

Благо, хоть парень в красных стрингах со своими танцами закончил. Но у развеселой ведущей было много других конкурсов.

Домой я вернулась глубоко за полночь. Ноги гудели от танцев, а голова — от громкой музыки. Едва сбросив туфли, я сразу же упала в постель.

Однако перед тем, как закрыть глаза, увидела тот самый лотерейный билет на своей прикроватной тумбочке. Странно, как он сюда попал? Я ведь, вроде, его не вынимала из клатча.

Затем начались совсем уж странные вещи — билет вдруг засверкал золотистым свечением, испуская мельчайшие крупички сияющей пыли.

А затем я решила, что ложиться так поздно спать — вредно. Вот ведь, мерещится всякое.

Обняла своего Нескви, который ждал меня тут же, на кровати, и сладко-сладко уснула...

Глава 2

Когда тебя тащит вниз головой разъяренный мужлан, мысли в нее приходят странные.

Удивительные, я бы сказала, мысли.

Я что, вчера на девичнике переборщила с выпивкой? Потому и словила сегодня наутро такие бешеные галлюцинации?

Похоже, в том клубничном коктейле было намешано что-то прям ядерное. Встречу Светку — прибью на месте за такую подлянку!

Не может же все это оказаться взаправду! Моя необычно прекрасная внешность и этот мужчина, решительно заявивший о нашей скорой свадьбе — не более, чем плод моего воображения.

Что там надо сделать, чтоб проверить, спишь ты или нет? Посмотреть на часы, да?

Часы мне по пути, к сожалению, не попались. Поэтому я просто решила закрыть глаза, успокоиться и проснуться.

Не получилось.

В этот самый момент плод моего воображения перехватил меня поудобнее, отчего кружево пеньюара задралось на моей пятой точке как-то совсем неприлично. Еще пара сантиметров и прямо беда-беда...

— Отпустите меня! — не выдержала. — Я на вас заявление напишу! Что вы себе позволяете?

— Ничего из того, чего не мог бы себе позволить ваш без пяти минут муж, сударыня, — злобно хохотнул этот отморозок.

Так мало того, что хохотнул, он и лапищу свою огромную прямо мне на филейную часть положил. К слову, его широкая ладонь оказалась на удивление теплой и мягкой.

Но это в первые мгновения. Не успела я предательски разомлеть от невиданного и сильного прикосновения, как он повернул голову и легонько куснул меня прямо за...

— Маньяк! — ахнула я, и с утроенной силой заколотила его кулачками по широкой непробиваемой спине.

— Разве вы не об этом мечтали, когда насылали на меня приворот, сударыня? — мрачно ухмыльнулся псих. — Или все-таки больше о моих деньгах?

— Да не мечтала я ни о вас, ни о ваших деньгах! Я вообще вас впервые вижу! — возопила я. — Я — не та, которая вас приворожила. Меня зовут Яна, и я не понимаю, что происходит!

— Даже не пытайтесь заболтать меня, леди. Все прекрасно знают, вы соврете — недорого возьмете. Лучше признайтесь, ваши планы поменялись? Обедневшей аристократке расхотелось выходить замуж за простого эсквайра? Даже мое богатство уже не нужно?

Нет, ну псих! Натуральнейший псих и дикарь! Бесполезно ему что-либо объяснять.

О, люди! Настоящие, живые и, надеюсь, нормальные люди! У подножья лестницы, с которой силач спустился вместе со мной, стояли трое мужчин и две женщины. Судя по униформе и чепцам на волосах у женщин — слуги.

— Помогите, убивают! — во все горло завопила я. — Вызовите полицию и бригаду скорой психиатрической помощи!

Пожарные, кстати, тоже бы не помешали: уж больно мой похититель был горяч!

Но странное дело, чем больше я орала и вырывалась, прося о помощи, тем ниже склонялись головы слуг. Никто и с места не сдвинулся, чтоб помочь! В их взглядах, наоборот, было лишь одно злорадство.

М-да, атмосфера тут, конечно, так себе...

— Бесполезно. Вам ничто и никто уже не поможет, леди Цицинателла. Наша свадьба состоится, и точка, — отрезал мужчина. — Раньше надо было думать, с кем вы посмели связаться.

— И с кем же?

— Хотите притвориться, что у вас отшибло память? Можете, конечно, почему нет? И я даже вам подыграю. Эсквайр Теодор Рутланд, к вашим услугам, миледи. Поверьте, я заставлю вас запомнить это имя. Вы будете повторять его много, много раз, и уж точно никогда в жизни больше не забудете.

— Звучит жутковато, — честно сказала я.

— Как и весь наш брак в целом, — недобро усмехнулся Рутланд. — Вам страшно? Вы жалеете о своем поступке? Поздно. Вы станете моей женой, даже если земля разверзнется, небеса падут, а горы полетят по ветру, как листья.

— Что, прямо в таком виде? — пискнула я, впечатленная таким серьезным подходом.

Одновременно я безуспешно пыталась натянуть тонкое кружево пеньюара на свою пышную, как у Ким Кардашьян, пятую точку.

— Пожалуй, это было бы для вас неплохим уроком. Коней на переправе не меняют. Впрочем, вряд ли вы способны понять такие сложные истины, — выгнул бровь Рутланд. — У вас есть пять минут, чтобы одеться подобающим образом. И учтите, миледи, я делаю это не ради вас, а ради моей семьи, которая находится среди приглашенных. Лишь только для того, чтобы она могла не краснеть, я даю вам эти пять минут. Можете позвать служанку.

Эсквайр выяснил у слуг, где гардеробная, и, распахнув дверь пинком ноги, бесцеремонно сгрудил меня на диван. Хорошо хоть, тот был доверху завален подушками.

— Пять минут, — грозно напомнил мужчина и резко притворил за собой двери.

Оказавшись в одиночестве, я вылезла из подушечного завала и забегала по гардеробной.

Мысли скакали, как блохи.

Это не сон! Происходящее — реально. Я могла в этом убедиться, посмотрев на часы — они отсчитывали время!

Восемь пятнадцать утра.

Тогда что это? Что за реальность меня окружает?

Единственным разумным объяснением, которое пришло на ум, было то, что Светка решила устроить мне дикий розыгрыш. Это вообще в ее стиле.

Можно допустить, что меня увезли в какой-то старинный особняк, а этот Теодор Рутланд — нанятый актер. Но каким образом мне смогли поменять внешность? Это не вписывалось ни в какие границы разумного.

А значит оставалось только одно объяснение. И было оно ни черта не разумным.

На столике стоял графин с водой, я плеснула в бокал и залпом осушила прохладную чистую жидкость. Шестеренки в моей голове закрутились быстрее...

Лотерейный билет.

Тот самый билет, который я вчера по своей глупости вытащила... Который вовсю сыпал блестящей пылью, словно какая-то фея мановением волшебной палочки со звездочкой сотворила его в заколдованном лесу...

И та странная женщина. Фея...

Как она там сказала?

Что завтра на моем пальце окажется кольцо. Обручальное кольцо, судя по всему...

— Рада, что ты так быстро догадалась, — слышался странно знакомый голос. — Сообразительная. Может быть, даже не умрешь. Сразу.

Я резко развернулась на пятках и уперлась взглядом в свой портрет...

Вернее, не в свой, а в портрет тела, в котором я в данный момент находилась. Тела Цицинателлы де ла Мердит, я так понимаю.

Был он огромным — в два моих роста и ну просто роскошно-помпезным. Восхитительная красавица в драгоценностях и мехах надменно улыбалась с холста, глядя на зрителя картины, как на последний сброд.

А потом прямо на моих глазах стало происходить что-то запредельное! Картина начала меняться, меняться, словно кто-то смешивал все краски на полотне. Вокруг него засияла уже знакомая мне золотистая пыль, и из дикой мешанины красок возник совершенно новый образ.

Я схватилась за сердце и попятилась.

Это была я! Но какая!

Разодетая в ультра-короткое ярко-розовое платье, с распущенными по плечам и завитыми локонами. Про вульгарный макияж я вообще молчу!

Самое поразительное было в том, что нарисованная я на картине была живой! Она двигалась, улыбалась и хихикала, то и дело пригубливая из высокого фужера.

— Даже себе не представляешь, Цици, как мне понравилось на свадьбе Светланы! — заявила нарисованная Яна. — В вашем мире всё как-то веселее проходит, чем в моем бывшем.

— Я не Цици, а Яна! — закричала я. — А ты... Та чудная тетка, которая пристала со своей лотерей — это ты! Ты ею обратилась, а

потом... Каким-то образом поменяла нас телами и отправила меня в свой мир, мерзавка!

— Теперь это твой мир, — хладнокровно поправила девушка с портрета. — Яна Ершова — это я, а ты леди Цицинателла де ла Мередит. Ты сама определила свою судьбу, дорогуша. Сегодня ты сочетаешься браком с эсквайром Теодором Рутландом. И уж поверь мне, колечко он тебе вденет в палец самое что ни на есть дорогое. Прими мои поздравления, кстати. Такого мужика отхватила!

— Поздравления? Какие еще поздравления? Он — бешеный маньяк! Какая идиотка пойдет за него?

— Любая, — ухмыльнулась Нутелла, находящаяся в моем теле. — Да, он не знатного происхождения, отчего наши курочки любят фырчать на эсквайра... Зато сами втайне о нем мечтают. Прямо-таки слюной исходят, уж я-то знаю. Вообще его богатства хватило б, чтоб купить любой титул, Рутланду просто это не надо. Он и так самый уважаемый, богатый и желанный мужчина в нашем городе!

— Да неужели? Тогда почему ты не выходишь за него замуж, как и запланировала? Почему возложила эту ответственную миссию на меня? — вознегодовала я.

— Потому что! — девушка в моем теле вздохнула и глотнула еще из бокала. — Мне до чертиков надоела эта бедность! Когда закладываешь сережки, чтоб купить себе новое платье, а потом закладываешь это платье, чтоб выкупить сережки. А ведь мой род знатнее рода самого короля! Почему я должна прозябать в нищенстве? Я, особа голубых кровей! Так что Тео прекрасно подошел на роль богатого, красивого и обожающего меня мужа. Все шло отлично, приворот сработал на ура. Теодор пылал от страсти, но потом все пошло не так! Сама виновата, признаю. Сложная вещь — эти привороты. Он узнал об этом. И возненавидел меня. Ненависть и страсть бушуют в нем ровно наполовину — неизвестно еще, что победит. Он ведь сильный, как зверь, и может превозмочь любое колдовство. Особенно теперь, когда узнал о нем. А выходить замуж за мужика, который тебя одновременно хочет и ненавидит — так себе удовольствие, верно?

— Верно, — как эхо повторила я, вспомнив гнев в медовых глазах эсквайра.

— Ну, в принципе, я б стерпела — я никогда не испытывала к нему таких сильных чувств, как остальные кумушки... — философски продолжила Нутелла. — Наша святоша Лидия Гарднер, например. Но вот в чем соль, с приворотом я оплошала. Совсем оплошала. Он узнал! Мало того, этот гадский приворот навлек на меня проклятье... Ой, уже на тебя... Короче, если его не снять, случится нечто страшное. У любой магии есть цена. Такова была цена приворота, древнее заклинание, черт бы его побрал! Черт бы его побрал — так ведь у вас говорится, да? Мне нужно изучать особенности вашего мира. Правда, побочный эффект заклинания выяснился чуть позже, увы... Подвергать себя опасности мне не хочется. Не для того мама ягодку растила. Потому я пустила в ход свое тайное оружие с перемещением в ваш мир. Свою судьбу ты выбрала совершенно честно, пойми. Среди тысячи билетов было только три волшебных, и ты вытянула один из них. Так что разбирайся с красавчиком Тео и с проклятьем сама. Может, он вообще сам прибьет тебя раньше. В свете его травмы, понимаешь...

— В свете какой травмы? — похолодела я. — Что не так с эсквайром?

— Какой травмы? — переспросила девушка с полотна, как будто раздумывая, сказать или нет. — Да он ведь...

Глава 3

Теодор

Клянусь богами старыми и новыми, леди Цицинателла де ла Мередит заслуживала того, чтобы отправить ее на костер!

И наплевать, что у нас в Равенне лет двести, как уже не сжигали ведьм... То есть тех, чья вина в темном колдовстве была доказана.

Леди Цицинателла заслужила. Я бы самолично бросил огненную сферу на сухой хворост. И рука бы не дрогнула, отвечаю.

Когда мне казалось, что хуже быть уже не может, что Цицинателла просто физически не сможет разозлить меня сильнее, она брала все новые и новые вершины в этом нелегком деле.

Поразительная женщина, если так задуматься...

Люцифер бы ее побрал!

Впрочем, она с ним явно на короткой ноге, так что вряд ли нечестивый смог бы причинить ей хоть какой-то вред. Скорее уж она ему!

Не сомневаюсь — попади она в преисподнюю, темные духи не выдержали бы и пары дней и стали слезно умолять своего господина вернуть ее обратно, подальше от них.

И на этой женщине я собрался жениться!

Спятил, не иначе. Именно так мне и сказал старший брат, который командовал корпусом офицеров почетного эскорта короля. Вернее, как сказал — написал в письме, так как в данный момент Тристан сопровождал Его Величество в дипломатической поездке в соседнюю страну.

Я помнил его почти наизусть, хотя, когда сломал печать, то даже не вчитывался, так, пробежал глазами...

Не вздумай брать в жены эту ведьму, Тео! Она превратит твою жизнь в ад. Не удивлюсь, если де ла Мередит в первую же ночь соберется тебя отравить, чтобы завладеть наследством. Эта девка — подлая, циничная и жестокосердная тварь, и ты ни в коем случае не должен ввести ее в свой дом!

Она же на все пойдет, ради денег удавится, неужели не понимаешь? Эта история с приворотом возмутительна. Я считаю,

что Цицинателу де ла Мередит нужно судить, как преступницу! Не только за это, но и за шантаж! Да как она вообще посмела проверить такое с членом семьи Рутланд?

Хотя, пожалуй, тут нет ничего нового. Зная скандальную репутацию Мередит в нашем городе, от нее еще не такого можно ожидать. Во-первых, девка происходит из хоть и знатной, но гнилой семейки. Предки занимались темной магией, а во времена Великой Инквизиции ее тетку за это дело отправили на дно реки — и поделом!

Во-вторых, ее братец — настоящий бандит с большой дороги и сейчас находится в королевском розыске.

Ну, а в-третьих, девка сама, благодаря своему мерзостному характеру заслуживает носить «почетную» фамилию Мередитов. Всех скандалов, в которых она была замешана, и не упомнишь сразу. Из последнего — несчастный юнец Персиваль О`Нил, который из-за нее покончил жизнь самоубийством. Говорят, эта гадина развела его на крупную сумму денег, а затем бросила беднягу.

Ни в одном приличном доме этой, с позволения сказать, леди не рады! Да и вообще, Тео, задумайся — а леди ли вообще она? Только не говори, что не знаешь про возмутительные слухи об ее распущенном нраве и о том, что Мередит уже давно не девица...

И вот этот гнилой, залежалый, проченный товар ты хочешь взять? Я решительно тебя не понимаю, братишка!

С приворотом что-нибудь придумаем — я проконсультируюсь с королевскими магами. Не может быть такого, чтоб нельзя было его снять.

Тебе нужна добрая и кроткая жена с безупречной репутацией, вроде этой милашки Лидии Гарднер. Уж она бы составила тебе прекрасную партию и никогда не опозорила, как эта наглая дрянь Цицинателла.

Отмени свадьбу, или хотя бы повремени с ней до моего возвращения.

Окстись от Мередит, Теодор! Одумайся, брат мой!

Последнее предложение звучало особенно драматично. Да, Тристан всегда любил драматизировать. И, сколько я помню, недолюбливал семейство Мередитов. Даже презирал.

Что касается меня... Я никогда не судил о человеке по слухам. В народе говорят — с ветра пришло, по ветру и пошло. Я всегда был

склонен полагать, что местные дамочки из высшего общества завидуют Цицинателле, вот и придумывают про миледи невесть что...

Лидия Гарднер, конечно, и правда милая девушка, но она и в подметки не годилась Цици.

Мне всегда было приятно смотреть на нее издалека. У девушки была роскошная фигура по типу песочных часов: тонкая узкая талия, широкие округлые бедра и поистине шикарная грудь. Боги не обделили ее ярким благородным лицом, на котором, словно два изумруда, мерцали загадочные зеленые глаза. Чуть вздернутый носик придавал этому лицу особенную прелесть, не говоря уже о пухлых коралловых губах в форме сердечка.

Боги создали само совершенство, воистину.

На нее было не только приятно смотреть, но и слушать низкий, откровенно сексуальный голос с чарующей хрипотцой.

В общем-то, смотрел я на нее, смотрел, пока не понял, что хочу большего.

Сильно так хочу. Подозрительно сильно и страстно до безумия.

Поначалу меня это не удивило — Цицинателла действительно та, кого не грех захотеть. Но я не узнавал себя — обычно хладнокровный и сдержанный, я мчался к ней, дрожа от страсти, как юнец, от одного ее благосклонного взгляда.

Мне хотелось бросить к ее ногам весь мир, подарить драгоценностями и замками, залюбить до беспамятства...

Но даже в таком состоянии я не мог изменить себе — и решил ее проверить.

Результат сложной магической проверки оказался до смешного прост.

Эта стерва меня приворожила.

Почему тогда, несмотря на это, я не изменил своего решения жениться на ней?

Несмотря на то, что мой брат Тристан забрасывал меня письмами, призывая сдать Цицинателлу в управление контроля магии?

Я отвечу.

Потому что я хотел эту женщину. А то, чего я хочу, я всегда получаю.

Пусть в моей жизни больше никогда не будет любви... Зато будет много страсти. Ненависти. И мести.

Что ж, этого достаточно, чтобы я мог снова почувствовать себя живым.

Глава 4

В следующее мгновение девушка на портрете отвернулась — что-то позади привлекло ее внимание.

— Слушай, некогда мне тут с тобой... — торопливо сказала Нутелла, вернувшись ко мне. — Второй день Светкиной свадьбы, сама понимаешь, отгулять надо. Да и магия связи двух миров заканчивается. Маловато ее в этом мире. Зато есть масса других возможностей. Привыкну.

— Эй, стой! — задохнулась от возмущения я. — Как это некогда? Отправила меня в этот мир, подвергла такой опасности, и, что не дашь вообще никакой подсказки? Ты обалдела, что ли?

— Если честно, то да, — Нутелла в моем теле мечтательно закатила глаза. — Я тут с таким парнем познакомилась, закачаешься! Его Мишель зовут...

Страшное подозрение закралось ко мне в голову:

— Это, случайно, не тот, который танцует? В красных стрингах? Не смей!

— Вот еще! — фыркнула Нутелла. — Хочу и буду! А тебе б враз теперь со своими проблемами разобраться.

— С твоими!

— Можешь забрать их себе. Я добрая. И великодушная.

— Вот вернусь и устрою тебе доброту и великодушие! — пригрозила я.

— Не-а. Не вернешься, — в руке Нутеллы возник тот самый лотерейный билет и она небрежно им помахала. — Вот он, твой единственный билет в прошлую жизнь. Только благодаря ему ты можешь вернуться. Но вот беда...

И эта мерзкая подлая гадина демонстративно разорвала билет на две части, а затем сложила и порвала их на еще более мелкие части! Затем она легонько дунула на обрывки и они закружились в пространстве картины, после чего упали к ее ногам.

— Уже не можешь. Наш обмен завершился и он окончательный.

— Как окончательный?

— А вот так! — довольно усмехнулась я-она. — Так уж и быть, дам тебе подсказку, а то совсем пропадешь. Погляди... хм... в районе изголовья своей кровати, может, что полезное и найдешь... Все-все, убегаю! Пожелай мне удачи в моем новом теле, Цици.

— Я! НЕ! ЦИЦИ! — заорала я, пораженная тем, как цинично и нагло она отрезала мне путь назад. — Что ты наделала?

Вообще-то я всегда отличалась умением держать себя в руках, контролировать ситуацию, не выплескивать эмоции.

Но сейчас... Меня поместили в абсолютное чужое — хоть и фантастически красивое, но чужое! — тело — раз! В невиданный средневековый мир, где, наверное, не было анальгетиков, прокладок и кроссовок, а была магия — два! Ко всему прочему, мне грозила опасность в лице моего без пяти минут мужа — это три!

Тут у кого хочешь бы нервы сдали!

На эмоциях я схватила графин с водой и швырнула его в портрет, что произвело эффект разорвавшейся стеклянно-водяной бомбы. Осколки и вода повредили полотно, но... Все краски на нем и так смешались, возвращаясь в свое первоначальное состояние.

С портрета на меня смотрела никакая не Яна, а леди Цицинателла де ла Мередит.

Новая я.

Теперь это была я, хотела того, или нет.

Я без сил упала в позолоченное кресло, что стояло перед огромным зеркалом в тяжелой деревянной оправе.

И попыталась не то, чтобы привыкнуть, а хотя бы присмотреться к своему отражению.

— Леди де ла Мередит, вы позволите?

Тон служанки, что заглянула в мою гардеробную, был очень далек от почтительного. Да хотя бы просто добродушного!

Она подошла и бесцеремонно принялась расчесывать мои волосы. Ой, то есть волосы этого тела. Тела Цицинателлы...

Нет, все-таки теперь мои.

При этом она совершенно их не жалела. Такое ощущение, что, наоборот, хотела выдрать из них клочок покрупнее.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Колла, госпожа, — с непонятной усмешкой ответила служанка. — Никак запамятовали? Я ж ваша личная камеристка.

— Колла, можно аккуратнее? — вежливо попросила. — Больно.

— Да, госпожа Мередит. Конечно, госпожа Мередит.

И все так же продолжила драть мою разнесчастную шевелюру. Затем девушка при помощи магии воздуха быстро соорудила мне прическу, наверное, призванную называться праздничной.

Чтоб вот так испортить мое прекрасное лицо, это нужно было постараться. Она накрутила темно-русые волосы во множество мелких и совершенно неестественных локонов, хаотично торчащих вокруг головы. Да еще и зацепила их на затылке вычурной заколкой, которая, по-моему, весила целую тонну.

Затем Колла подошла к одной из стен и нажала на какой-то невидимый рычаг, отчего панели разъехались в стороны, являя в своих недрах кованый каркас-манекен со свадебным платьем на нем.

Оно было великолепным, слов нет! Классического средневекового силуэта, с расширяющимися книзу кружевными рукавами и жемчужным лифом, расшитым, очевидно, вручную лилиями и розами. Довершал образ роскошный длинный шлейф, который, наверное, должны были нести какие-нибудь милые дети, как из рекламы шоколада.

Если мне не изменяет память, в подобном наряде разгуливала владычица эльфов Галадриэль из одного небезызвестного фильма.

Умереть не встать!

— Я помогу вам облачиться, — с ужимкой сказала Колла, принявшись снимать платье с манекена.

Ну что за неприятная особа?

Не хотелось показывать ей, что один лишь вид подвенечного наряда вызвал во мне практически не контролируемую панику.

Попала в другой мир, в чужое тело... Ладно, можно привыкнуть и пережить это!

Но как смириться с тем, что я должна выйти замуж за совершенно незнакомого и, если судить по нашей первой встрече, не самого доброго, чуткого и отзывчивого мужчину?!

— Не стоит. Я сама.

Колла бросила на меня удивленный и неприязненный взгляд. А затем удалилась, пожав плечами.

Едва за ней закрылась дверь, я подскочила к зеркалу и содрала заколку с волос, пальцами распрямляя неестественные локоны. Они

тут же легли пышной волной. Вот так-то лучше!

— Сударыня, ваше время почти вышло, — раздался за дверью зычный голос Рутланда. — Две минуты, и я вхожу.

Чтобы пуще нагнать на меня страху, эсквайр несколько раз ударил в дверь, отчего стекла на окнах задрожали. И я вместе с ними.

— Сейчас-сейчас! Я почти готова! — обнадежила я.

А сама тем временем нервно ощупывала стенку гардеробной. Открылось же в противоположной стене отделение со свадебным нарядом — значит, и с другой стороны что-то похожее предусмотрели.

Мои старания оказались вознаграждены: панель отъехала в сторону — за ней оказались платья.

То, что надо!

Наскоро выбрав из них то, на котором было меньше всего крючков, я в рекордно короткие сроки нацепила его на себя и подбежала к окну.

Слава богу, оно оказалось расположено почти рядом с землей.

— Миледи Цицинателла, вы вынуждаете!

Чего я его там вынуждала, выяснять мне не хотелось от слова совсем.

Вообще от голоса Рутланда, ей-богу, можно было концы отдать — столько в нем было маскулинной сексуальности и в то же время ярости и гнева.

— Выхожу! — крикнула я и сиганула в окно.

Юбка парашютом взвилась вокруг моих ног. Приземление прошло успешно!

Я рванула за угол и бросилась к выходу из парка, что был разбит вокруг двухэтажного особняка, из которого я только что спаслась бегством.

Вообще-то утренние пробежки — мое все. Быстро бегать я умею. Даже несмотря на препятствие в виде этих самых длинных юбок старинного платья. Но их всегда можно подоткнуть, не так ли?

Не будь дурочкой, с дороги я свернула в пролесок. Так сложнее идти по следу.

Здесь, так же, как и в моем мире, стояла снежная зима. По ощущениям — минус два-три градуса. Неплохо — от холода я не умру. Судя по городскому пейзажу, который я мельком разглядела в окно

Цицинателлиной спальни, ее дом стоит немного на возвышенности — неподалеку небольшого городка.

Бесчисленные шпили, позолоченные башни и купола напомнили город с иллюстраций к сказкам Гофмана. В детстве я очень любила «Крошку Цахеса» и «Золотой горшок», потому сочла это хорошим знаком.

Главное сейчас — отделаться от пугающего до икоты замужества. И я, можно сказать, в двух шагах от цели!

Немного осмотрюсь в городе, продам серьги Цицинателлы, что болтаются у меня в ушах, найму экипаж, или как у них тут передвигаются, не на поездах же... И окажусь подальше от своего будущего супруга, как мечтала.

А там уж будем разбираться. Нутелла порвала лотерейный билет и сказала, что это была моя единственная возможность вернуться домой. Но что, если она блефовала?

В общем, настроение у меня самую чуточку поднялось — вроде как даже получался какой-то план. А я очень люблю действовать по плану — это как-то успокаивает.

Увы, все оказалось напрасно.

Дорогу мне преградил всадник на могучем черном жеребце. Шерсть красивого животного лоснилась — в нем чувствовалась сила и порода.

Я шарахнулась назад, а потом вбок, но наездник будто играл со мной. Не давая и шагу ступить — теснил к крутому косогору над речкой.

Представляю, как опасна может быть лошадь — как наступит мне копытом на ногу, с конечностью можно попрощаться! Но конь ступал осторожно, беспрекословно подчиняясь не то, что движению, наверное, каждой мысли своего хозяина.

Кто был тем всадником, догадаться нетрудно...

Вот ведь ек-макарек!

Похоже, мне нужно смириться с тем фактом, что отделаться от эсквайра Теодора Рутланда — задача очень сложная. Если вообще выполнимая!

— Какая встреча, миледи! — даже не потрудившись скрыть клокочущую в голосе ярость, процедил мужчина. — Собрались подышать свежим воздухом перед нашей свадьбой? Как мило. Только

надо было предупредить меня — я бы составил вам компанию. Правда, не скажу, что с удовольствием... Но, имеем то, что имеем.

— Вы понимаете, вся эта свадьба — ошибка, — пролепетала я, глядя на него снизу вверх. — Вы должны мне поверить! Я вовсе не Цицинателла, а...

Вот ведь — отродясь не блеяла, как овца, даже если заваливала экзамен в институте... Но он вынуждал. Одним своим видом и вынуждал!

Теперь, когда у меня была возможность приглядеться к Теодору Рутланду внимательнее, я заметила, насколько он статен и хорош собою. У него было красивое и волевое лицо с твердыми губами, четким прямым носом и поразительными карими глазами. Внутри радужной оболочки словно разлился майский мед — терпкий и золотистый.

Наверное, они могли бы быть добрыми, эти глаза, смотреть с мягкостью и теплотой... Но только не на меня. Мне были предназначены самые темные чувства — раздражение, презрение, гнев, ненависть...

В темные шелковистые волосы эсквайра, небрежно перетянутые лентой, так и хотелось запустить руку... Странно, никогда бы не подумала, что мужчина с длинными волосами может выглядеть так мужественно.

Да, Теодор Рутланд был живым олицетворением слов «мужественность» и «сила». Его гордая осанка, преисполненные внутреннего достоинства и силы манеры, и то, как уверенно и красиво он держался в седле, говорили о многом.

И это не считая низкого, хриповатого баритона, который обволакивал тебя, как мягкий кокон. Даже несмотря на то, что вещи он говорил совсем для меня неприятные...

Про могучую накачанную фигуру эсквайра с узкими бедрами и широкими выдающимися плечами лучше было вообще умолчать! И о том, как красиво и ладно сидела на нем его одежда — бархатный камзол с неяркими узорами и широкий черный плащ с меховым подбоем, который живописно вился около крупа лошади.

Я вспомнила своего последнего поклонника из интернета, который, к слову, в реальности оказался худющим долговязым парнем

с крысиным личиком и рыжими кудрями в разные стороны, и сглотнула.

Никогда не судила людей по внешности и вообще...

Но!

Поистине, до этого мига мне не доводилось встречать таких впечатляющих, могучих, властных и сильных мужчин, как эсквайр Теодор Рутланд.

Мой, на минуточку, вроде как почти муж.

Если не удастся убедить его в обратном...

— Не Цицинателла? — задумчиво переспросил мужчина, сдерживая своего коня, который топтался вокруг меня, и во мне забрезжил лучик надежды. — Что ж, тем лучше, миледи.

— Такими интересными разговорами вы сами даёте мне в руки прекрасный повод от вас избавиться. Думаю, что главный лекарь лечебницы для душевнобольных Д,Арчибальд со вниманием отнесется к вашей бредовой идее... И будет рад поместить вас там на некоторое время для изучения этого феномена.

— В психушку? — испугалась я. — Не поеду!

Дело принимало скверный оборот.

— Так что вы там говорили про то, что вы не Цицинателла? — издеваясь, переспросил Рутланд. — Яна... Ершова, так, кажется, вы себя назвали? Какое нелепое для наших мест имя. Право слово, могли придумать что-нибудь более правдоподобное.

Пришлось спешно переобуваться и спасать положение.

— Нет-нет, Цици я! Нутелла, как она есть! Вы правы, эсквайр, я и впрямь это выдумала. Просто я действительно не понимаю, зачем нам с вами жениться? Вы этого не хотите. Я осознала, что тоже не хочу. Так почему бы мирно не решить этот вопрос и не отменить всю эту сва...

Я не договорила. Теодор вперился в меня своими золотистыми глазами, которые вмиг потемнели от гнева и каких-то еще непонятных чувств...

Непонятных... Не знаю. Мужчины никогда не смотрели на меня так.

С такой... Страстью.

Далее произошло нечто удивительное. Мужчина склонился ко мне, обхватил за талию и легко поднял в седло. Как морковку с грядки

вытащил. Он усадил меня боком к себе, а могучие руки так и остались на моей талии.

— Зачем жениться? — с издевкой переспросил Теодор. — После всего, что вы совершили и сказали, после вашего подлого обмана, после того, что вы сделали со мной, вы спрашиваете, зачем нам жениться? Поистине, вы — дьявол во плоти, миледи.

— Я сожалею об этом... привороте, — попыталась зайти с другой стороны я, надо же было хотя бы начать как-то решать проблемы, что проклятая Нутелла навлекла на мою голову. — Давайте помиримся и обо всем забудем.

Плохая попытка. Это была явно плохая попытка.

— Такая жестокая и хладнокровная, что это даже восхищает, — тихо, но яростно проговорил мужчина. — И прекрасная. Даже с той тьмой, что у вас в душе... Все равно неизъяснимо прекрасная.

Теодор взял меня за подбородок, вынуждая смотреть себе в глаза.

— Так легко говорите об этом, зная, какой ураган страсти бушует внутри меня? С каким трудом я сдерживаюсь, чтобы не овладеть вами прямо здесь, на снегу? Сделать это жестоко и грубо, как вы того заслуживаете. И плевать, что после этого все узнают то, что я тщательно скрывал все эти годы... Знаете, в моем понимании шантажисты — самый отвратительный, мерзкий и трусливый народ. Прискорбно, что я буду женат на одной из них.

Золотистые глаза были очень близко — в них пылал бешеный огонь ненависти и страсти... И я не знаю, чего было больше. Чего мне хотелось, чтобы было больше...

— Так не женитесь! — не выдержала я, сама испугавшись своих чувств. — Все можно исправить, сделаем отворот и разойдемся в разные стороны. Что касается шантажа, то я забуду, чем там вас шантажировала. Считайте, уже забыла!

Кстати, относительно последнего, тут я была правдива, как никогда. Подлая Нутелла не соизволила сообщить мне, чем шантажировала Рутланда.

И что у него за травма.

Она ведь проговорила про какую-то травму... Боже мой, он опасен! Всем своим существом я чувствую, насколько этот мужчина опасен! И чертовски привлекателен — с какой-то потусторонней силой он влечет меня к себе...

Я почувствовала, что мои щеки пунцовеют, и хотела отвернуться, он не дал. Притянул к себе, неотрывно глядя на мои губы.

Самое странное заключалось в том, что под его пламенеющим взглядом мне почему-то до одури захотелось их облизать.

Что я и сделала. Как-то само собой, нечаянно вышло...

Рутланд дернулся, выпустив поводья, которые держал левой рукой, и я почувствовала на своих губах его опаляющее дыхание.

— Если вы думаете, что я поверил хотя бы одному вашему слову, то вы — непроходимая дура, сударыня. В леди Цицинателле де ла Мередит нет ничего человеческого. И я уже убедился в этом на своем горьком опыте. Ваши игры окончены. Началась моя игра. Совсем скоро вы будете полностью принадлежать мне. Ваше тело будет моим. А души вашей мне не надо. Я знаю, насколько она черна.

Мне вдруг стало так обидно, что горькие слезы сами собой неожиданно хлынули из глаз. Моя-то собственная душа не была черна! Я не сделала этому Рутланду ничего плохого... Зато теперь должна была расплачиваться перед ним за грехи другого человека, и познать всю силу его ненависти, от которой мне становилось дурно.

Но, по правде, еще дурнее было от его откровенных признаний, пламенеющего взора и горячих сильных рук.

Чтоб ты провалилась, гадская Нутелла! Прохлаждается там со стриптизером, в моем теле, а я тут вынуждена страдать от губительной ненависти мужчины, один взгляд которого заставляет мое сердце биться сильнее.

— Не нужно слез, миледи, — равнодушно сказал Теодор и прищипорил коня. — Ваши слезы — вода. Они не окажут на меня никакого влияния. Сейчас вы получите то, чего добивались. Ради чего пошли на преступление. Так будьте готовы получить сполна!

На лошадях ранее мне кататься не доводилось. Будь я в седле одна, а не с Рутландом, точно сошла бы с ума от страха.

Это оказалось так высоко, шатко и ненадежно... Но Теодор великолепно держался в седле, одной рукой придерживая меня за талию. Довольно грубо, между прочим.

Зато я могла не переживать за то, что лошадь вот-вот скинет меня в ближайший сугроб. Нет, падать-то, наверное, было б не так жестко, как на обычную землю, но все равно в снег меня как-то не тянет!

Замуж, по правде говоря, тоже...

Хотя, подозреваю, об этом мечтал не только жеребец, но и сам Рутланд. Свалить под ракиновым кустом, да там же и прикопать. И никакой свадьбы! Думаю, он так не сделать только потому, что понимал — даже, если избавится от меня, действие приворота не закончится.

Так что оставалось только жениться...

Интересно, что там за такие сильные чары при привороте использовала Цицинателла? Они ведь еще мне и погибелью, между прочим, грозят! Нужно обязательно попытаться это выяснить.

— Значит, траур, — проговорил между тем Теодор с презрением и, как мне показалось, горечью.

Я непонимающе обернулась на мужчину. Интересно, что на этот раз он имеет ввиду?

Спустя пару мгновений до меня дошло. После того, как на себя посмотрела!

Когда я выхватила из гардероба Нутеллы первое попавшееся платье, то руководствовалась только одним — чтоб поскорее облачиться во что-то приличнее прозрачного кружевного пеньюара. И чтоб у этого было как можно меньше пуговиц и застежек.

В суматохе я, оказывается, совершенно не обратила внимания, что напялила на себя траурное платье.

Не то, чтобы я вот прям разбираюсь в викторианской моде, но в том, что это именно траурный наряд, не было сомнений. Наглухо закрытый, черный, без единой кружевной вставки или декоративного элемента...

— Даже узнав о вашем обмане, я дал вам для этого бракосочетания всё. Лучшие столичные портные были к вашим услугам. Вы были абсолютно не ограничены в выборе драгоценностей, тканей, фасона, отделки... Хоть бриллиантами все подвенечное платье вышей, — проговорил Рутланд. — Вместо этого вы собрались пойти со мной к венцу в траурном облачении.

Это было не так — уж что-то, а о роскошном свадебном платье Цицинателла позаботилась.

— Вы ошибаетесь, — попыталась воззвать я. — Цици... Вернее, я приготовила очень красивое подвенечное платье. Все, как полагается! Просто так получилось, что...

— У вас была возможность его надеть, миледи, — холодно перебил Теодор. — Вместо этого вы облачились в черное, ясно давая понять свое отношение ко всему происходящему. Вы знаете — мне наплевать, что обо мне скажут в обществе. Я никогда не гнался за высоким титулом и репутацией аристократа. Вы могли пойти к алтарю в чем угодно, хоть голая. Однако этот поступок я считаю проявлением крайнего неуважения ко мне и моей семье. Не говоря уже об элементарном уважении к гостям торжества.

И вот, честное слово, вроде бы я была не виновата — даже не разглядела, что там вытащила из гардероба Нутеллы.

Но почувствовала себя просто отвратительно.

— Мы можем вернуться, и я...

— О нет, леди Цицинателла, — Рутланд остановил меня небрежным жестом. — Я вижу, что вы не в состоянии принять адекватное решение по поводу подходящего гардероба. Поэтому я приму его сам.

— Вряд ли оно вам понравится. Но в одном можете не сомневаться — вы выйдете за меня замуж в белом, согласно древним традициям.

Прозвучало это несколько зловеще. Однако выбора у меня не было — не на полном ходу же с лошади прыгать?

Хотя, даже если я и захотела, ничего не получилось — уж слишком крепко Теодор меня держал.

Ехали довольно долго... Или мне так показалось?

Но я начала основательно подмерзать. М-да уж, это сгоряча мне показалось, что минус один — не такая уж и низкая температура... А, как выясняется, в одном платье, пусть и из плотной толстой ткани, очень даже холодно!

Пар шел у меня изо рта, и, не выдержав, я принялась тереть побелевшие руки.

Нужно запомнить на будущее, что пробираться зимой через лес без ОЧЕНЬ теплой одежды — плохая затея.

От Рутланда мои зябкие поеживания, разумеется, не укрылись.

Ни слова не сказав, он скинул с себя свой потрясающе теплый плащ и небрежно набросил мне на плечи.

— Спасибо, — прошептала я, кутаясь в ткань, хранящую тепло его тела.

Но эсквайр, кажется, не обратил на это внимания. Или настолько меня презирал, что ему и благодарности моей было не нужно.

Тем временем мы оказались на мостовой города.

Сразу стало ясно, что с Гофманом я попала в самую точку. Город стоял на холмах, и архитектура здесь была изысканная, чуть мрачноватая, с множеством башен, высоких замков и мощеных площадей. Острые шпили, высокие вытянутые окна, украшенные росписями фасады, резные барельефы на стенах и крышах — я взаправду словно попала в готическую сказку.

Я все приглядывалась, с интересом крутя головой в разные стороны. Очень хотелось спросить название этого сказочного места, словно сошедшего с кадров из какого-то атмосферного фэнтези-фильма, но пока что я решила держать язык за зубами.

Вообще-то Нутелла тут жила, и не могла не знать его название. Ну, как Теодор решит, что я снова что-то затеяла, и после свадьбы в отместку упечет меня в лечебницу для душевнобольных? С него ведь станется!

Потом узнаю название города, не беда.

Правда, потом — это... после свадьбы?!

Матерь Божья, даже не верится, что она все-таки состоится...

Между тем Теодор свернул в один из проулков, а затем еще в один. Наверное, мне нужно начинать бояться, потому что выглядели они достаточно мрачно — высокие кирпичные стены, небольшой двор...

На место торжественного бракосочетания это походило мало. Вернее, вообще не походило.

Может, он все-таки передумал на мне жениться, и решил прибить?

Эта неприятная догадка находила все больше подтверждений: Теодор спешился, а затем бесцеремонно снял с седла меня.

— Зачем вы привезли меня сюда?

— Узнаете.

— Я никуда не пойду! — заупрямилась. — Мне страшно.

Теодор так зыркнул золотистыми глазами, что я отпрянула.

— Поверьте, куда более страшно вам должно быть от попытки меня послушаться, миледи.

— Дайте слово, что не причините мне вреда!

— О нет, леди Цицинателла, такого слова я вам дать точно не могу, — хохотнул мужчина. — Думаете, я могу причинить вам вред? Правильно думаете.

Нет, маньяк! Самый натуральный! Вон, как довольно лыбится!

— Не пойду-у! — я схватилась за ближайший деревянный столб, что служил подпорой навеса для лошади. — Сначала скажите, куда вы меня привезли! Может, это вообще тюрьма? Или пыточная камера? На церковь не похоже! Где священник? Где гости?

— Я, конечно, понимаю, что вы до последнего не сдаетесь и пытаетесь тянуть время. Но это уже переходит все рамки, миледи! К тому же, могу вас обрадовать: даже если гости и разойдутся, друиду велено ждать нас до последнего. Ваше упорствование в желании избежать бракосочетания, пожалуй, выглядело даже достойно. Если б не начало по-настоящему меня раздражать.

Далее меня абсолютно бесцеремонно оторвали от столба, схватили повыше плеча и поволокли в приземистое здание. А так как хватка у Рутланда была железная, мне ничего не оставалось, как, мелко перебирая ногами, просеменить за ним.

Как выяснилось минутой спустя, бессовестный эсквайр самым наглым образом меня запугивал.

Мое разбушевавшееся воображение уже нарисовало себе жуткую камеру с полным арсеналом самых жутких орудий пыток — от железной девы до испанского сапога.

Ничуть не бывало.

Я оказалась в...

Глава 5

Теодор

Зачем она наслала на меня приворот, было ясно, как белый день. Цицинателле нужны были мои деньги.

Пожалуй, это и бесило меня больше всего.

Я не привлекал ее, как мужчина. Судя по ее поведению, вообще вызывал отвращение.

Наверное, поэтому перед самой свадьбой она решила все переиграть. То есть вообще не выходить за меня замуж. Самое интересное, что она даже не потрудилась мне об этом сообщить.

Даже если написала бы в последний вечер перед свадьбой — что раскаивается в своем темном колдовстве и просит отменить церемонию, я бы это принял и согласился.

В глубине души я понимал, что это было бы разумно.

Но нет — она просто не явилась в назначенное время к священному холму бракосочетаний. А ведь я ждал ее, как последний дурак!

И тогда уже, во весь отпор гнав коня по улицам города к дому Мередитов, я знал, что ни за что не отступлюсь от этой женщины. Из-под земли ее достану, но приволоку под алтарь.

Ее слуги даже не пытались меня задержать. Во-первых, понимали, что это бесполезно. А во-вторых, наверное, не особо-то и любили свою хозяйку.

Так что в ее спальню я вошел без особых проблем. Но даже если бы они и возникли — даже если на двери стояла сложная многоступенчатая магическая защита, или бы ее охранял злобный дракон, я все равно бы открыл эту чертову дверь! Снес ко всем чертям.

Хотя, если задуматься, этим злобным драконом была она сама.

Вместо того, чтобы собираться на церемонию бракосочетания, моя несравненная невеста сладко нежилась в своем уютном теплом гнездышке.

Мысль о том, что она просто-напросто проспала, лишь только промелькнула у меня, и тут же исчезла.

О нет, миледи не проспала. Она действительно НЕ СОБИРАЛАСЬ приходить.

Не собиралась выходить за меня замуж. Передумала, угу. А, может, нашла жениха побогаче? Знатнее? Кого-нибудь из королевского двора?

Ярость полыхнула внутри ослепительной вспышкой.

Именно в этот момент, когда я увидел ее роскошное тело в шелках и атласе постели, я готов был ее убить.

Или любить. Любить до изнеможения.

Магия ее приворота действовала на меня со страшной силой. Хотелось в клочья разорвать кружевную тряпочку, прикрывающую ее от того, чего я так вождедел... И не скрывающую вообще ничего.

Чтобы сдержаться, пришлось мысленно призвать магию железного обруча. Все должно было пройти по обряду. Она хотела этой свадьбы — церемония состоится.

И наплевать, чего она хочет сейчас!

Единственное, от чего не было сил удержаться — так это от того, чтобы попробовать на вкус ее аппетитную налитую попку, которая оказалась слаще самого сахарного плода, что растет в саду короля.

Нужно потерпеть еще немного. Совсем немного — и она будет моей. Вся целиком, от макушки до нежных маленьких мизинцев босых ног.

Клянусь, я в жизни не видел таких волшебных, изящных ножек!

Совершенство... Почти мое. Скоро мое. Целиком, без остатка.

Проклятый приворот! Проклятый, но такой... сладкий.

Того, что совершенство попытается бежать через окно в своей гардеробной, я, признаюсь, не ожидал.

Неужели ее планы так поменялись? Неужели настолько меня не хочет, что готова чуть ли не босиком по снегу от этой свадьбы бежать, лишь бы не со мной?

Догнать беглянку труда не составило. Раскрасневшаяся от мороза, она смотрела так испуганно и несла какой-то дикий бред про то, что она не Цицинателла.

Снова лгала и изворачивалась, конечно. Но так вдохновенно, так красиво, что на минуту я даже готов был ей поверить.

Тем более ее глаза... Мне показалось, или они стали светлее? Раньше они были более темными, почти черными, опасно и неведомо

мерцающими... Сейчас же зеленый цвет стал ярче и глубже, но все так же притягательно переливался, излучая нездешний свет.

Русалочьи глаза — чарующие, гипнотические, манящие.

Все бы отдал... Все на свете, что не пожелаешь... Хочешь сбежать от меня, любовь моя? Так беги — вот тебе мой конь, плащ и все деньги, что у меня есть...

Я тряхнул головой и резко дернул поводья, сбрасывая дурман наваждения, навеянного ее приворотом.

Ведьма. Как есть ведьма.

Слава богам, что в моих жилах течет магически заговоренная кровь инквизиторов — мой дальний предок охотился на ведьм. Поэтому и могу сопротивляться ее темному колдовству. Только поэтому.

Но отказаться от нее не могу. Это выше моих сил.

Да и не хочу, по правде. Не отпущу, как бы не сопротивлялась!

Моя. Моя истинная.

Я посадил ее перед собой, обняв тонкую талию. А хотелось прижать к себе до одури крепко. Она дрожала — от холода и, наверное, ненависти и отвращения.

Последний ее план рухнул — сбежать от меня и свадьбы не удалось.

Эта чертова свадьба состоится, даже несмотря на то, что она напялила на себя траурное платье, желая показать свое отношение ко мне.

Свадьба со мной — как траур. Очень остроумно, Цицинателла. Неужели не понимаешь, что это меня не остановит?

Есть у меня одна идея. Тебе понравится, обещаю.

Глава 6

Я оказалась в некоем подобие цеха.

Вернее, почему в подобии? Это и был самый настоящий ткацкий цех!

В помещении с низкими сводами стрекотали машины с растянутыми на них рулонами тканей. Многочисленные пружинки и шестеренки работали на магии, которая светлым дымком вилась над станками.

Сначала я подумала, что это пар, но затем пригляделась к таинственному молочному мерцанию дымка и мельчайшим крупичкам золотистой пыли, что вилась в нем, и поняла, что это самая что ни на есть магия.

— Господин Рутланд!

К Теодору подскочил мужчина с фигурной бородой, как будто только что вышедший из барбер-шопа. Одет он был в простую, но опрятную рабочую одежду.

— Третий станок починили, проблема была в тормозном цилиндре, — четко отрапортовал обладатель модной бороды. — Повозку с бостонами для ателье миссис Фиц-Патрик догружаем. И еще из столицы прибыл нарочный с бумагами на поставку пятидесяти рулонов перкалей для пошива постельного белья для королевского дворца. Простите, господин Рутланд, сегодня вас не ждали... У вас же сегодня светлое торжество? Никак, отменилось все? Да ба, миледи-то в трауре! Никак кто из родни скончался?

Работник пытливо взглянул на меня черными, как жучки, глазами.

— Слава богам, у миледи никто не скончался, Редж, — обрадовал Теодор, но мне крайне не понравился тон, которым он это сказал. — Дело в том, что моя невеста переусердствовала с магией утюжки и сожгла свое свадебное платье.

— Вот горе-то! — всплеснул руками эмоциональный бородач. — Прикажете послать к миссис Фиц-Патрик за новым подвенечным нарядом? Лично поеду и мигом обернусь!

— Боюсь, что на это уже нет времени — ее ателье на другом конце города, — остановил неравнодушного работника Теодор. —

Придется справляться своими силами.

— Как повелите, господин Рутланд. Прикажете белого шелка, тафты, вуали, органзы?

— Нет, ничего такого. Неси отрез миткаля.

— Миткаля?! — работник, кажется, подумал, что ослышался. — Но, господин... Миткаль — никак не для свадебного наряда ткань. Полуфабрикат ведь, для упаковки используем...

— Вот мы сейчас ее и упакуем, — плотоядно посмотрел на меня будущий муж. — Делай, что велено, Редж.

— Но, может быть, мне все-таки послать к Фиц-Патрик... — пролепетал до крайности шокированный Редж. — Негоже миледи появляться в таком, да еще на собственной свадьбе. Не считите за наглость, но вы владеете самой крупной текстильной мануфактурой в стране и ваша невеста должна быть одета соответствующим образом. Да и самой миледи вряд ли понравится...

— А она у меня с придурью, — перебил Теодор, несколько не смущаясь, что я стою рядом. — Неси миткаль, да поживее. Времени осталось немного.

Сказано это было таким властным, повелительным тоном, что Редж оставил все свои сомнения, и побежал исполнять.

— Что вы задумали? — я сверкнула глазами в сторону владельца самой крупной текстильной мануфактуры в стране.

— Что бы я не задумал, вы будете пайнкой и безоговорочно это примите, — эсквайр послал в мою сторону такую зловещую улыбку, что мне сразу поплохело.

— Я напоминаю... — дрогнувшим голосом сказала я. — Напоминаю, что нет совершенно никакой необходимости заключать наш с вами союз. Касательно же приворота, мы придумаем, как его снять, каким бы сильным он не был...

— Неужели вы считаете, что я уже не проконсультировался по поводу того, как развеять действие этой темной магии, с лучшими магами страны?

— И что же сказали лучшие маги страны?

— Обнадежили.

— Вот видите! — обрадовалась я.

— В том плане, что его хотя бы можно попробовать ослабить и он не на всю жизнь. Но более-менее станет ясно лишь по прошествии

трех лет, когда пройдет самая сильная, вступительная фаза этого колдовства, — со злостью продолжил Рутланд.

— Трех лет? Господи...

— Я не знаю, кто этот Господи, которого вы упомянули, возможно, маг, который обучил вас темному искусству приворота. Но все эти три года я намерен получать причитающееся мне сполна, миледи.

Теодор сделал ко мне шаг, плотоядно глядя на мои губы, но в этот момент, слава богу, вернулся Редж.

Работник тащил на себе большой, в человеческий рост, рулон полотна.

Было оно не кипенно-белым, а, скорее, серым. И совершенно непрезентабельным на вид. Этакая тоненькая, шероховатая на ощупь и просвечивающая полумарля.

— Что вы хотите...

— Стойте смирно! — велел Рутланд.

Вот сейчас прямо, когда этот эсквайр что-то злокозненное удумал! Я было рванулась назад, но Теодор махнул рукой, и я тут же застыла соляным столбом. Вот так и стояла, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой!

Выходит, у Рутланда была магия и очень даже сильная. Это делало мое положение еще более беспомощным и зависимым от него.

— Для вашего же блага, миледи, — заявил мой мучитель.

А затем развернул полотно и, не церемонясь, рванул от него приличный такой кусок, как будто вкладывая в это действие всю свою злость.

Дальнейшее напомнило мне лагерь «Солнечная полянка», в котором я отдыхала в детстве. Был там такой конкурс — кто быстрее сделает мумию из туалетной бумаги, обмотав ее вокруг подопытного.

Нечто подобное повторилось сейчас.

В роли мумии — Цицинателла де ла Мередит, в роли туалетной бумаги — миткаль.

Я не шучу, эта на редкость неприятная по виду ткань действительно напоминала туалетную бумагу.

Эсквайр Теодор Рутланд задрапировал ее на обездвиженной мне небрежно, но пышно, не скупясь — траурный наряд оказался

полностью скрыт под фалдами миткаля. И даже набросил мне на волосы подобие фаты.

В конце же перевязал все это издевательским бантиком прямо у меня на попе.

— Вот теперь идеально, — сказал эсквайр и хлопнул меня по этому самому месту.

Вне себя от нахлынувшего возмущения, я шокировано ахнула.

— Того-этого, господин Рутланд, а вы не переборщили? — рискнул вставить Редж, с сомнением глядя на меня. — Может, все-таки к Фиц-Патрик...

— В самый раз, — осадил Теодор. — Ее свадебный наряд прогремит не только в нашем городе, но и по всей стране. Вы будете у всех на устах, миледи. Не благодарите.

— Это фирменное издевательство! — взвыла я.

Видок у меня и правда был еще тот. То ли «Мумия возвращается», то ли уже вернулась. Черте что и сбоку бантик — иначе не скажешь.

В своих светлых наивных мечтах я иногда представляла свою свадьбу с прекрасным и добрым возлюбленным. Он был вежлив, спокоен, галантен и интеллигентен. То есть полная противоположность мужчине, что стоял передо мной!

Еще в этих мечтах я частенько во всех мелочах продумала свой свадебный наряд. Так вот, я всегда хотела, чтобы он был простым и лаконичным, как у герцогини Сассекской Меган Маркл.

А не вот это вот все!

В общем, мой жених и мое платье были бесконечно далеки от моих мечтаний. А еще, называется, в сказку попала...

— Вы считаете, это издевательством? Хотите, я расскажу, что такое издевательство на самом деле? — Рутланд яростно дернул меня за руку — очевидно, я совсем его довела. — Это когда ты влюбляешься в красивую девушку, и готов весь мир положить к ее ногам... А потом вдруг случайно узнаешь, что эти прекрасные чувства — следствие приворотного зелья, которое она подмешала в твое виски на приеме в честь отцов-основателей города. И сделала это не из любви, что, может быть, было бы еще простительно, а преследуя свои низменные цели. Так что лучше молчите об издевательстве, миледи. И идите за мной.

Я пошла. Что еще мне оставалось делать?

Как-то не особо хотелось, чтобы на глазах у рабочих своего цеха Рутланд бы перекидывал меня через плечо и тащил.

Чувствовала я себя в этом миткалевом наряде на редкость некомфортно и вспоминала шикарное свадебное платье из гардероба Цицинателлы.

Может, стоило сразу подчиниться и не пытаться бежать? Как будто я теперь героиня какой-то идиотской комедии положений, и все зрители смеются и дружно кричат ей: "Ну как можно быть такой глупой?!"

Вы не знаете как. Вы не на моем месте. А если окажетесь — посмотрим, как себя поведете.

Раз уж обстоятельства сложились таким образом, что придется все-таки выйти замуж, может, нужно было попытаться получить от этого хоть какую-то радость?

Хотя, какая уж тут радость? Я обернулась на мужчину, который только что бесцеремонно поднял меня перед собой в седло и дернул поводья.

В его медовых глазах были только темные, пугающие чувства.

Нет, я все сделала правильно!

И мне обязательно нужно будет попытаться сделать это еще раз.

Сбежать от него!

Ослепительно улыбаясь, Теодор снял меня с лошади. Улыбка у него была чудесная — красавец, что там говорить!

Тем обиднее показалось мое положение.

Ведь улыбался он с явной издевкой, которую не заметили тут же окружившие нас люди в пестрой толпе. И ясно увидела я.

— Без глупостей, миледи, — с тихой угрозой предупредил эсквайр, подавая мне руку.

От его мануфактуры до храма, в котором должно было проходить торжество, мы ехали совсем недолго. Так что уже можно было не надеяться — не опоздаем.

Если бы я не была охвачена переживаниями по поводу предстоящего замужества, то ахнула от восторга перед оригинальной архитектурой этого строения.

Храм находился на высоком холме и как бы парил над заснеженным городом. Впрочем, зданием в полном смысле слова его было назвать сложно.

Он представлял собой скопление тонких ажурных арок из поблескивающего камня. Это была целая галерея, бесконечный лабиринт изящных форм, перетекающих одна в другую.

Несмотря на зимнее время года, вокруг храма произрастала пышная фиолетовая трава, навевающая ассоциации с лавандовыми полями. А сами арки были увиты чудесными белыми цветами, одновременно похожими на лилии и на цветущие вишни.

Аромат в воздухе стоял небывалый — я вдохнула и тут же почувствовала, как слегка закружилась голова.

Кажется, эти цветы оказывали какой-то странный эффект — меня морило. Но окружающие и особенно Теодор Рутланд выглядели очень бодрыми и собранными.

Наверное, виноваты были не диковинные цветы, лепестки которых летели по ветру, точно снег, а волнение.

Первые мгновения мне сложно было воспринимать окружающую обстановку. Впечатления навалились разом!

Но вскоре я смогла чуть освоиться и приглядеться.

Сначала обратила внимание на одеяния гостей, а потом уж на их лица.

Относительно одежды — это было очень похоже странный смесь средневековой и викторианской моды девятнадцатого века моего мира. Кринолины, корсеты, роскошные ткани и вышивки, кружева, перчатки, бижутерия у женщин.

Фраки, камзолы, жилеты, галстуки у мужчин.

Надо сказать, мой красавец-жених не отставал от всего этого великолепия. Его темный свадебный костюм с искусным шитьем по сравнению с остальными был прост, но в этом и была его изюминка, придающая особый стиль и элегантность.

Отставала от всей этой разодетой толпы одна я, завернутая в разнесчастный нелепый миткаль!

О, я легко могла читать по лицам гостей! Недаром папа всегда говорил, что у меня очень хорошо развита эмпатия.

На Теодора все смотрели чуть ли не с обожанием, особенно дамы, которые тут же окружили его стайкой. Особенно льнула к нему одна леди, здорово смахивающая на пастушку Бо Пип. У нее была пушистая пшеничная челка, падающая на наивно распахнутые голубые глазки-пуговицы. При этом красавицей ее назвать было ну никак нельзя — нос

девушки был длинноват, а губы она все время старательно складывала бантиком.

Просто вот такая обращающая на себя внимание внешность...

Наглая Бо Пип полностью завладела его вниманием, в то время, как я осталась со всеми этими незнакомцами наедине!

И вот, что я скажу: на меня, в отличие от Рутланда, с насмешкой и презрением.

Я видела, как оглядывали мой «наряд», видела смешки в ладошку, чувствовала косые взгляды, и буквально слышала за спиной шепот возбужденных голосов, словно тихонько зашипели змеи, свившиеся в клубок:

— Вы только посмотрите на нее, что нацепила! Это абсолютно неприемлемо и неприлично.

— В очередной раз захотела привлечь внимание...

— А я-то думала, Цици разоденется в пух и прах! Вот тебе и наша первая модница!

— Денег на нормальное платье не хватило, вот явилась на свадьбу в простыне...

— Конечно, ведь ее братец сбежал, прихватив последние фамильные драгоценности. Даже завалящихся сережек ее бабули-ведьмачки не оставил... И поделом ей!

— Не пара она милорду Рутланду, совсем не пара... И что он нашел в этом ведьмином отродье?

— Когда я услышала об этой свадьбе, то была обескуражена...

— Уж лучше бы Теодор женился на Лидии Гарднер. Вон как они хорошо смотрятся вместе. Уж вот кто была для него лучшей женой! Она и мила, и добра, и благодетельна. А Цицинателла, как и ее бабушка, не чурается темной магии...

— Да, проведение несправедливо к таким, как леди Гарднер. В то время, как особам вроде де ла Мередит, незаслуженно везет в жизни...

М-да уж, судя по всему, Цицинателлу в этом городке, мягко говоря, недолюбливали.

Лидия Гарднер... Знакомое имя. Кажется, Нутелла в ту нашу встречу в портрете его упоминала...

Уж не Бо Пип ли это, которая завладела вниманием Теодора? Нутелла говорила, она святоша. И что она от него без ума. Очень похоже, между прочим...

— Леди де ла Мередит, вы сегодня прекрасны, как майская роза, цветущая в королевском саду! — Бо Пип (она же, предположительно, Лидия Гарднер), наконец-то отлипла от Теодора и обратилась ко мне. — Не терпится принести вам свои поздравления.

— Заранее поздравлять не стоит. Вы сможете сделать это после церемонии, леди Гарднер, — я даже не попыталась изобразить любезность.

С именем ее я угадала, кстати, правильно!

Раз Бо Пип Рутланду больше подходит, вот и женился бы на ней, а меня оставил в покое!

Кстати, насчет церемонии, которая как-то незаметно для меня вдруг началась...

Заиграла музыка — причудливые переливы волынки, флейты и виолы.

Жених взял меня под руку, пребольно сжав ее при этом, и повел к центральной арке, украшенной цветами помпезнее всех, где уже ждал храмовник.

Если бы не серьёзность момента, я похихикала над его одеянием, вернее, над его нежно-розовым цветом, словно служитель местного культа сошел со страниц журнала «Гламур». В остальном данный старец выглядел достаточно сурово — лицо, изможденное морщинами, насупленные брови, ястребиный нос. Смеяться над таким фруктом как-то не особо хотелось.

Дорога, вымощенная светлым мрамором, вела к вершине холма, пролегая через пышные лавандовые заросли. Гости следовали за нами, переговариваясь вполголоса, но я старалась не обращать внимания на шум, который они создавали. Он был неприятным и негативным, он вредил. А значит, надо было хоть как-то его заглушить.

Поэтому я шла и напевала про себя:

Ты теперь моя, лишь моя невеста,

Гости прокричат, прокричат нам «Тили-тесто»...

Песенка, конечно, глупая, но это был хит из моего мира, который вовсю крутили по радио. Поэтому она немного меня успокоила.

Вот если б еще Теодор относился ко мне так, как лирический герой этой мелодии к своей невесте-героине, а не смотрел таким суровым и пронзительным взглядом. Ну и, разумеется, гости на этой

свадьбе не были так доброжелательны, чтоб кричать нам «Тили-тесто».

Скорее, наверное, про себя желали мне споткнуться и сломать ногу.

Внезапно прямо передо мной на дороге возникла скамейка. Обычная грубо сколоченная деревянная скамейка, которой тут вроде как быть было не должно. Она преграждала путь.

А еще на ней лежала метла.

Шедеврально!

И что теперь с этой метлой делать? Взять подмести дорожку? Или сесть на нее и улететь отсюда к чертовой бабушке?

Я покосилась на Теодора, надеясь по его лицу прочесть, что нужно было сделать с этой дурацкой метлой... Но оно было очень красивым и абсолютно непроницаемым.

Гости вроде как тоже замерли в ожидании. Нехорошем таком ожидании, словно все хотели, чтоб я опростоволосилась.

Может быть, они таким образом проверяют меня на ведьмовство? На пристрастие к темной магии, которая, судя по всему, в этом мире явно не приветствуется.

Но Теодор и так знал, что я к ней прибегла, когда узнал про приворот. Кстати, интересно, как он вообще про него пронюхал?

Впрочем, сейчас это неважно. Важно было лишь то, что мне делать со скамейкой, которая преграждала путь. Ну и, разумеется, метлой, лежащей на ней.

Может, если я правильно себя поведу, свадьбы вообще не будет? А если неправильно — меня утопят в ближайшей речке?

Кто знает, какие у них тут вообще нравы!

И тогда я...

Глава 7

И тогда я вспомнила первый курс института. Вернее, свою преподавательницу по истории. Она вечно носила огромную черную шляпу с вуалеткой, и у нее просто нереально было получить зачет с первого раза!

Я сдала со второго, что считалось небывалой удачей. Как сейчас помню вопрос, который мне достался.

Свадебные обычаи средневековой Европы.

Было там что-то про скамейку и метлу... Если не ошибаюсь, невесту таким образом действительно проверяли на причастность к темным силам.

Так что, если сделаю что-то не так, возможно, действительно полечу в ближайшую речку. Связанная.

К великой радости Теодора Рутланда.

Я примерилась к скамейке: она была достаточно высока.

Я приподняла свои юбки практически до самых бедер. Что, наверное, выглядело не особо прилично, но без этого было никак нельзя.

А затем я собралась с духом и перепрыгнула скамейку с лежащей на ней метлой. Метла при этом никак не отреагировала, то есть в воздух не воспарила.

И это, судя по раздавшимся жидким аплодисментам гостей, было хорошо.

Да, теперь я точно вспомнила свой ответ на зачете. Существовала такая традиция — по дороге к алтарю невеста должна была перепрыгнуть скамейку с метлой, чтоб доказать чистоту своих намерений. Ну, что она не ведьма и не приворожила жениха.

Считалось, если приворот имел место, то метла должна была приподняться в воздухе...

Хм, а вот интересно, чего ж она не поднялась?

— Не сомневался, что это вас не смутит, миледи.

Теодор освободил дорогу от скамейки легким пинком ноги и снова подхватил меня под руку.

— Может, это значит, что я вас не привораживала? — усмехнулась я, пытаясь незаметно ослабить его хватку.

Силы мой без пяти минут муж был немереной, а косточки у меня в запястье, между прочим, не железные.

— Может, это значит, что ваше темное заклятье так сильно, что обойти эту детскую проверку ему труда не составит? — в тон мне отозвался Теодор. — Думаете, я ожидал, что метла взлетит?

Мужчина так сильно сдавил мою руку, что я чуть не вскрикнула. В очередной раз ясно дал понять — не вздумай рыпаться.

— А хорошо б, она взлетела! — прошипела я. — И унесла меня подальше от вас!

— На это можете не рассчитывать, сударыня. Сбежать даже не надейтесь. Я так пылаю от... любви к вам, что найду вас даже на краю света. И дня без вас прожить не смогу, поверьте.

Слово «любви» Рутланд произнес с таким остервенением, что мне немедленно захотелось оказаться как можно дальше от него.

Что, увы, было невозможно.

Ох, и крепко же я влипла, когда согласилась купить лотерейный билет у милой добродушной тетеньки!

Уж я от тебя сбегу, ясный сокол, обещаю, что сбегу! Дай только время осмотреться!

Мягкий запах лаванды кружил голову. Интересно, что я чувствовала, если все было по-настоящему? Настоящая любовь и настоящая свадьба...

Мужчина рядом со мной был так силен, статен и красив, что дух захватывало. Я видела, как другие женщины кидают на него плотоядные взгляды, а в особенности — Лидия Гарднер, «милая благодетельная» Бо Пип.

Так вот, когда она думала, что никто не видит, ее взгляд был далек от благодетельного. С похожим голодным выражением девчонки на Светкином девичнике смотрели на танцора...

Хотя, Рутланд, конечно, был во сто крат шикарнее того парня, Миши. Даже несмотря на то, что не раздевался...

При этой мысли меня кинуло в жар.

Как назло непристойная картинка возникла в моем мозгу, на самом торжественном, блин, моменте, когда мы уже подошли к алтарю и храмовник завел венчальную речь.

— Сочетаю вас, как цельное существо, как идеальное мужское и женское начало... — вещал почтенный старец в розовом.

Соединив наши руки, он выпустил из ладони неведомую фиолетовую магию. Подобно ленте, она обвилась вокруг них, соединяя. Ради интереса, я попробовала чуть высвободить свою конечность — фиолет угрожающе зашипел. Кожу обожгло.

Но не сильнее, чем обожгло меня взглядом Рутланда, который намертво ухватил меня за запястье — теперь вообще не шелохнешься.

Спустя минут двадцать храмовник закончил венчальную речь и предложил нам обменяться клятвами, которые я, конечно же, не знала.

Рутланд проговорил клятву без запинки, с усмешкой глядя мне в глаза.

Ну а со мной, конечно же, вышла заминка. Запомнить за ним заковыристый текст, изобилующий тяжеловесными формулировками и магическими формулами, было нереально!

— Даже текст клятвы не потрудились выучить, что за неуважение? — послышался среди гостей возмущенный ропот. — Мередит — она Мередит и есть!

Пришлось действовать экспромтом. Просмотренные одинокими вечерами романтические фильмы про любовь со счастливым концом мне в помощь!

— Перед лицом собравшихся клянусь быть с эсквайром Теодором Рутландом в радости и печали, болезни и здравии, богатстве и бедности, любить его и оберегать наш союз до конца своих дней! — с чувством пообещала я.

— Если бы я не знал, *что* вы такое, то, может быть, даже вам поверил, — негромко проговорил мне в ответ на это жених.

Внезапно налетел порыв ветра, взметнув розово-белые лепестки в воздух, а затем осыпав нас ими с ног до головы. Слабо теплящееся на наших руках магическое свечение вспыхнуло ярчайшим светом... А затем взмыло в воздух и рассыпалось над холмом, на котором стоял храм, подобно фейерверку.

Выглядело даже круче, чем когда мы со Светкой поехали в соседний город на фестиваль салютов!

— Боги приняли клятвы... — подытожил храмовник и отступил назад. — Осталось лишь закрепить ваш союз.

В совершеннейшем обалдении я рассматривала свой безымянный палец, на котором после всего этого ультрафиолета появился таинственный символ и изящное красивое кольцо, вделанное будто в саму кожу.

Вот честно, если б не вся эта ситуация, то я бухнулась в обморок. Подлюка Нутелла что-то говорила про обручальное кольцо... Но я и представить не могла, что оно окажется не на пальце, а *в нем*.

Только татуировки и пирсинга мне не хватало!

Кстати говоря, у Рутланда на безымянном пальце появился точно такой же символ и кольцо такой же формы, только мужской вариант.

Да уж, серьезно они тут относятся к заключению брака! Подозреваю, такое кольцо просто так не снимешь и магическую татуировку не сведешь.

Так что план побега будет требовать серьезного обдумывания...

Но начать обдумывать его прямо сейчас не получилось.

Меня бесцеремонно притянули к себе, а затем я почувствовала на своих губах твердые и требовательные губы жениха... Ой, уже мужа!

И вот что: ничего общего с невинным супружеским поцелуем этот поцелуй не имел.

Теодор Рутланд целовал горячо и властно, как будто клеймил меня своими губами. Кажется, он совершенно не заботился о том, что подумают окружающие. Этим поцелуем он явно давал понять, кто тут собственник, кто хозяин.

Но я скажу больше, он целовал меня так, как еще ни разу в жизни до этого не целовали мужчины. Парни. У меня возникло странное ощущение, что раньше, до этого поцелуя я не жила, а существовала. И только сейчас ощутила, поняла, что такое настоящая, реальная жизнь.

Вдохнула полной грудью. Подалась ему навстречу. Позабыла о том, что за нами наблюдают десятки заинтересованных и ревнивых глаз.

Мне хотелось только одного.

Чтобы это длилось вечно.

— Вашим актерским способностям нет равных, миледи, — холодно проговорил Рутланд, оторвавшись от моих губ. — В очередной раз решили все переиграть и сделать вид, что сгораете от страсти? Не старайтесь понапрасну, я все равно не поверю.

— Неужели? — ядовито переспросила я. — А секунду назад мне казалось, что поверили.

— Тот, кто поверит в ваши искренние чувства, будет глупцом. Миледи Цицинателла Рутланд не способна испытывать их по определению. Кстати, моя фамилия моего рода вам необъяснимо идет.

— Зато милорд Теодор Рутланд не способен испытывать ничего, кроме ненависти и презрения! — не осталась в долгу я.

— Что ж, тогда мы с вами составим идеальную пару, — криво усмехнулся мужчина, отвернулся и пошел прочь.

Гости, смерив меня недовольными взглядами, будто я у них по миллиону украла, потянулись за ним.

У алтаря меня бросил, гад! Нормально вообще?

Неправильно Цицинателла сделала! Его не привораживать надо было, а прибить на месте!

Ну, ты еще ответишь за это, Теодор! За все мне ответишь — за то, что вломился в спальню, за позорный наряд из миткаля, но особенно за то, что укусил за попу!

Дай только срок!

Глава 8

Обратно добирались большим кортежем. Ненаглядный супруг выказал мне перед всеми явное неуважение, так как изволил ехать верхом.

К своему неудовольствию, я обратила внимание, что Теодор как-то слишком уж часто подъезжал к открытой повозке, в которой находилась Лидия Гарднер с подругами. Дамы что-то живо обсуждали и смеялись. Подозреваю, даже знаю над кем...

Вот, по идее, я, наоборот, радоваться была этому должна... Но нет. Почему-то нет.

При виде статного красавца на вороном коне блондинка сияла, как начищенный пятак и вообще всем своим видом демонстрировала щенячий восторг.

Тьфу!

Я же в гордом одиночестве восседала в белом свадебном экипаже, помпезно украшенном цветами и лентами. Внутри было тоже так... Ничего.

Мягкие белые бархатные сиденья, белая медвежья шкура на полу, чтобы накрыть ноги в случае холода и большой букет белых клематисов.

Рай для молодоженов, да и только!

Жаль, что главное положить забыли. А именно что-то съестное. Хоть какую-нибудь завалящую коробочку конфет!

К этому моменту и после всех перенесенных тревожных волнений я проголодалась, как волк. Желудок урчал протяжно и тоскливо. Особенно ему, бедному, было неприятно видеть, как Бо Пип и остальные в ее повозке угощаются чем-то, с виду похожим на вафли. Это угощение достала из кулечка и любезно протянула всем некая пожилая дама — ну вылитая мисс Марпл.

Кажется, Рутланд поймал мой голодный взгляд, потому что улыбнулся так паршиво, что мне захотелось огреть его чем-нибудь тяжелым. Теодор даже направил своего черного коня ко мне, видимо, чтобы сказать что-то колкое.

Но я в ответ наглухо захлопнула шторку в окне кареты и откинулась на сиденье.

Есть же у них, в этом дурацком темном средневековье что-то вроде свадебных пиров?

Так что скоро я все-таки поем. Наверное.

Остальные проблемы будем решать по мере поступления.

К моей огромной радости, места, куда прикатил кортеж, были мне знакомыми. А именно в мой дом. Дом леди Цицинателлы де ла Мередит, из спальни которого меня так нагло выволок эсквайр Рутланд, если говорить точнее.

Родные пенаты! Дом, милый дом! Хотя и видела я его утром всего ничего, мельком, но все равно очень обрадовалась. И правда, как родному.

Чуть позже увидела на участке перед домом горящие тут и там магические костры и огромный багрово-красный расписной шатер, внутри которого были накрыты столы.

Зрелище он представлял великолепное и грандиозное, и по размерам был гораздо больше особняка Цицинателлы.

Одновременно с этим я припомнила еще кое-что из своего давнишнего ответа на зачете по истории.

А именно, что у некоторых народов свадебный пир проходил в доме невесты, а не жениха...

О, значит, я, по крайней мере, поем! И то радует.

Стол действительно были заставлены потрясающими яствами, издающими волшебные ароматы. У меня глаза разбежались от разнообразия местной кухни. Я могла назвать только парочку простых блюд, вроде пышного ноздреватого хлеба, глянцевого овощей и сочных фруктов, в изобилии разложенных на огромных тарелях. Какое у них тут изобилие, даром, что зимнее время года! Или из южных стран каких-нибудь везли?

Есть же тут далекие-предалекие южные страны? Надо поинтересоваться географией, если я хочу спрятаться от своего мужа далеко и надолго.

А я хочу!

Но в основном еда была незнакомой, хоть и выглядела очень аппетитно. А еще, несмотря на холод, в шатре было очень тепло, даже жарко. Магией он обогревался, что ли?

Да, точно, магией... Вон, по бокам горят полупрозрачные синеватые огни пламени. Любопытно было бы рассмотреть поближе. Что будет, если сунуть руку? Нет, я, конечно, не рискну, но все же...

Еще мне уж очень хотелось уже перестать быть чучелом у всех на глазах и избавиться от миткалевых полотнищ, в которые Теодор меня замотал. Вот подкреплюсь и займусь этим.

Главное сейчас — восстановить утраченную энергию и набраться сил.

Жениху и невесте было отведено два позолоченных, не побоюсь этого слова, трона в центральном месте шатра. Теодор даже любезно отодвинул мне тот, что был поменьше и стоял слева.

Я смерила его уничижительным взглядом и, прежде, чем сесть, проверила, что эсквайр его не отодвинул. А то еще у всех на глазах шлепнусь на свою им же и укушенную пятую точку! Конечно, таких хулиганских выходок вряд ли приходилось ждать от взрослого мужчины, и все же...

Что-то подсказывает мне — от Рутланда можно ожидать всего.

В пугающем таком смысле — *всего*.

— Благодарю, милорд, — чинно сказала я и скромно сложила руки на коленях.

— Всегда к вашим услугам, миледи.

Самые важные гости, которые расселись за нашим столом, с интересом наблюдали за этой сценой. Видимо, они думали, я буду оскорблена тем, что он не присоединился ко мне в карете. Возможно, даже ждали сцены.

Щас!

Положа руку на сердце, поездка в карете прошла намного лучше без него. И плевать мне на неуважение и на Лидию Гарднер. Я не такая гордая, когда хочу есть!

Тем временем принесли закуски.

Словно в лучшем ресторане, передо мной возникла тарелка с самым аппетитным салатом, который я когда-либо видела в жизни.

Он состоял из пряных душистых трав, дичи, сочного шпината, ароматнейших слив и прекрасных фиалок. Полито все это великолепие было малиновым соусом, а сверху посыпано дроблеными орехами.

К салату прилагался кубок, полный благоухающей ежевикой жидкости, испускающей веселые пузырьки.

— Что же вы это, миледи? — раздался над самым моим ухом громовой голос Теодора, и слива шмякнулась у меня с вилки прямо на коленки. — Неужели позабыли про давнюю и почитаемую в наших краях традицию? Напомнить? Молодая жена не должна есть и пить до самой брачной ночи, чтобы зачать здорового и магически одаренного наследника.

Тут уж у меня не только слива, сама вилка выпала с ужасающим звоном. Кажется, его слышал весь шатер.

И то, как я громко сглотнула, услышали, наверное, тоже вообще все.

— Как смутилась наша невеста! — захохотал какой-то разодетый толстяк в шелках и бархате неподалеку. — Ох, и завидую я тебе, старина Тео! Был бы и я рад потоптаться на непаханой борозде! Может, уступишь красотку на одну ночку? Вообще-то эсквайр должен покориться мне, как лорду. Может, мне и впрямь затребовать право первой ночи, а?

И, точно по сигналу, послышался гогот и пошлые шуточки остальных мужиков, что сидели с ним рядом. Хотя они были и разодеты в богатые одежды, эти баронеты и лорды здорово напомнили мне каких-то гопников из подъезда — пьяные красные рожи, смеющиеся рты...

Лидия Гарднер и ее подруги тоже сидели за этим столом. Они потупили глазки и попытались сделать вид, что смущены, но я видела насмешку, промелькнувшую у них на губах. В голубых глазках Гарднер даже что-то вроде надежды обозначилось — ну, как и правда, толстяк заберет меня на первую ночь?

Как не ненавидели они Цицинателлу, это, по-моему, было уже слишком...

Я посмотрела на Теодора, желая понять, как он отреагирует на выходку противного пузана... Реакция мужа превзошла все мои ожидания...

От него волнами исходила агрессия и опасность... Вернее, не так... ОПАСНОСТЬ! Большими красными буквами.

Кулак Теодора сжался — толстая железная вилка смялась в сильных пальцах, как пластилиновая... Мне кажется, что только одна я заметила, как мало его рука при этом стала походить на человеческую.

Скорее, на лапу какого-то жуткого и мощного зверя... Жидкая сталь, в которую расплавился несчастный столовый прибор, закапала на скатерть.

Он был великолепен в этот момент в своей дикой всепоглощающей ярости, что искрами расплавленного металла заблестала в золотисто-карих глазах.

Великолепен и совершенно неуправляем.

Наверное, только в этот момент я по-настоящему осознала, что все происходящее — реально. Что это не шутки — сегодня я стала женой чудовища...

Эсквайр Рутланд медленно поднялся, а затем...

Глава 9

Затем мой муж подошел к толстому лорду и одним резким движением встретил его луноликое лицо с поверхностью дубового стола. После чего его из-за этого самого стола с легкостью достал.

Несмотря на внушительный вес толстяка, мой эсквайр сделал это вообще без каких-то усилий, словно держал на весу не многокилограммовую тушу, а какой-нибудь фитбол.

Я в очередной раз смогла убедиться, как нечеловечески силен Теодор... И как он страшен бывает в гневе.

— Что вы себе позволяете, милорд Рутланд? Я — почтенный лорд! — пропищал любитель потоптаться на непаханых бороздах. — Род Макинтошей намного древнее вашего, и вы должны...

— Должен попросить вас незамедлительно покинуть мое торжество, лорд Макинтош.

Учтивость этих слов абсолютно не вязалась с тем, как грубо Теодор вышвырнул толстяка из шатра. Словно как куль с удобрениями! При этом он не обратил никакого внимания на угрозы и уверения про то, что у него будут проблемы на самом высоком уровне.

Та же самая участь постигла товарищей пузатого лорда — тех, кто засмеялся над его «шуткой». Всех их. До единого.

По моему скромному мнению, из шатра следовало выгнать еще Лидию Гарднер, которая так неприлично ширяла глазищами в сторону Теодора. Но на такую удачу рассчитывать не приходилось.

— Еще есть желающие предъявить на право первой ночи с моей женой? — эсквайр обвел всех присутствующих тяжелым взглядом.

Судя по гробовой тишине, более таких не нашлось, после чего музыканты заиграли еще веселее, а слуги еще резвее стали подавать гостям аппетитные закуски и подливать в бокалы напитки.

К огромному сожалению, меня это не касалось. Лишь только мне подносили какую-нибудь вкуснятину, от которой я нацеливалась оттяпать хотя бы малюсенький кусочек, как блюдо исчезало, точно по мановению пальцев.

Но в очередной раз, когда исходящая соком голень фазана, запеченная с грушами и лимонами в меду, исчезла в буквальном

смысле у меня изо рта, я не выдержала.

— Прекратите.

Сказала я негромко, но эсквайр, который в этот самый момент аккуратно отрезал от птички кусок, услышал.

— Прекратить что, миледи?

— Вряд ли вам поможет обрести наследника, если вы заморите меня голодом!

— Даже не думал, — Теодор с видимым удовольствием, явно напоказ отправил сочный кусочек на вилке в рот. — Вам всего-то и надо продержаться до полуночи.

— Почему я должна терпеть до полуночи, если есть я хочу сейчас? — возмутилась.

— Ну, я же как-то терплю, — с каким-то равнодушием пожал плечами муж, и сделал глоток из своего кубка. — Причем не какие-то шесть часов, а дольше. Много дольше, Цицинателла. Вам ли не знать?

— Прекрасное сравнение, — я пару раз по-королевски соединила ладошки — похлопала, стало быть. — Только я вам не салат, запеченная дичь, и не какой-нибудь десерт, чтоб отзывать обо мне в таком оскорбительном ключе!

Внезапно я замолчала, потому что его рука легла поверх моей руки, лежащей на столе, и крепко ее сжала. Эта мужская рука была большой и сильной. По-настоящему тяжелой, но при этом с очень красивой формы пальцами, широкими ладонями и ярко выраженными костяшками.

Медовые глаза мужа потемнели.

— Именно как десерт, — хрипло проговорил он, когда наши взгляды встретились. — Я рассматриваю вас как самое изысканное и желанное на свете лакомство, сударыня, которое отныне принадлежит только мне одному. И которым я намерен насладиться. Вот только не знаю, смогу ли когда-нибудь насытиться?

От голодного взгляда Теодора, скользнувшего по моим губам и ниже, меня кинуло в жар.

Бежать! Мне нужно немедленно и без оглядки бежать от этого мужчины!

Я просто не смогу, не выдержу, если он...

Не думай, Яна. Просто об этом не думай! Лучше не вспоминай, чем закончился твой первый и единственный опыт интимных

отношений с мужчиной...

Я отвернулась и высвободила руку. Теодор позволил это сделать. Только проговорил негромко:

— Зачем нужно было делать приворот на того, к кому вы не чувствуете ровным счетом ничего? На чью страсть вы не сможете ответить страстью? Это так глупо...

«И так жестоко», — подумала я. Но вслух вырвались совершенно иные слова:

— Зачем жениться на той, кого вы ненавидите и презираете?

— Потому что я вас хочу. Потому что теперь вы — моя. А знаете, почему еще? — его ласкающий голос обволакивал меня, как мягкая меховая накидка на голое тело. — Потому что ваше колдовство никогда не действовало бы, не ляг оно на благодатную почву.

Час от часу не легче...

Чертова Нутелла, чтоб ей там в моем теле икалось! Почему я должна отвечать за ее отвратительные поступки? Испытывать на себе страсть и ненависть мужчины, который мне небезразличен, терпеть презрительные взгляды местного общества чистоплюев?

Голодать, в конце-то концов?!

Давняя и почитаемая в этих краях традиция, говорите? Магически одаренный наследник, говорите, нужен?

Я резко поднялась и тут же поймала на себе внимательный взгляд Теодора.

— По этой вашей традиции в туалет до полуночи мне тоже нельзя? — осведомилась свысока, стараясь скрыть волнение.

Судя по тому, как захватнически обращается со мной новоиспеченный муж, можно ожидать и такого! Или, того хуже, еще захочет меня сопровождать!

Но, слава богу, до такого абсурда тиранические замашки Рутланда не дошли. Он милостиво кивнул.

Вот и ладушки! Надеюсь, он не собирается за мной следить!

Неподалеку от праздничного шатра стояли палатки поменьше, вот только направились я вовсе не туда, а в дом Нутеллы. Вернее, теперь уже в мой собственный дом!

Для первого раза, надо сказать, я очень даже неплохо в нем сориентировалась и быстро нашла гардеробную, из окошка которой

так удачно упорхнула сегодня утром. Вернее, неудачно, ведь он в итоге меня все-таки поймал...

Великолепное свадебное платье, которое заготовила для свадьбы Цицинателла, было на манекене. На своем месте. И я на миг ощутила даже нечто вроде сожаления, что так его и не надела...

Зато, к моему огромному удовольствию, я смогла наконец-то избавиться от полотнища, в которое меня замотал Рутланд. Сделал он это с такой тщательностью, что это удалось совершить только при помощи обнаруженных тут же ножниц.

Несколько минут — и вокруг валяется ворох с удовольствием разрезанных мною тканей. А я сама стою в траурном наряде, который вызвал такое негодование со стороны Теодора.

Явиться бы обратно в шатер вот так! Представляю его лицо!

Но нет, тогда он точно отведет меня в соседний лесок и там же закопает. Как бы не хотелось его позлить, но инстинкт самосохранения посильнее будет!

Из многочисленного гардероба Нутеллы я выбрала прекрасное темно-бордовое бархатное платье в пол, украшенное одной единственной рюшью по вороту. Вроде простое и неброское, но смотрится стильно — по-другому не скажешь. Вкус у Цици имелся — этого не отнять.

Покрутилась перед зеркалом. Определенно, мне нравится местная мода. Когда б в моем мире я смогла на себя такое чудо надеть?

При воспоминании о своем мире непроизвольно глянула на парадный портрет Цицинателлы. Как там она в моем мире? И что сейчас делает?

Судя по всему, там время идет быстрее, чем здесь. И она в моем теле уже успела натворить делов...

А впрочем, мне сейчас не до этого.

Мне б сейчас что-нибудь съесть. И избежать брачной ночи с Рутландом...

Программа минимум, так сказать.

Этим и займемся! Думаю, кухня должна быть где-то неподалеку. Пора совершить на нее набег!

Крадучись, я прошла по коридору мимо большой гостиной, но так и замерла, кое-что заметив. Вернее, кое-кого...

На большом полосатом диване в полном одиночестве сидела девочка лет семи.

Вжавшись в самый уголок и подтянув к себе колени, она смотрела в окно, на занесенную снегом равнину.

Темно-синее платье, длинные русые кудряшки и бездонные темно-синие глаза. Малышка выглядела такой грустной, такой потерянной... Интересно, что она делает здесь, в пустой комнате, куда слуги даже не удосужились принести свечи?

— Классный снег, — я намеренно употребила сленговое слово из своего мира и присела на краешек дивана. — Мокрый. Из такого в самый раз лепить снеговика.

Девочка взглянула на меня и снова отвернулась к окну.

— Один раз мы с подругой слепили во дворе принца всех снеговиков, — продолжила я, тоже глядя в окно. — Корону сделали из алюминиевой баночки из-под газировки, которую нашли в урне. Неподалеку кто-то ел конфеты и выбрасывал фантики — вышла отличная цепочка ему на шею. Светка не умеет делать плетенки из фантиков, а я могу. А скипетр сделали из большой ветки. Удачная такая ветка нашлась — длинная, без сучков, на конце маленькие веточки полукругом. Смяли пакетик из-под чипсов и вставили туда — сам Гендальф бы позавидовал!

Девочка, не реагируя на мои слова, все смотрела и смотрела в окно, за которым уже стемнело — свет от магических костров сюда не доходил.

— Бонна Зелиг не разрешает мне лепить снеговика. И играть с другими ребятами, — внезапно сказала она. — Говорит, я могу простудиться и заболеть. А мне нельзя болеть...

Голосок у нее был слабый-слабый, как шелест листьев на ветру.

— Если тепло одеться и надеть непромокаемые варежки, то почему бы, собственно, и нет? — весело проговорила я. — Бонна Зелиг просто не лепила снеговиков, вот и не знает, как это здорово и полезно для здоровья!

— Бонна Зелиг все знает, — вздохнула малышка. — Особенно то, что полезно для здоровья... Она же шаманка.

— Вряд ли лепка снеговика может так сильно повредить здоровью, — пожала плечами я и тут же осеклась.

В дверях стоял мой муж, эсквайр Теодор Рутланд. Взгляд его метал гром и молнии.

— Миледи Цицинателла, — задыхаясь от ярости, проговорил он. — Я кажется, предостерегал вас, чтобы вы ни на шаг не приближались к моей дочери?

— К дочери? — обалдела я.

Я даже еще к мысли о том, что у меня теперь есть муж не привыкла, а уж падчерица... У меня — падчерица?!

Я стала мачехой, о боже! Если судить по сказкам братьев Гримм, вряд ли девочка ждет от меня добра... Или в этом мире подобные сказочки не в ходу?

— Брианна, что ты здесь делаешь, притом совершенно одна? — эсквайр присел перед девочкой на корточки. — А где бонна Зелиг?

— Я здесь, милорд!

В моей гостиной появилось новое действующее лицо. Это была моложавая женщина лет сорока в скромном коричневом платье. В моем понятии, на шаманку она никак не тянула. Аккуратная, сдержанная, предупредительная. Очень располагающая к себе особа. Даже удивительно, что такая милая тетя запрещает ребенку зимние забавы.

Правда, взглядом она меня одарила отнюдь не милым... Хотя, может, мне просто показалось?

— Простите, пожалуйста, милорд Рутланд, я не доглядела, — покаянно взмолилась бонна. — Хотела принести Брианне бисквитов, а ее уже след простыл. Ваша девочка такая подвижная — настоящая непоседа!

— Впредь будьте внимательнее. А ты, Бри, запомни — нельзя убегать от своей бонны.

Рутланд взял девочку за руку и подвел к Зелиг, продолжая мягко ее утешать. А я поразились — сколько же было нежности в его голосе и теплоты во взгляде, когда он разговаривал со своей маленькой дочкой!

— Да, папа. Хорошо, папа, — серьезно сказала девочка, и бонна поспешила увести ее.

Даже чересчур поспешила, на мой взгляд! Пока женщина вела малышку за руку, та все оглядывалась на меня, словно просила о помощи.

— Насколько я помню, мы с вами отдельно обговаривали тот момент, чтобы вы не смели общаться с моей дочерью, — Рутланд медленно наступал на меня.

М-да уж, что за репутация у Нутеллы такая, что от нее даже детей прячут?

— По-моему, она чудесная. Я не сделаю Брианне ничего плохого...

— Осторожнее, миледи. Эта территория для вас под запретом. Со мной вы можете изгаляться, как угодно. Я привык к вашей лжи. Но играть на моих чувствах к моей дочери я не позволю. Играть в то, что вы испытываете к ней искренний интерес — это уже даже для вас чересчур.

— Почему вы думаете, что я играю?

— Потому что вы и дети — два абсолютно несовместимых понятия, миледи Цицинателла, — холодно ответил Теодор.

— Вы ж хотели от меня наследника. Магически одаренного и все такое...

— Я не изменяю своим желаниям. Как только вы произведете его на свет, дитя немедленно будет у вас отнято и отдано на воспитание тем, кто более в этом сведущ. И не надо убеждать меня в том, что вас хотя бы немного это расстроит.

Вот тут я ужаснулась по-настоящему. Даже если предположить... Допустим, только допустим в теории, что я рожу от него ребенка... Долгожданного, которого так сильно хотела. И малыша у меня тут же отберут?

— А еще говорите, я — чудовище... — я вложила в свой голос максимум презрения и негодования.

— Дети — это обуза. Вечно ревущая, хнычущая, досадная помеха, которая мешает наслаждаться жизнью, — негромко проговорил Теодор. — Ваши слова. Забыли?

— Я пересмотрела свои взгляды.

— Умение быстро переобуться, чтобы извлечь из этого максимум выгоды, всегда было одной из несомненных черт вашего характера. Только не сказал бы, что это делает вам честь, — усмехнулся муж и окинул меня плотоядным взглядом. — Я смотрю, вы успели переодеться. Неплохо, но на мой вкус, чересчур скромно для того, что вам предстоит.

— Да! — с вызовом сказала я, стараясь не думать, что вообще-то он так высказался о неминуемом приближении первой брачной ночи. — А сейчас шла на кухню, чтобы поесть!

— Увы, а вот этого вы уже не успеете, — с явным злорадством проговорил эсквайр. — Мы с вами отбываем в Трентон. Лошади уже запряжены.

— В Трентон? — глупо переспросила я, пытаюсь скрыть панику.

— Одно из моих имений, если вы позабыли. А вы думали, первую брачную ночь мы с вами проведем здесь? — Рутланд окинул презрительным взглядом стены.

Мамочка моя, какой еще Трентон? Какие лошади запряжены? Я ж до дрожи в коленках боюсь того, что должно там случиться!

В этот момент, с перепугу, от паники, сознание выдало мне интересную мысль. Вернее, не выдало, а вспомнило...

— Могу я хотя бы захватить из своей комнаты кое-какие предметы личной гигиены? — скромно поинтересовалась.

— Вы будете в полной мере обеспечены всем необходимым, поверьте.

Муж смотрел на меня так, как будто мы уже были в этом самом Трентоне, наедине и в спальне.

— У меня медведь любимый! Плюшевый! — заупрямилась я и для пущей убедительности вцепилась в подоконник. — Я без него не засыпаю — кошмары снятся! Без медведя не поеду, хоть режьте!

— Любимый медведь? — чему-то усмехнулся Теодор и вдруг почему-то уступил. — Хорошо, можете взять с собой медведя. Даю вам ровно десять минут. И на этот раз, миледи, я надеюсь, что вы постараетесь меня не разочаровать. То есть будете рядиться в траур, выпрыгивать из окна и нечто в подобном духе

— Обещаю, — голосом пай-девочки сказала я.

Уже от одного этого голоса к нему должны были закрасться сомнения. Но все-таки Рутланд был приворожен, и все-таки он повелся.

В личной спальне, из которой эсквайр утром меня изволил вытащить, как куклу, все было ровно так, как я там оставила. Заправить постель никто и не подумал. И это лишний раз говорит об отношении к Цицинателле слуг этого дома. Паршивое было отношение, как пить дать.

Вот уж что-что, а незаправленные постели я терпеть не могу! Такой вот у меня пунктик. Но, когда я подошла к кровати ближе, чтоб исправить безобразие, то одеяло внезапно зашевелилось.

Может, показалось? Нет, не показалось! Вон — большой бугор и явно шевелится.

Вообще-то я была в чужом волшебном мире, и тут всего можно было ожидать, но первоначальный испуг сменился негодованием.

Вот еще, будет кто-то лазать по моей постели! Устроили тут проходной двор!

Готовая ко всему, даже к тому, что там окажется клубок огнедышащих змей, я резко дернула покрывало, да так и замерла.

Да, я была готова ко всему, что угодно, но только не к этому.

Глава 10

Да, я была готова ко всему, что угодно, но только не к этому.

Чуть не завизжала от восторга. Божечки мои, какая прелесть!

Оказывается, под одеялом разлегся небольшой, но просто невообразимо милый медведь! У него было коренастое тело, массивная голова и короткий хвостик. Словно белый мишка собрался на карнавал: надел черные очки, жилетку, перчатки, чулочки, и в довершение образа — черные наушники.

Панда! Это был панда!

Медведь склонил голову набок и посмотрел на меня вроде как с осуждением.

Тут что-то у меня в голове щелкнуло, и я вспомнила, как засыпала вчера, хоть вчерашний день и отдалился, словно был полгода назад.

— Несквик, это же ты! — закричала я и прижала к себе пушистого колобка. — Несквик, ты вместе со мной попал в этот мир и здесь ожил! Превратился в настоящего мишку! Ты мой хороший!

Другого слова у меня просто не нашлось! Любимец тут же обнял меня своими мягкими лапами, тыкаясь мокрым носом в щеку.

Пахло от него почему-то шоколадом. Он был такой славный и мягкий, и его очень не хотелось спускать с рук.

Однако времени на обнимашки у меня не было, поэтому я посадила мишку на кровать и принялась методично осматривать изголовье.

Помнится, Нутелла с портрета говорила, что я могу обнаружить здесь что-то полезное. К огромной радости, вскоре мои усилия увенчались успехом — при нажатии на декоративный элемент фигурная часть изголовья отъехала в сторону, явив небольшое углубление, в котором лежала книга.

Одного беглого взгляда хватило, чтобы понять — в моих руках Нутеллина книга заклинаний. Готова поспорить, именно отсюда она и вычитала то сильнейшее заклинание приворота на Рутланада. Возможно, здесь же и найдется, как приворот снять!

На удивление, язык, на котором была написана книга, не оказался для меня незнакомым — глаз выхватил и легко прочитал несколько

строчек.

Что ж, тем лучше.

Переплет был такой ветхий, что рассыпался в руках. Перед тем, как сунуть ее в сундук, я замотала гримуар в ночную сорочку. Довольно милую, кстати, а не то безобразие, в котором я проснулась сегодня утром. Надеюсь, Теодор не извращенец какой-нибудь, чтоб лезть в женское белье!

К тому моменту, как мой муж широким шагом переступил порог спальни, явно намереваясь отчитать за то, что в десять минут я не уложилась, я встретила его с милой улыбкой.

В одной руке у меня была панда, вцепившаяся в меня, как маленький ребенок, в другой — небольшой сундучок.

— Это что еще такое? — опешил муж.

— Обнимемся? — с энтузиазмом предложила я, едва его заведев.

Желание обнять эсквайра было мягким, обволакивающим и очень-очень приятным. А еще казалось правильным и как будто само собой разумеющимся.

Действительно, почему бы нам не обняться? По мнению психологов, для душевного здоровья человеку нужно не менее двенадцати объятий в день. А день-то как раз заканчивался, поэтому мне срочно нужно было восполнять пробелы.

— Собираетесь вонзить нож мне в спину? — изогнул тяжелую соболиную бровь Теодор.

Я тут же просветила этого черствого человека по поводу психологов, после чего сердечно обняла его трижды, похлопав его по спине и каждый раз меняя сторону. На объятие муж не ответил, глядя на меня со все возрастающим подозрением.

Самое удивительное, что во время этих обнимашек откуда ни возьмись, вокруг нас закружились розовые сердечки, отлетая под потолок и там лопааясь наподобие мыльных пузырей.

А невидимый хор маленьких розовых мишек запел тоненькими голосами:

— Хать-хать-хать-хать, хать-хать-хать-хать!

Они замолчали лишь тогда, когда объятие закончилось. Тогда же под потолком полопались последние розовые пузыри, а я в недоумении уставилась на Рутланда, не понимая, что на меня нашло.

— Это вы сделали!

— Знаете, Цицинателла, я конечно горю от нетерпения ощутить вас в своих объятиях, но явно не таким образом.

Цинически хмыкнув, мой муж посмотрел на Несквика, которого я на время обнимашек ссадила на тумбочку. Панда в этот момент решил почесаться, но не рассчитал вес, и шлепнулся на пол.

Я ахнула и бросилась его поднимать, а Теодор с презрением проговорил:

— Прежде, чем заводить магического питомца, потрудились бы поинтересоваться его способностями.

— А какие у него способности? — рассеянно поинтересовалась я.

Вместо ответа Рутланд вытянул в сторону панды руку и тот под действием этой магии засветился розовым светом цвета вышеупомянутых сердечек.

— Вам лучше оставить его здесь, — сказал муж.

— Вот еще! Я его не брошу, к тому же он голоден!

А что касается способностей — в принципе, ничего страшного не произошло. Ну, и что, что розовые сердечки? Романтика в отношениях с мужем нам бы не помешала.

— Ладно, черт с вами, — устало проговорил Теодор. — Пока возьмите его, а там разберемся. Надеюсь, теперь вы готовы?

Я попыталась заикнуться о том, что хотела бы взять еще пару платьев, но Теодор так зыркнул на меня своими золотисто-карими глазами, что я сочла за нужное все-таки промолчать.

Перед тем, как загрузиться в карету, мы с Теодором приняли несколько подарков от гостей.

Среди прочих дарителей была Лидия Гарднер со своими подругами, и мисс Марпл, которую в реальности звали очень похоже — леди Марв. Меня отвели в сторону, чтоб подарить особенный подарок — некую коробку, завернутую в подарочную бумагу.

— Это вам, милая леди Мередит... ой, прошу прощения, теперь уже Рутланд, от всего нашего сообщества! — сказала леди Марв, а Гарднер протянула презент. — Вы два раза пропустили собрание клуба, и это, конечно, извинительно в связи с вашими приготовлениями к свадьбе. Однако на следующей неделе мы обязательно ждем вас в нашей «Рукотворушке»! В этот раз мы будем мастерить куколок для игрушечного магазинчика леди Талулы Пайк. У

бедняжки совсем упала выручка, она сейчас в буквальном смысле на хлебе и воде. Вы ведь не откажетесь помочь?

Леди Талулой Пайк оказалась под два метра ростом и столько же в ширину тетечка в клетчатом платье, которая радостно мне помахала.

Руководурушка? Это вот она сейчас серьезно?!

— Знаете, я, наверное, и в этот раз не смогу... — заикнулась было я.

— Она придет, — слышался твердый голос эсквайра Рутланда. — Мы благодарим за приглашение, леди Марв.

— Замечательно! — всплеснула руками пожилая леди. — Это просто замечательно! Смею надеяться, я увижу вашу красивую пару и на благотворительном балу, вся выручка от которого пойдет для ночлежного дома имени друида Лазаруса?

Эсквайр заверил ее, что нужды ночлежного дома для нас превыше всего, и повлек меня к парадной карете, в которой я добиралась сюда.

— А говорили, вам плевать на общество, — с усмешкой заметила.

— На общество плевать, но я не хочу терять клиентуру, — даже не взглянув, ответил Теодор.

— Клиентуру?

— А на чьей мануфактуре, вы думаете, леди из «Руководурушки» покупают ткани для своих поделок и для своих платьев? Марв руководит всей светской жизнью города. Ссориться с ней не в моих интересах. Так что вы будете посещать собрания клуба. И будете любезной. А не как всегда.

— Всенепременно! — хмыкнула я.

Вот только муж этого уже не услышал — усадив меня в нутро кареты, он с силой хлопнул дверью. А сам вновь захотел проехаться верхом. Боялся, что не дотерпит до Трентона, что ли?

Ой-ой-ой, что же я буду делать с брачной ночью?

Напротив меня на мягком сиденье в обнимку с сундучком уже сидел Несквик. Вот ведь умница какая! Найти б еще, чем его покормить...

Насколько я знаю, панды кушают бамбук. А где я здесь его возьму?!

Карета тронулась с места, а я вспомнила о зажатой у меня в руках коробке — подарке клуба «Руководурушка» и принялась сдирать оберточную бумагу, всю в бантиках и цветочках.

Интересно, что там?

В коробке обнаружилась некая тряпочка, которую я с опаской развернула. Оказалось, что опасение возникло не зря.

Это была безразмерная ночная сорочка из фланели и чепец того же материала. По моему скромному мнению, такое уродище бы не надела на себя и почтенная матрона в годах...

Лично я точно не собиралась!

Самое интересное в этой сорочке обнаружилось парой мгновений спустя. А именно: продолговатая дырочка, обшитая кружавчиками, расположенная на том самом месте.

Сверху над разрезом очень красивым шрифтом было вышито: «*Так хотят боги*», хотя я бы на их месте вряд ли хотела вот *так*!

Нет, тетечки из «Рукотворушки», конечно, с таким подарочком, конечно, жгли! Целомудренная сорочка для первой брачной ночи, м-да уж.

Если я срочно что-нибудь не придумаю, то эта самая ночь случится вот прямо сейчас.

Мой первый и единственный опыт близкого общения с парнем произошел два года назад, оставив после себя крайне неприятные впечатления.

С Сергеем мы познакомились на дне рождения все той же Светки — он был хорошим другом ее тогдашнего парня. Получилось забавно — нас случайно вместе заперли на балконе, а на дворе, между прочим, был не май месяц. Сергей галантно предложил мне свое пальто и по разговору показался очень забавным, милым и смешным.

Потом, конечно, нас освободили, но весь последующий вечер мы не отходили друг от друга: разговаривали, смеялись...

С замиранием сердца я думала: вот оно! Наконец-то я встретила своего человека, близкого, понятного, родного. Мы много гуляли, вместе ходили в кафе, театр и кино. А потом, спустя три месяца после знакомства наконец-то произошло это...

Вот только все случилось совсем не так, как в моих розовых мечтах. Это было очень быстро, скомкано и, если честно, совсем неприятно. Я решила, что просто не разобралась и в следующий раз будет по-другому. По своей непроходимой наивности, читай глупости, ждала на следующее утро от Сергея предложения руки и сердца, но...

Утром последовал неловкий завтрак в молчании и обещание перезвонить вечером.

Вот только вечером он не перезвонил. Ни этим, ни следующим. Просто исчез, испарился. Как отрезало.

Что ж, у меня всегда был мой верный Несквик, чтоб вволю порыдаться в его мягкий плюшевый животик.

И только потом, спустя какое-то время я узнала, что Сергей встречался со мной исключительно по просьбе Светки, которая очень хотела, чтоб я обрела свое счастье. Нас и на балконе-то она заперла специально, чтоб сблизить. На самом же деле никаких ответных чувств парень ко мне не испытывал.

Все, что я обрела после того раза — безотчетный страх, что те неприятные ощущения повторятся. А, ну и еще обиду на Светлану, которая, не подумавши, решила меня свести с совершенно чужим человеком.

В конце концов, она хотела как лучше, поэтому ее я простила. А вот страх перед интимными отношениями остался. Нет, я готова была это терпеть ради отношений, ребеночка, но с тех пор мне даже близко не попался такой мужчина, с которым я стала духовно откровенна настолько, чтоб отважилась это повторить.

И вот теперь я должна была решиться на этот великий подвиг ради Теодора Рутланда — человека, который не то, что мне близок, а по-настоящему меня ненавидит?

Ну уж нет!

Судя по всему, путь до имения эсквайра не такой и близкий. Поизучаю-ка я пока что Нутеллину книжку заклинаний. И постараюсь забыть о голоде, который к этому моменту стал почти нестерпимым.

Может, там и обнаружится что-нибудь полезное, чтоб можно было избежать первой брачной ночи, или хотя бы ее отсрочить...

Глава 11

По сравнению с особнячком Цицинателлы дом Теодора Рутланда оказался раз эдак в десять больше. И вообще, какой дом, это был настоящий замок, расположенный на вершине крутого холма!

В детстве у меня был хрустальный шар с крошечным дворцом внутри. Я любила легонько его встряхивать, наблюдать, как внутри кружатся блестящие снежинки и мечтать...

Трентон оказался почти точной увеличенной копией того романтического дворца. Крупные снежинки летели по небу, словно мягкие перья неведомой птицы. И весь замок был покрыт белым снегом, немного мрачный, но все равно фантастически огромный и нереально красивый. Его окружали оранжевые огни, и каждая башенка была ярко освещена.

Нас здесь явно ждали — все слуги замка выстроились во внутреннем дворе стройной шеренгой.

Ой, вот не надо бы мне такой чести!

Теодор уже спешил и отдавал указания какому-то молодому человеку с длинными платиновыми волосами, завязанными в хвост. Тот кивал с величайшим вниманием.

Покидать теплое и безопасное нутро кареты не хотелось совершенно. Даже голод отступил, уступив место волнению. Благо, рядом находился Несквик, которого можно было обнять и немного успокоиться.

А можно, мы прямо здесь заночуем? Ну, пожалуйста!

Ага, сейчас...

Рутланд распахнул дверцу и вытащил меня из кареты. Довольно бесцеремонно, надо сказать.

Слуги с интересом таращились на меня в обнимку с пандой.

— Мы рады приветствовать в Трентоне молодую хозяйку, — платиновый молодой человек с почтением поклонился. — Меня зовут Джьюд, я — главный дворецкий замка и управляющий имения. Если вам что-то понадобится, леди Рутланд, вы всегда можете ко мне обратиться.

При ближайшем рассмотрении дворецкий оказался очень даже ничего — у него были светло-серые глаза и приятное благородное лицо. Несквик, который так и не покидал моих рук, с интересом к нему присмотрелся...

А затем со мной снова случилось странное. Я как будто перестала подчиняться сама себе.

— Обнимемся? — дружелюбно предложила я дворецкому.

После чего мы у всех на глазах троекратно обнялись и расцеловались в щеки.

— Хать-хать-хать-хать-хать, хать-хать-хать-хать! — тонкими голосками затянули невидимые розовые мишки и розовые же пухлые сердечки-шарики полетели под небеса.

Джьюд был ошарашен таким приветствием еще сильнее, чем я сама. И чем слуги, у которых чуть ли не глаза на лоб полезли. Хорошо, хоть никто пальцам у виска не покрутил.

Господи, да что со мной такое происходит-то? Я вот так никогда на мужчин не вешалась!

На своего новоприобретенного мужа мне было страшно даже смотреть. Но пришлось.

Он же смотрел на все это, скрипя зубами и явно сдерживаясь. И коротко велел:

— Уберите от нее магическое животное.

— Не отдам Несквика! — воспротивилась я и вцепилась в панду, а он в меня.

— Медведя убрать, накормить и утратить в западном крыле! — Рутланд рявкнул так, что у меня заложило уши. — Или вы так хотите с половиной моих слуг мужского пола переобниматься?

— Не совсем понимаю... — озадачилась я и посмотрела на Несквика, как будто видела его в первый раз.

Хотя, соглашусь, моя внезапная тяга к обнимашкам, розовые сердечки и писклявый хор мишек действительно были довольно странными и даже подозрительными.

Не может же быть, что...

— Леди, вы позволите?

Следуя указанию хозяина замка, главный дворецкий осторожно изъясил у меня питомца, заверив, что ему будет оказан самый лучший уход и кормление.

— Панды едят бамбук! — вдогонку крикнула я. — У вас есть бамбук?

В ответ мне было заявлено, что у местного повара никто еще голодным не оставался.

Ну да, наверное, никто. Кроме меня!

Однако, я не успела открыть рта, как увидела очень странную картину: слуги раскланялись и дружно загрузились в большую повозку. И вот это мне очень не понравилось.

— Я отпустил слуг, чтобы никто нам с вами не помешал, миледи, — Рутланд зловеще ухмыльнулся и сделал размашистый шаг ко мне.

— Моей дочери и ее бонны тоже сегодня здесь не будет. Так что можете не стесняться, миледи, и кричать так громко, как вам заблагорассудится.

Кричать? Ой, серьезно он за меня собрался взяться. Будет мстить за приворот по полной. Может быть, даже мучить. В мой первый раз с Сергеем мне по крайней мере, не было больно. Неприятно, дискомфортно, но не больно.

Сейчас я, наверное, даже надеяться на подобное не могла...

— Дворецкого не отпустили, он может помешать! — пискнула я, отпрыгнув от него.

— Джьюд — мое доверенное лицо, за него можете не переживать. Или вам понравилось с ним обниматься? — голос мужа стал крепче стали, а в медово-карих глазах блеснула грозовая вспышка.

— Не понимаю, что на меня нашло. Я вообще ни о чем таком не думала...

— Да, я знаю, что, вы не контролировали себя... — усмехнулся эсквайр, окидывая нехорошим взглядом мою фигуру. — Какое совпадение, я ведь тоже себя практически не контролирую.

Интересно, если я отпихну его и суматошно побегу, вопя от страха, это прокатит? Может, он сочтет меня за психованную и оставит в покое?

— Это из-за Несквика, да? — я попыталась перевести разговор и сама не заметила, как стала размышлять вслух, — Когда был плюшевым медведем, он столько наслушался, как мне одиноко, что теперь каким-то странным образом действует на меня и мужчин. Привлекательных мужчин... — добавила я, задумчиво посмотрев на своего мужа.

Но долго задумываться он мне не дал. Внезапно, как перышко подхватил меня на руки (хорошо, хоть по-человечески, а не попой кверху), и проговорил:

— Муж в первый раз переносит жену через порог своего дома, потому что защитная магия, что наложена на этот порог, может ей навредить. Какая ирония, ведь защищать Трентон нужно именно от вас, миледи...

— Что же вы, такую змеюку подколодную, как я, тащите в свой дом? — тут же ухватила за эту мысль я. — Давайте остановим все это, пока не поздно... Пусть наш брак будет фиктивным, и...

— Полагаю, что со змеей я справлюсь. Я ведь не собираюсь пригревать вас на груди.

Перехватив меня покрепче, Теодор со мной на руках сделал шаг через порог, который вспыхнул золотистым свечением.

— Этот дом принял и запомнил вас. И я даже упоминать не буду, что случится с вами, если вы замыслите зло против него или тех, кто в нем обитает.

Внутри оказалась парадная зала и роскошные величественные интерьеры, в которых было очень много пространства, благородных, сдержанных красок и спокойных форм, приятных глазу. Хотя рассматривать их у меня не было ни желания, ни сил.

Вместо того, чтобы поставить меня на узорную плитку пола, муж начал легко подниматься по широким каменным ступеням большой лестницы с витыми перилами.

При мысли о том, куда он меня несет, кружилась голова. Если б он меня не держал, я, заломив руки, прислонилась к стене в полуобмороке, как какая-нибудь экзальтированная девица.

Нет, я, конечно, понимала — то, что произошло у меня с Сергеем, когда-нибудь должно было повториться с другим мужчиной. Моим будущим мужем, в конце-то концов!

Но нельзя же вот так вот сразу, с бухты барахты. Мне б морально настроиться, подготовиться, так сказать...

— Я не могу вот так! Я хочу есть! Я хочу в ванную! В туалет тоже хочу! Я устала! Поставьте меня!

— Да вы не переживайте так, Цицинателла, — плотоядно ухмыльнулся этот подлец. — Я вас и искупаю, и накормлю. И спать уложу, можете не сомневаться.

— Мне нужно к психологу, — с тревогой призналась я. — Срочно! У вас же здесь есть какой-нибудь психолог, хоть самый завалящийся, с купленным дипломом?

— Вы так называете мага, который заклиняет от беременности? — изогнул густую бровь мой муж. — Даже думать об этом не смейте, миледи. Я не знаю, о чем вы думали, когда решились связать таким крепким заклинанием наши с вами судьбы, но, если так было угодно богам, пусть будет так. Эта ночь скрепит наш союз.

И эсквайр пинком ноги распахнул резную дубовую дверь и внес меня в спальню.

Глава 12

ТЕОДОР

Наверное, только одни боги знали, как же сильно я ее хотел.

Она была красива. Дьявольски красива, и даже полотнище миткаля, которое вместо свадебного платья смотрелось на ней нелепо, ничуть не портило Цицинателлу.

Пожалуй, даже хорошо, что она была не в восхитительном свадебном наряде, а в этом... Иначе я просто мог не выдержать.

Я сходил от нее с ума.

И мне хотелось не одевать, а раздевать ее.

Медленно. Очень медленно, растягивая удовольствие и превращая свое нетерпение в сладкую муку, которая должна была закончиться тогда, когда эта девушка будет, полностью обнаженная и покорная, лежать передо мной на простынях в моей спальне в Трентоне.

На свадебном пиру она сидела по левую руку от меня, такая близкая — стоило лишь протянуть руку и положить под столом на ее колено, ощутить ее тело под складками ткани...

Все равно бы никто не заметил. А даже если бы и заметил — в тот момент мне было на это совершенно наплевать.

На все было наплевать, по сравнению с ней...

Но я ограничился ее рукой. Такой нежной маленькой ручкой с аккуратными розовыми ноготками, которая исчезла под моей ладонью. Дрожащая, холодная, точеная девичья ручка — хотелось крепко сжать ее своими руками, согреть и поднести к своим губам.

Ощутить гладкость фарфоровой кожи и представить, как эта волшебная рука ложится на...

Будоражающая картина, от которой меня кинуло в жар, быстро промелькнула в сознании и пропала, потому что Цицинателла вырвала руку, прошипев что-то язвительное и злобное.

В этой бессильной злобе она казалась еще очаровательнее.

С одной стороны, я понимал, что морить девушку голодом — идея не из лучших, но с другой — смотреть, как полыхают от негодования зеленые глаза моей новоиспеченной жены, доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие.

Нет, я, конечно, знаю, что доставило бы мне большее удовольствие, но до этого нужно было ждать несколько часов.

Под пристальным, завидующим и яростным взглядом Цицинателлы елось с необыкновенным аппетитом, тем более, нанятые мной специально для свадебного пира повара оказались весьма недурны.

Не то, что мой личный повар из Трентона, конечно, но все же.

Именно там, в моем любимом имении, я и собирался ее покормить, но не раньше. После дня воздержания Цицинателла оценит кухню Трентона по достоинству, готов поклясться.

И, может быть, хоть немного поймет то, что испытываю по отношению к ней я... Хотя, сомневаюсь, что она ПО-НАСТОЯЩЕМУ понимает последствия своего приворота и то, какие чувства я к ней испытываю.

То, как сильно мне хочется увидеть в ее глазах ответную страсть. Хотя бы тень того урагана, что я ощущаю к ней. Хотя бы легкий ветерок.

Но я ни на минуту не забываю, кто она.

Стараюсь не забывать, хотя порой, на мгновения, она кажется другой — такой ранимой и хрупкой, такой доверчивой и беззащитной... Совершенно незнакомой, как будто я ее впервые вижу.

Она заполучила надо мной слишком большую власть. И это нужно искоренить, выжечь.

Цицинателла Рутланд, в девичестве де ла Мередит — лживая, лицемерная, вероломная дрянь, которая пошла на обман, чтобы завладеть моими деньгами.

Тристан прав, тысячу раз прав. Старший брат не смог явиться на свадьбу, так как задерживался в своей дальней поездке, но, может, оно и к лучшему. Он не понимал, что я уже давно не мальчик и имею свою голову на плечах. Правда, сейчас я терял ее, впервые в жизни терял...

Но, если я решил, что эта женщина будет моей женой — то быть по тому.

Как бы опасна она не была.

Женой и матерью моего второго ребенка. Наследника. Трис мне все уши прожужжал, что такая, как Цици, будет отвратительной матерью. Я и сам это понимал... Но все-таки была какая-то небольшая

надежда, что, когда я упомянул ребенка, на ее прекрасном лице появится хоть какой-то отклик настоящего чувства.

Разумеется, ничего подобного не произошло. В ее глазах промелькнул страх. Цицинателла не хотела детей, о чем ясно сказала мне ранее. Впрочем, я и не собирался оставлять ребенка ей. Если у нее вообще получится зачать.

Хотя я собирался сделать так, чтобы получилось. И приступить к этому намеревался уже этой ночью, причем постараться собирался как следует.

Этот болван, лорд Макинтош, просто не понимал, как близок он был к печальному финалу, когда высказал про право первой ночи.

Отдать Цицинателлу кому-то другому? Шут гороховый спятил, не иначе!

Багровая пелена застила мне глаза при одной этой мысли. Я бы оторвал ему голову, все равно в ней никаких хороших мыслей не водилось — потеря была бы невелика.

Но это был свадебный пир, Макинтош являлся приглашенным гостем, и в шатре находилась моя дочь.

Я не хотел, чтобы Брианна видела мою жестокость, а потому ограничился тем, что вышвырнул наглеца с торжества, не взирая на его смешные угрозы. И его лучших дружков, которые хохотали над пошлыми шутками и бросали на мою жену сальные взгляды, заодно.

Будь моя воля, я вообще не приглашал всех этих знатных лордов и пэров, и провел торжество в Трентоне, сделав его не таким пышным. И количество гостей сократил бы в половину!

Но эта свадьба была отличной рекламной компанией для моей мануфактуры, и упускать такую возможность было глупо.

Правда, в итоге все равно все пошло не так, начиная от наряда Цици и заканчивая тем, что Макинтош с компанией своих друзей, удалился с пира, как побитая собака.

Сиятельный лорд явно затаил обиду. А, зная его мелочный нрав, толстяк явно соберется мне мстить. Например, жаловаться Его Величеству, когда тот прибудет в столицу. Что ж, вперед и с песней — мне сейчас явно было не до того, чтобы думать о каком-то зажавшемся толстом идиоте.

Пока по горному перевалу добирались до Трентона, пошел резкий, колющий снег. Холодный ветер бил в лицо и Венто было

тяжело идти — копыта вязли в снегу. Но я был даже рад такой суровой погоде — это хотя бы немного остужало мой пыл, когда я смотрел на карету, в которой находилась она.

Наверняка очень злая и голодная... И со своим магическим черно-белым медведем, Люцифер знает, где она его откопала! Но сделала это явно, чтобы окончательно добить меня. В его способностях я еще до конца не разобрался, но примерно понимал их природу. Заставить меня злиться и ревновать — что же еще?!

Впрочем, и это было неважно.

Важно было лишь то, что час почти пробил.

Наконец-то мое сокровище станет полностью и безраздельно моим...

Глава 13

Это была кровать.

Вот честное слово, огромнейшая кровать с массивными дубовыми столбиками и тяжелым балдахином. Устеленная нежнейшим кремовым бельем и кружевами, постель была похожа на волшебное пенное облако.

Нечто подобное я наблюдала из иллюминатора самолета, когда мы с Гошкой летали в отпуск.

Большая такая кровать. Основательная.

Ой, мама...

— Мне надо в душ! — с угрозой сообщила я. — Срочно! Вы даже себе не представляете...

— А мне нравится.

Эсквайр поставил меня на шкуру, устилающую пол из больших резных плит. Прямо рядом с кроватью поставил, м-да...

Если честно, ноги меня не особо держали. У меня был сложный день. Очень-очень сложный день.

Хоть каблучок моих атласных башмачков и был совсем невысоким, я почувствовала, что несчастные ноги просто не могут больше терпеть его узкую колодку.

Обувку удалось стянуть друг о друга и оставить там, у подножья шкуры. Босыми ногами ступила в прохладную шелковистость шкуры и... Это было блаженство!

Вообще-то, я — ярая противница использования меха животных. Недавно вот приобрела экошубу, и довольна, как слон. Вот не люблю, не переношу...

Однако приятные ощущения все-таки завладели мной всего на несколько мгновений, а затем я резво прыгнула с мягкой и теплой шкуры на ледяной каменный пол.

— Несчастное животное! — заявила с крайней степенью осуждения.

— Ваше сочувствие меня необыкновенно трогает, — Теодор оскалился и направился ко мне. — Но я надеюсь, прямо сейчас вы сделаете меня на малую толику счастливее.

— Я не о вас! — с досады я закусила губу и указала на шкуру. — А вот об этом!

— Вербэра пожалели? Который сожрал вас за три секунды и не подавился бы? — выгнул бровь Рутланд. — А я-то полагал, что ниже в моих глазах вы упасть уже не можете... Да что вы о них знаете?

Вот тут он попал в самую точку — я не знала об этих самых вербэрах абсолютно ничего. О чем с радостью ему и сообщила. Глядишь, начнет рассказывать, пока суд да дело, тут и ночь пройдет.

Вот только реакция мужа оказалась совсем не такой, как можно было ожидать. Резко помрачнел лицом — таких тяжелых, негативных эмоций я у него за весь этот суматошный день не видела.

— Воткнула нож, и повернула, — медленно проговорил он. — Не знаю, зачем вы хотите причинить мне боль — возможно, это неприязнь именно ко мне... А, может, вы просто глупы, как пробка. Вы на полном серьезе хотите сделать вид, что не знаете о истории, что случилась в Трентоне пять лет назад? Как будто, в числе прочих, не судачили о том, что...

— Что? — на одном дыхании выпалила я.

У Теодора было такое лицо, что все окружающее вдруг отдалилось от меня. Что-то случилось здесь пять лет назад и оставило в нем неизгладимый след. А, может быть, не только в нем...

Именно в этот момент я впервые увидела в нем живого человека, а не героя с постера фэнтези-фильма. Именно в этот момент в нем проглянули сильная и искренняя эмоция.

Это была боль. Боль... И что-то еще.

Что-то опасное.

Так что же все-таки произошло пять лет назад в этом замке? Это не моя жизнь и не мой мир. Но, кажется, я бы сейчас душу продала бы, чтобы узнать...

— Эта ночь явно не предназначена для того, чтобы я вспоминал то, что хочу забыть, — хрипло проговорил эсквайр и направился ко мне. — Вы не посмеете больше упоминать об этом. Никогда. А сейчас... Сейчас наконец-то вы со мной. Вы — моя. И ничто не сможет помешать.

Решительно так направился. Что мне сразу стало ясно — во-первых, задавать интересующие меня вопросы и правда нельзя. Себе дороже!

А во-вторых — вот она и наступила. Моя первая брачная ночь.
Ой, мама!

И не спрятаться, не скрыться. Не оттянуть...

Кстати... Зря я что ли всю дорогу сюда штудировала дневник заклинаний Нутеллы? Было там кое-что любопытное. Сейчас попробуем это применить!

Ох, магия! Первый раз колдовать ведь буду!

Один пламенный взгляд медово-карих глаз эсквайра — и отороченный мехом плащ упал к моим ногам. То же самое произошло и с платьем!

И вот я стою на ледяном каменном полу в одной полупрозрачной сорочке и отчаянно мерзну, поджимая пальцы босых ног. Одновременно пытаюсь скрыть руками свои округлости, которые так и просвечивают сквозь тонкий батист.

Это я зря.

Теодор буквально раздевает меня взглядом. Никогда не ощущала ничего подобного. Никогда в жизни на меня так не смотрели мужчины!

Мне холодно — чувствую, как леденеют кончики пальцев. Хочется укутаться. Хочется согреться.

Но одновременно мне горячо. Что-то дрожит внизу живота и под взглядом мужа оттуда начинает подниматься обжигающая волна.

Боже мой, как незнакомо и страшно, но в то же время... Незнакомые ощущения завораживают и пленят. Сильнее прижимаю правой рукой грудь, стараясь скрыть ее, в то время, как левой ладошкой пытаюсь спрятать то самое, сокровенное место...

Вот только нижняя сорочка и собственные руки — слишком слабая защита перед пожирающим взглядом Теодора Рутланда.

Всего лишь пара мгновений отделяет его от того, чтобы наброситься на Цицинателлу... То есть на меня.

Это я. Я стою перед ним, почти голая. Снаружи ежусь от холода и страха, а внутри ощущаю горячий неизведанный прилив... Чего?

Сама не могу дать определения этому чувству.

Знаю лишь, что оно меня погубит!

— В вас что-то изменилось, миледи, но я не могу понять, что. Что-то новое в глазах... Что-то трогательное, человеческое, теплое... Вы, конечно же, снова играете. И, как всегда, талантливо. Но сегодня

вы как никогда сводите меня с ума. Даже будь я богом, я бы не вытерпел, — прорычал Теодор, сбрасывая с себя плащ и камзол.

Вроде бы никакого позерства, как у Миши со Светкиного утренника. А как эротично. Но это были еще цветочки!

Оставшись в бриджах и одной белоснежной рубаше с кружевом у ворота, Теодор небрежно расстегнул манжеты и отбросил ее от себя...

М-м-м...

А может, я зря боюсь этого... Ну, этого самого!

Его торс был великолепен. Вот честно, как с картины какого-нибудь художника эпохи Возрождения. Или скульптура самого Микеланджело, не менее. Идеально. Никакой стриптизер Миша там и рядом не стоял! Известные актеры, модели, культуристы и танцоры из моего мира — тоже.

Безукоризненные графические линии мышц, загорелая кожа с дорожкой жестких волос, уходящих вниз, симметричные кубики пресса и такой выдающийся рельеф... Вот прямо иди и в рекламу тренажерного зала его — от клиентов отбоя не будет!

— В вашем взгляде столько, что это становится даже интересно, — усмехнулся муж и прижал меня к кровати своим горячим телом. — Так я ли один пылаю от этой страсти? Сейчас у вас не будет от меня секретов, миледи Цицинателла.

Горячие руки Теодора оказались на моем теле, а губы — на моих губах, а в следующее мгновение...

Я просто провалилась! Провалилась на кровать, только не в этой спальне. Судя по всему, в соседней, потому что дверь открылась и я снова увидела его...

Бриджи, обтягивающие накачанные ноги, великолепный торс и медово-карие глаза, которые пылали...

В буквальном смысле пылали, пока Теодор шел ко мне, чтобы набросится и прижать уже к этой кровати, а я...

Я оказалась на каком-то диване. Ну, как на каком-то? На диване в его гостиной, на первом этаже — я узнала по лестнице. Именно по ней он нес меня на руках.

Смотри-ка, а сработало заклинание Нутеллы, что я пробормотала себе под нос, пока Теодор поднимал меня на верхние этажи Трентона, будучи убежденным, что его ждет первая брачная ночь.

Простейшая дверная магия, как мелким почерком было указано в пометочке к заклинанию. Бесполезная и, по своей сути, глупая. Но оттого убойная. Поэтому нейтрализовать ее и перекрыть другой магией невозможно.

Бинго!

Хотя, может, и нет...

— ЦИЦИНАТЕЛЛА!

Рев Теодора Рутланда потряс весь замок до основания. Я буквально слышала, как сотрясаются под его тяжелыми шагами ступени и заранее сжалась на своем диване. Я ведь снова перемещусь куда-нибудь, если он до меня дотронется? Это заклинание действует так, правда?

В смысле, муж не сможет меня убить прямо сейчас, да? И любить тоже не сможет?

Как там говорилось в любимой Светкиной присказке... Наш девиз непобедим — возбудим и не дадим!

Мне она никогда не нравилась, и, наверное, не зря. Наверное, надо все-таки прятаться, пока не поздно!

Правда, было поздно, потому что странное затишье, что вдруг опустилось за замок, было страшней гневного окрика Теодора.

Я сжалась на диванчике, стараясь слиться с обивкой, а затем эту звенящую пугающую тишину нарушил грозный рев...

Глава 14

Вот только ничуть не человеческий. Никакой человек, даже будь он в самом настоящем яростном припадке, так не смог.

Это был раздирающий душу звериный рев. Это было страшно. Впервые за все то время, что я пробыла в этом мире в теле Цицинателлы де ла Мередит, мне стало по-настоящему страшно.

Опасность. Реальная взаправдашня опасность. Это была она.

Рык повторился, но на более низкой, хриплой, и оттого пугающей ноте. Ох, не хотела бы я быть той, кто попадется этому... чудовищу на глаза.

Похоже, Трентон охранялся не только защитной магией, про которую говорил Теодор, но и кем-то намного более серьезным. Угрожающим.

Дракона у себя в подвале Рутланд держал, что ли?

И, кстати, где он сам?

Так страстно говорил про первую брачную ночь, а теперь куда-то пропал. Нет, я конечно, с этой дверной магией сама виновата...

А чего это он?

Вот не надо было изначально меня пугать. Не надо. Может, я с этим дверным заклятием намудрила, и стоило сцепить зубы и покориться судьбе? Вытерпела бы как-нибудь, перемаялась...

Зато сейчас не сидела в полумраке незнакомого зала с высокими сводами, обняв руками колени, и не тряслась бы от страха, вновь и вновь переживая жуткий рев неведомого, но явно очень злобного монстра.

Может, эсквайр окончательно обозлился на свою непутевую новоявленную женушку, которая его приворожила, а счастьем не удостоила, и решился спустить на нее с цепи самое страшное чудовище из своего подвала?

Так сказать, была леди Цицинателла де да Мередит, но надежд не оправдала и после первой брачной ночи вся кончилась... Судя по физиономиям гостей на свадьбе и слуг, никто по мне (то есть по ней... нет все-таки по мне!) и слезинки не уронит. Нутелла была той еще штучкой...

Ой, зря я это все, ой, мама, зря! Хоть бы малюсенькую свечечку кто-нибудь из слуг зажег... Хотя б в коридоре.

А то так тоскливо завывает за окном ветер и метет, метет бесконечная пурга.

Теодор Рутланд.

Как это не парадоксально, но мне вдруг подумалось, что рядом с ним сейчас бы не было так страшно.

Сама ведь пыталась от него спрятаться, скрыться...

В итоге, за что боролась, на то и напоролась, Яна, да. Очень мило.

Мысль о том, чтобы подняться по лестнице и вернуться в спальню вдруг пришла мне в голову и почему-то настойчиво там укрепилась.

Стра-а-ашно...

Что он говорил про защиту Трентона? Может, этот самый Трентон уже посчитал, что я к нему враждебно настроена? Может, его магия уже работает против меня?

— Теодор? — слабо позвала я, поднявшись с софы, и в полумраке приблизилась к лестнице. — Милорд?

Кем я сейчас себя чувствовала на все сто процентов, так это Белль из диснеевского мультфильма, когда она оказалась в замке Чудовища. Декорации были соответствующие, да и антураж под стать, ага. Злобный звериный рев тоже никто не отменял.

Вот только я не в мультике для детей двенадцать плюс. Здесь персонажи не поют песен. Я не знаю этого мира. И здесь со мной по-настоящему может случиться что-то плохое... Вероятность этого очень даже высока.

Не зря же, в конце концов, Нутелла отсюда сбежала!

Поэтому, Яночка, давай, ноги в руки и ищи своего муженька. Это будет самое верное решение. В конце концов, не сахарная, не растаю... Перетерплю его как-нибудь.

Я сделала несколько шагов вверх по лестнице, но Теодора почему-то не звать не хотелось. Не хотелось вообще подавать голос в принципе.

Не приснился же мне этот зловещий звериный рык?

Тишина темного и пустого замка уже по-настоящему давила на уши, как в фильме ужасов. И звук моих шагов казался таким громким, оглушающе громким, хотя на самом деле это был не более, чем шелест.

Но, кажется, еще громче билось мое сердце.

В этом месте лестница делала крутой поворот. Я повернула, и...

И почти в крошечной темноте наткнулась на гигантский силуэт монстра. Он стоял передо мной. Он поджидал меня!

Чудище словно выбралось из недр преисподней — мощное, свирепое, грозное. Темнота не позволила рассмотреть его во всех подробностях и слава богу! Мне бросилась в глаза только огромная пасть, полная огромных и острых, как кинжалы, зубов размером с две моих ладони.

И переливающаяся огненными искрами всклокоченная шерсть.

При виде меня страшилище поднялось на задние лапы и яростно взревело.

— Мама, — сдавленно пискнула я и бросилась наутек.

Разумные, спокойные и нормальные мысли покинули мою голову. Причем абсолютно все. Разом. И любезно уступили место панике.

Да этот монстр перекусит меня пополам и сожрет в два присеста, не подавится!

Наверное, именно потому, что разума у меня в тот момент осталось мало, а паники стало слишком много, я рыбкой юркнула под тот самый диван, на который провалилась из соседней спальни Теодора.

Пространство было очень узким — в обычном состоянии я бы сюда никогда не вошла. Но страх вскоре оказаться у жуткого громадного огненного чудовища в желудке творит с леди чудеса. И даже уменьшает пышные объемы.

Кстати, слуги в этом замке действительно хорошо знали свое дело — здесь было тесно, но ничуть не пыльно.

А я лежала на животе и тряслась, как осиновый лист, ожидая тяжелых шагов чудовища.

Нет, песни со мной он петь не будет. И танцевать вальс в зале тоже.

Разорвет на мелкие клочки, как пить дать разорвет!

Томительное ожидание становилось нестерпимым, но ничего не происходило. Секунды растягивались, как жвачка, и превращались в минуты. Те, в свою очередь, тянулись тоже и превращались в часы.

Как в часы? Неужели, я прячусь под этим диваном больше часа? В неудобной позе, на холодной плитке пола...

Кажется, я закрыла глаза всего лишь на мгновение. На совсем крошечное мгновение, чтобы перевести дух.

Этот день выдался, без преувеличения, самым тяжелым в моей жизни. Попала в чужой мир, в чужое тело, познакомилась с отвратительным хамом и грубияном, пережила бегство от свадьбы, саму свадьбу, пир и столкновение лоб в лоб с жутким монстром. А еще была ну просто зверски голодна!

Для кого угодно было бы чересчур!

Поэтому я смежила веки и просто-напросто вырубилась. А когда открыла глаза...

Когда открыла глаза, то обалдела.

Глава 15

И может, даже еще сильнее, чем вчера утром. Хотя, если припомнить разъяренного эсквайра, ворвавшегося в мою спальню... Пожалуй, нет, не сильнее...

Но все равно это утро было удивительным. Потому что проснулась я не в тесноте под диваном, а в роскошной и мягкой постели с балдахином. На мне была уютная, красивая, и, что немаловажно, приличная ночная рубашка, яркое солнышко светило в окно, а вместо злобного Теодора Рутланда с его грубыми замашками меня учтиво приветствовал...

Джбюд. Да, именно так звали этого приятного молодого человека с платиновыми волосами — дворецкого замка Трентон. Вот, я даже имя его запомнила!

Пожалуй, они с Теодором могли рекламировать тренажерный зал на пару — парень был симпатичный. И даже очень!

А особенно мне понравилось то, что он аккуратненько откинул полог, поклонился и сказал:

— Чудесного утра, миледи Рутланд. Прикажете подавать завтрак?

Возликовав сердцем, я приказала! Ну вот, наконец-то в этом мире мне попался хоть один нормальный парень, который знает, что нужно девушке!

Горничная, которая явно стояла за дверью, поджидая его знака, внесла в спальню поднос-столик и с почтением поставила его передо мной прямо на постель.

Бог мой, там была еда! Там был кофе! Сливки! Яичница с беконом! Сыр! Сладкие булочки! Все это красиво сервировано, а в середине — букетик полевых цветов. Не знаю, откуда их достали в зимнее время. Наверное, не обошлось без магии... Но выглядело необыкновенно мило.

Но вообще-то, мне было не до милоты. На еду я набросилась, точно дикий зверь, явно поразив дворецкого и горничную своими дикими манерами.

Хотя, еда-едой, а о главном-то я помнила! Поэтому и спросила с набитым ртом:

— Где эсквайр Рутланд?

Назвать его мужем как-то язык не повернулся...

— Господин вынужден был уехать по срочным делам.

— А как же наша первая брачная ночь? — в растерянности пробормотала я.

— Судя по всему, она уже произошла, миледи, — невозмутимо ответил дворецкий.

Этот ответ поверг меня в состояние шока. Брачная ночь прошла, а я этого даже не заметила?

— Как так? А ваш монстр? Я же пряталась от него под диваном, потом случайно уснула... Теодор, что, меня во сне... — мне стало дурно. — Но от такого я бы, наверное, проснулась!

— Увы, не могу это уточнить. Очевидно, что миледи виднее, произошла у нее... хм... брачная ночь, или нет. Что касается монстра, я, как главный управляющий имения, не располагаю информацией, что в Трентоне живет какой-то монстр. Скорее, за его стенами, но никак не внутри...

— Но я слышала чудовище. Оно ревело!

— Лично я этой ночью слышал совсем другие звуки, — сказал дворецкий с таким выражением, что я покраснела и замолчала.

Джьюд ясно дал понять одно — свет на прошедшую ночь он проливать не хочет ну никак. По идее, с чего бы ему действительно это делать?

Так было? Или нет?

Если было, а я была во сне, то это просто-напросто насилие. А на насильника Теодор Рутланд ну никак не похож. На хама, грубияна и вообще, во всех отношениях неприятного типа, но никак не насильника! Если он был таким, то не стал жениться, а просто подкараулил меня и силой взял свое.

Получается, если и было, то с моего согласия, а я не помню?!

Здравствуй, Яна! Что называется, приехала!

Как ни крути, выходило, единственный, кто может прояснить ситуацию (и про того огненного демона, что ревел, а потом поджидал меня на лестнице, тоже!), так это собственный муж.

А я-то уже успела обрадоваться по поводу его отъезда.

— И когда же он вернется?

— Не могу сказать, — вежливо ответил Джьюд. — Возможно, милорд Рутланд прибудет сегодня вечером, а возможно, через пару дней.

Да это же просто отлично! Фиг с ней, с этой брачной ночью, потом разберусь. А сейчас можно тихонечко осмотреться и дать деру, пока за мной не наблюдает неусыпное око мужа...

— Так же милорд Рутланд велел передать, чтобы вы помнили о защитной магии замка, которая может вам сильно навредить, если вдруг решитесь на необдуманные поступки, — невозмутимо добавил дворецкий.

Упс! Накрылся мой побег, накрылся медным тазиком!

— То есть, фактически, я — здесь пленница? — мне даже есть расхотелось, отставила от себя недопитый кофе. — Шаг влево, шаг вправо — расстрел?

— Я бы не стал прибегать к подобным формулировкам. Теперь вы — хозяйка Трентона, миледи. А это большая ответственность. И честь.

Ага, честь. Не надо мне, знаете ли, такой чести, когда у них тут огненные страшилища по ночам по этому самому Трентону бегают!

Было ясно одно, расспрашивать более Джьюда не имело смысла — парень явно получил на счет меня список указаний и теперь беспрекословно им следовал.

— Я желаю осмотреть имение, — церемонно сказала я.

— Осмотреть имение? — почему-то удивился Джьюд. — Но милорд Рутланд сказал, что вряд ли устройство замка вас заинтересует...

— Смею вас уверить, что мне, как новой хозяйке Трентона, очень интересно, — очаровательно улыбнулась я. — Вы же не откажете мне в небольшой экскурсии, Джьюд? Но перед этим отведите меня, пожалуйста, к Несквику. Вы говорили, что позаботитесь о нем. Вы же позаботились, верно?

— Господин обмолвился, что ваш питомец оказывает на вас не совсем хорошее магическое влияние, — в первый раз за весь разговор парень смутился. — И пока что ваше общение с ним нежелательно. Вы можете быть уверены, что за вашим питомцем осуществляется должный уход...

— Чушь! Я сама решу, что мне желательно, а что нет! Ведите!

Под моим напором возразить Джьюд не посмел. И правильно — пусть только попробуют встать между мной и моим Несквином! Тут даже ночной монстр меня не остановит.

Только перед этим Джьюд посоветовал мне хотя бы одеться, что было разумно. Дом полон слуг — не в ночной сорочке же перед ними разгуливать! И уж обрадовал, так обрадовал, заявив, что из моего особняка доставили мою личную служанку Коллу.

Не знаю, о чем думала Нутелла, когда назначала своей камеристкой эту неприятную особу. Памятуя о том, как она драла мои несчастные волосы, от ее помощи я отказалась, чем немало ее удивила.

Сама справилась, и очень даже неплохо получилось. Учитывая, что у них тут в ходу пышные платья с множеством крючков и застежек и, по меньшей мере, штук десять нижних юбок!

Я обошлась одной и хватит с меня... Волосы, по привычке, заплела в обычную косу набок. Так как они были длинными и толстыми, получилась прямо русская народная красавица, только красной ленты в косу не хватило и кокошника. И сарафана в пол!

— Какая у миледи... оригинальная прическа, — с явной неприязнью заметила Колла, хоть ее и не спрашивали. — Миледи захотелось простонародного стиля?

Так, с прической я погорячилась — у благородных леди косы не приняты, запомним. Интересно, могу я ни с того ни сего разжаловать свою личную камеристку?

До чего все-таки неприятная дева! Вот уж, воистину, говорящее у нее имя. Вот кому понадобилось ее сюда тащить?

Джьюд тоже со странным выражением посмотрел на мою косичку, но, в отличие от Коллы, хотя бы ничего не сказал.

Далее дворецкий повел меня в одну из комнат на первом этаже, где и обнаружился мой ненаглядный панда! Медведь восседал на большом и мягком зеленом покрывале, а все вокруг него было уставлено блюдами, на которых высились башни из продолговатых зеленых печенок-соломинок.

— Я выяснил, что любит ваш мишка, — с гордостью заявил Джьюд. — Это печенье из проса! Полночи их пек! Вообще-то, все это время он спал, а проснулся только недавно и теперь завтракает.

Ради интереса я надкусила одну соломинку — на вкус, как шоколад с фисташками. И не скажешь, что из проса.

Из школьного курса биологии я смутно помнила, что просо является дальним родственником бамбуковых.

Так что вроде бы вопрос с пропитанием панды решился. И слава богу!

Так как Несвик был занят завтраком, то обошлись без обнимашек, писклявого хора мишек и розовых сердечек под потолок.

Я расцеловала его в мокрый нос, но на экскурсию по замку брать его не стала.

Вообще, данная экскурсия имела для меня две цели — изучить вражескую диспозицию с целью возможного побега, и убедиться, что где-то здесь в подвале не прячут ужасного монстра.

Надо сказать, экскурсоводом Джьюд оказался вдохновенным — чувствовалось, что он действительно любил свое рабочее место. От обилия исторических фактов, связанных с замком, у меня уже в первые полчаса разболелась голова. А по-хорошему, надо было хоть запоминать историю этого мира.

Впрочем, к моим услугам всегда была библиотека, в которую Джьюд повел меня в первую очередь.

Вообще-то, Трентон поразил мое воображение. Это был настоящий роскошный средневековый замок, прямо, как в книжках и кино из моего мира. Среди использованных при его отделке материалов преобладали искусно обработанные дерево и камень. Но встречались и грубые, будто нарочито необработанные поверхности, что только придавало таинственности. Казалось, такие вещи хранят саму историю. И магию.

Бросалась в глаза массивность и основательность замка, потолочный брус, высокие колонны и арки...

Но самым запоминающимся оказался витраж, который располагался в высоком стрельчатом окне в одном из залов.

Яркими кусочками стекла в определенной витражной манере там была изображена семья: муж, жена и маленькая дочурка, которую он держал на руках. А вокруг них белые розы — очень много роз.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто это такие. И кто эта женщина с русыми волосами, которая сжимала в руке цветок. Мне она почему-то показалась похожей на даму бубен с игральных карт. Странное сравнение, знаю. Может быть, из-за особой техники витража?

И еще я точно знаю, что это была та, которую эсквайр Теодор Рутланд хотел забыть. Мать Брианны. Его бывшая жена.

Мне стало страшно интересно, что с ней произошло? Вот просто зачесалось везде, так захотелось узнать!

В конце концов, Теодор теперь мой муж и вообще...

— Джьюд, а не напомните, что случилось в Трентоне пять лет назад? — стараясь не выдать своей крайней заинтересованности, спросила я, не отрывая взгляда от витража.

Дворецкий колебался.

— Милорд Теодор и миледи Чантэль... — начал он, глядя на витраж, и тут же смолк.

— Миледи Чантэль?

Значит, так звали его бывшую жену! Я приготовилась к рассказу, но его, увы, не последовало.

— Господин сам расскажет об этом, если сочтет нужным, — сухо ответил дворецкий, и пошел дальше, заставив меня изнывать от любопытства.

И вот как я теперь? Как узнаю? Сам Теодор не расскажет ни за что — ясно дал это понять. А, может, есть какой-нибудь способ заставить его разговориться?

А то интересно ведь!

Хотя... При одном воспоминании о суровом взгляде собственного мужа, я подумала, что слово «разговориться» к нему явно неприменимо. Тем более со мной, ведь он так меня ненавидит...

Вернее, ненавидит-то он Цицинателлу, а не меня.

Но теперь это одно и то же. И мне придется с этим смириться.

Джьюд довольно долго таскал меня по замку, включая верхние этажи. Дверь в одной из башен была закрыта на замок, и это привлекло мое внимание. Своим специальным ключом, что подходил ко всем замкам, дворецкий открывал передо мной все двери.

Но эту резную дверку почему-то не захотел. Или не посчитал нужным открыть.

Что, если именно за ней они и прячут своего монстра?!

— А там что? — как бы невзначай поинтересовалась я.

— Обычная комната, — ответил дворецкий и как ни в чем не бывало направился дальше. — Миледи сегодня уже видела таких с десятков.

— А почему она заперта?

— Потому что ей не пользуются, — был краток ответ Джьюда.

Его нежелание показывать комнату еще больше укрепило меня в подозрениях. Ага, попался! Очевидно же, что именно здесь и обитает то жуткое существо, чей грозный рев я слышала этой ночью! Сейчас оно, наверное, отдыхает или спит. Наверное, днем оно не так опасно. Но ночью монстр отправляется охотиться на бедных незащищенных попаданок... Вернее, на одну попаданку, которой не посчастливилось стать женой злобного хозяина этого замка.

— Я хочу взглянуть, — смело проговорила я, не последовав дальше за дворецким.

Ясно дала понять, что хоть весь день здесь просижу, если он комнатку не отопрет.

Как-то запоздало на ум пришла всем известная сказка про одного товарища с синей бородой и его неразумную женушку, которая чуть не поплатилась за неумное любопытство жизнью.

Вот куда Рутланд подевал свою прежнюю жену, а?

Сейчас дворецкий ка-а-к откроет комнатку, а оттуда на меня ка-а-к бросится нечто громадное, ревящее и до крайней степени злобное!

— Можете мне поверить, госпожа, за этой дверью нет ничего, представляющего для вас интерес, — терпеливо проговорил дворецкий, разжигая мое любопытство уже просто до крайней степени.

С одной стороны — не хочет показывать, и не надо. Может, он таким образом от скрывающегося за дверью чудовища меня защитить хочет?

Как говорит моя мама: «Любопытство сгубило кошку».

Но с другой стороны...

— То есть, вы хотите сказать, что не подчинитесь, когда вам приказывает жена вашего господина Теодора Рутланда? На минуточку, если вы вдруг забыли, Джьюд, я стала хозяйкой Трентона. И как хозяйка, я желаю посмотреть, какой секрет хранит эта комната!

Вообще подобное было совершенно не в моем стиле. «Не пускают в комнату? Ну ладно, нельзя — так нельзя», — подумала бы прежняя Яна и покорно пошла дальше.

Но, наверное, все-таки характер прежней владелицы этого тела незаметно влиял на мой собственный характер.

Я высокомерно вскинула голову и напустила на себя надменный вид. Нутелла, наверное, могла бы мной гордиться!

Тем более, что при упоминании о хозяине замка Джьюд вытянулся по стойке смирно и склонился в низком поклоне:

— Если таково желание госпожи.

Дворецкий, как мне показалось, нарочито долго возился своим мега-ключом в замке, и вот, спустя время, показавшееся мне вечностью, дубовая дверь, наконец, с тихим скрипом распахнулась.

— Только после вас, госпожа Рутланд, — не двигаясь с места, Джьюд склонился еще ниже, чуть ли не касаясь лбом пола.

Галантный какой! Называется, пропустил даму вперед! Вот войду я сейчас туда, а он дверку-то за мной и запрет! И окажусь я в логове ночного монстра! И прощай, Цицинателла да ла Мередит, вернее Цицинателла Рутланд!

Ну а что? Сама ведь напросилась...

Но отступать уже было поздно, поэтому я смело шагнула на порог, каждую секунду ожидая нападения.

Но за дверью оказалось то, чего я ну никак не предполагала увидеть!

Поначалу мне с перепугу показалось, что комната полна странных белых монстров, которые затаились, чтоб на меня набросится. Вот только чересчур какими-то неподвижными они были!

Я пригляделась и с облегчением поняла, что с этим попаданием в другое тело и другой мир, мои нервы стали совсем ни к черту.

Это были вовсе не чудовища, а мебель, накрытая большими холстяными чехлами, защищающими ее от пыли.

Впрочем, это не помогло — пыли тут было очень даже много. Сквозь окна, которые были расположены в потолке, в крыше со скатом, с трудом проникал солнечный свет.

Хотя, если приглядеться, на обычные покои помещение походило мало.

Скорее это было похоже на...

Я сдернула один из чехлов, и в воздух поднялось огромное облако пыли, отчего я и дворецкий, который вошел следом за мной, стали похожи на жителей городка, рядом с которым произошло извержение вулкана.

Нас точно пеплом засыпало, короче.

— Господин не разрешает заходить сюда даже для того, чтобы сделать приборку, — извиняющимся тоном пояснил Джьюд и принялся в первую очередь отряхивать меня.

Пыль для него была прямо, как классовый враг.

Как коврик меня выбивал, ей-богу! Но я не обратила на это внимания — мной целиком завладел предмет, который находился под чехлом.

Подняла большой колпак, а там...

Это оказалась старинная швейная машинка! Такая вся деревянно-железная, резная, антикварная, украшенная узорами и с огромным колесом! Только надписи «Зингер» не хватало!

Через пару мгновений мне бросилось в глаза, что машинка сломана... Но все равно это было просто очаровательно.

— Какая прелесть, — прошептала я, с удовольствием проводя пальцами по гладкой ручке.

У меня-то дома была электрическая швейная машинка, на которой я кроила своих медведей, но я прекрасно видела, что передо мной очень хороший аппарат, если его починить!

— Да, она принадлежала...

Но Джьюд не успел договорить, потому что из коридора раздался резкий окрик:

— Брианна! Брианна! Да куда ж она запропастилась, эта непоседливая девчонка?

Голос показался мне знакомым, а затем я воочию увидела досточтимую бонну Зелиг, которая появилась на пороге. И вид женщина, присматривающая за маленькой дочкой Теодора, имела далеко не такой ангельский, как при нашей первой встрече.

— Открыли мастерскую миледи? — прищурилась шаманка. — Разве милорд разрешал?

— Это не моя мастерская, — удивилась я. — Я тут вообще впервые...

— А я говорю и не о вас, — поджала губы Зелиг. — А о НАСТОЯЩЕЙ миледи. Миледи Чантэль.

— А у эсквайра Рутланда есть еще одна жена? — округлила глаза я.

— Бонна Зелиг говорит о его бывшей жене, матери Брианны, — подчеркнул Джьюд. — Не обращайтесь на нее внимания, она просто

очень предана своей бывшей госпоже.

— Так что же с ней случилось? — уже просто не выдержала я.

— Об этом точно не вам спрашивать, — сказала Зелиг и обратилась к Джьюду, как будто я была пустым местом. — Говорила я, чтобы мы с Брианной остались в Глоссерском имении, а в Трентоне нам делать нечего! Но нет, милорд настоял — не может без своей дочки и пару дней прожить. И вот, не успели мы с Брианной расположиться в комнатах, как эта несносная девчонка снова потерялась! Глоссер ведь не такой большой, как Трентон, ее бы там искать было намного легче. А теперь я должна весь замок обегать! Дайте распоряжение слугам, чтобы помогли мне!

— Непременно, начнем поиски прямо сейчас, — лицо дворецкого стало серьезным. — Но и вам, бонна Зелиг, следует лучше следить за девочкой. Она сбегает от вас не в первый раз. Увы, наша экскурсия окончена, миледи Рутланд — нужно найти дочку милорда.

— Уж поверьте мне, свою работу я выполняю отлично! И куда она могла запропаститься? Что за глупая манера у этой девочки играть в прятки?

— Не нервничайте так, бонна Зелиг, — холодно осадил шаманку я. — Я помогу найти малышку.

Не сказала, чтоб бонна Зелиг была в восторге от того, что я присоединилась к поискам ее воспитанницы.

Скорее, наоборот. Почему-то моя кандидатура совершенно не устраивала шаманку. Хотя, наверное, понять ее можно: дурная слава о Цицинателле бежала впереди нее. Наверняка Зелиг была уже обо мне наслышана. К тому же я заняла место ее горячо любимой госпожи. Так что тут уж одно к одному.

Впрочем, мне было все равно, что думает обо мне эта почтенная дама. Сейчас главное — найти девочку. Хотя я и видела малышку всего лишь раз, хоть Теодор запретил мне даже подходить к ней, я все равно чувствовала за Брианну беспокойство.

Замок наполнился слугами, которые перекликались, звали Брианну, заглядывая под каждую кровать и в каждый шкаф. Для начала проведая Несквику, я искала вместе со всеми. Мысли у меня при этом были нехорошие. Тревожные мысли. Особенно в свете того, что я видела ночью.

Рутланд говорил, что на доме стоит защита, значит, по идее, девочке ничего не должно угрожать...

Или?

Я снова поинтересовалась у Джьюда про ночное чудовище, но дворецкий уверил меня, что никаких монстров в замке не обитает. Да так искренне, что я аж сама начала сомневаться.

Пока бродила по замку, раздумывала.

Может, я как-то незаметно вырубилась, и мне приснился ночной кошмар? После всего, что произошло вчера, после попадания в этот дурацкий мир, немудрено.

Кстати, версия была очень даже неплоха — я же впервые применила магию, когда хотела избежать брачной ночи и оказывалась подальше от Рутланда. В каком-то фэнтези я читала, что подобные вещи отнимают много сил.

Так что, вполне возможно, переместившись от объятого страстью эсквайра в соседнюю спальню, я тут же уснула. И все остальное было не более, чем сном. В пользу этого предположения говорило и то, что проснулась я сегодня именно в этой спальне.

Тревожит одно — Теодор Рутланд не стал же пользоваться моим спящим состоянием, и...

Нет, он бы не стал. Ему было важно, чтобы я была в сознании. Ощутила весь спектр чувств, так сказать. При одной этой мысли я вспомнила Сергея, с которым произошел мой первый и на данный момент единственный интимный опыт, и скривилась. Повторять не тянуло. Вот совсем.

Так что, похоже, первая брачная ночь со всеми вытекающими мне только предстоит. Если я снова что-нибудь не придумаю...

Или если собственный муж не прибьет меня раньше!

Мысль о том, что никакого огненного чудища не было, придала сил и приободрила. Да, чудища не было, а был просто кошмар. И опасность со стороны дикого ревущего монстра мне не грозит.

Уже плюс.

Размышляя таким образом, я взглянула в окно. Так как находилась сейчас я, можно сказать, в самой высокой точке замка, то оттуда открылся фантастический вид на раскинувшуюся у подножья холма деревеньку, занесенную снегом долину, и величественную горную гряду вдали.

Природа этого мира была самобытной, дикой и по-настоящему восхитительной — я не могла этого не признать. На минутку присела на широченный и очень низкий деревянный подоконник и прижалась носом к стеклу. От такой высоты и красоты захватило дух.

Тогда-то я и заметила маленькую фигурку внизу, у самого подножья замка. Вообще-то зрение у меня было так себе, потому я могла ошибаться...

Но нет. Это у Яны Ершовой оно было не очень. А у Цицинателлы оказалось практически стопроцентным. Вероятность ошибки была ничтожно мала.

В своем мире я все пыталась накопить на операцию по улучшению зрения. Ура, она мне не понадобилась! Теперь я вижу прекрасно!

Наскоро накинув плащ с отороченным мехом капюшоном, поспешила вниз.

Глава 16

Даже удивительно, как слуги ее не заметили? И бонна Зелиг тоже. Девчушка ведь находилась под самым их носом! На ней был такой же плащ с меховой оторочкой, что и на мне.

Она с совершенно спокойным видом играла в снегу.

Подойдя поближе, я разглядела, что девочка лепит снеговика, прихлопывая ладошками по снежному кому, который она в данный момент катала.

— Брианна! Брианна, там все с ног сбились, разыскивая тебя.

— Здесь мне ничего не угрожает, — внимательно взглянув на меня своими взрослыми глазами, сказала она.

— Но папа запретил тебе убегать от бонны Зелиг!

— Мне очень хотелось слепить снеговика, как ты вчера сказала. Но бонна бы не разрешила.

— Но почему? Что в этом такого?

— Бонна Зелиг не любит, когда нарушают правила, — вздох. — Я могу переохладиться и заболеть...

— Глупости! — возмутилась я. — Что за idiotские правила она выдумала?

— Бонна Зелиг знает, что полезно, — и Брианна принялась загибать пальчики в замшевых перчатках. — Во-первых, учиться. Во-вторых, читать. В-третьих, есть полезную еду. В-четвертых, спать. А я терпеть не могу спать!

Малышка так доверительно понизила голос, и я не могла не поинтересоваться:

— Почему?

— Потому что во сне ко мне приходит она. Бонна Зелиг отгоняет ее, как может, но получается у нее плохо. Только я об этом папе не говорю. И ты не говори, а то он расстроится. Он очень сильно за меня переживает.

Эта не по-детски серьезная малышка говорила, совсем, как взрослая. Я на пару мгновений даже забыла, что разговариваю с ребенком.

— Брианна, а ОНА — это кто? — почему-то шепотом спросила я.

— Пугалка, — тоже шепотом ответила девочка. — Да я ее почти не боюсь. Ну, может, маленькую капельку. Совсем чуть-чуть.

Что-то здесь было явно не так. Меня подмывало расспросить девчушку про эту самую «пугалку» подробнее, но концентрировать ее на плохих воспоминаниях не хотелось. Так же как и задавать вопрос: «А где же твоя мама, Брианна?».

Тайна первой жены Теодора Рутланда пока что оставалась для меня за семью печатями.

— Какой здоровский у тебя получается снеговик! Настоящий принц!

Я улынулась, разглядывая небольшую снежную фигурку. Три кома, что стояли друг на друге, были скатаны криво. Но видно было, что она старалась сделать все так, как я рассказала — наверху скипетра-ветки было сделано из пожелтогого листочка. С помощью таких же листочков Брианна попыталась соорудить ему корону.

Но налетевший порыв холодного ветра развеял листья в труху. Рот девочки согнулся подковкой, а глаза заблестели.

— Не унывать! Давай-ка я тебе помогу!

Следующие полчаса мы на пару с Брианной увлеченно лепили снежного принца. С моей помощью он значительно подрос и стал ростом почти с меня. Снежные комы скатали более округлыми, а еще снеговик обзавелся короной из веток, роскошными пуговицами, роль которых сыграли крупные бусины моего ожерелья, и даже деревянным мечом.

Раскрасневшись, Брианна смеялась и хлопала в ладоши. Смех у девчушки был чудесный — словно маленькие феи зазвонили в крошечные серебряные колокольчики.

А я смеялась вместе с ней и впервые чувствовала себя счастливой.

— Как назовем этого красавчика? — спросила я, когда работа была окончена.

— Дамианос Белоснежный, — важно ответила Брианна. — Я читала, давным-давно жил такой принц-герой. Он был очень смелый, потому что сражался с чудовищами и побеждал их. А Белоснежным его прозвали за чудесные волосы, длинные и белые, точно снег.

— Ваше Высочество, я тут недавно видела одно чудовище, — дурачась, я с поклоном обратилась к снеговику. — Вы не могли бы меня от него спасти?

— Тебе не обязательно обращаться к помощи принца. Мой папа защитит тебя от кого угодно. Ведь ты теперь его жена, — серьезно сказала Брианна.

Вот откуда, скажите мне, такие взрослые интонации у этого ребенка?

М-да уж... Я, конечно, верю, что Теодор Рутланд способен защитить меня от кого угодно. Хотя от огнедышащего дракона, хоть от какого-нибудь злобного демона, хоть от вампира, хоть от зомби.

Вопрос только в том, кто защитит меня от него самого?! Я ведь теперь его жена... Наверное, он скоро вернется — смеркается, и ночь так близко.

— Пойдем-ка в замок, — вздохнула я. — Заварим горячего чаю. Интересно, в этом доме найдутся пирожные? Расскажешь мне про подвиги этого самого Дамианоса Белоснежного.

Я хотела обнять девочку за плечи и увлечь к воротам замка, как послышался резкий окрик:

— Миледи!

Бонна Зелиг. Легка на помине!

Шаманка спешила к нам, утопая в снегу, и вид при этом имела не совсем любезный. Раздраженный, я бы сказала.

Наконец-то очухалась, гувернатка фигова! Я бы особе с таким лицом в жизнь детей не доверила!

— Миледи! Зачем вы вытащили девочку на мороз? Неужели не понимаете, что она может очень сильно простудиться?

— Комаровский говорит, что прогулки на свежем зимнем воздухе весьма полезны для ребенка. Он, наоборот, от этого меньше болеет и не страдает от аллергий, — наставительно сказала я.

Вряд ли Зелиг знала, что такое «аллергия», потому и зыркнула на меня так, словно этим словом я только что призвала дьявола. Про Комаровского шаманка тоже вряд ли слышала. А зря.

— Вы хоть понимаете, что мы с ног сбились, разыскивая эту шkodливую девчонку? Перевернули весь замок вверх дном! У меня даже голова разболелась от переживаний за нее! Как вы посмели без спроса вывести ее на улицу? Господин ясно вам сказал, чтоб не смели к ней и на шаг подходить, а вы его ослушались! Брианна, как ты смеешь снова убегать? Ты будешь наказана! Пять... нет, десять минут на горохе!

Лицо добродушной тетечки некрасиво покраснело от натуги и злобы. Нет, я, конечно, в этом мире без году неделя, но так разговаривать с собой не позволю!

— Я — миледи этого замка и ваша госпожа, а вы — всего лишь моя служанка, — холодно отчеканила я. — И вы не смеете указывать, что мне делать! Я запрещаю вам наказывать Брианну, понятно? Не смейте ставить ее на горох!

— Милорд Рутланд велел, чтобы вы не вмешивались...

— С моим собственным мужем я как-нибудь разберусь и без вашего участия.

— Вы все равно никогда не замените ему *ее*, — зло глядя мне прямо в глаза, сказала гарпия. — Брианна, живо за мной! Нам предстоит серьезный разговор, маленькая леди.

Шаманка размашистым шагом направилась к замку. Брианна серьезно и грустно посмотрела на меня, и хотела пойти за ней. Но я удержала малышку за руку.

— В чем дело? — обернулась Зелиг. — Почему ты снова не слушаешься?

— Я полагаю, что этот серьезный разговор можно отложить и на потом, бонна Зелиг, — мой голос был слаще меда. — А можно и вовсе его не проводить, Брианна уже все поняла, правда? Мы с ней хотим погреться и выпить чаю. Вас, конечно, не затруднит нам его принести? И еще, если вам не сложно, облейте, пожалуйста, водой Дамианоса Белоснежного. Хочется, чтобы он подольше простоял.

— Дамианоса Белоснежного? — брови Зелиг обалдело поползли вверх. — Принца?

— Ага, — кивнула я, и мы с Брианной прошествовали к замку.

— Миледи говорит о нем, — сжалившись, сообщила девочка, и показала пальчиком на снеговика.

Шаманка перевела взгляд на Дамианоса, потом на меня, и лицо ее стало медленно наливаться красным.

— Вам все это просто так не пройдет, миледи! Я буду жаловаться эсквайру.

— Жалуйтесь на здоровье, — пожала плечами я. — Только пирожные нам к чаю не забудьте.

Перед чаем я вместе с Брианной заглянула к Несквику. Мой бывший плюшевый медведь страшно обрадовался моему появлению

— тут же кинулся обниматься. Обнимать настоящую панду — это я вам скажу ни с чем не сравнимое удовольствие. Они такие мягкие, набитые, уютные и пахнут имбирным печеньем и молоком.

Милота, да и только!

Малышка во все глаза смотрела на диковинного черно-белого медведя. Как всегда, она пыталась казаться серьезной, но я видела, что дочка Рутланда с трудом сдерживает восторг. И очень стесняется меня попросить.

— Хочешь обнять его? — весело спросила я и протянула ей медведя. — Смелее!

Несквик без возражений пошел к девочке, обхватив ее своими черными пушистыми лапками за шею.

Вид у Брианны был абсолютно счастливый. Я впервые видела ее такой. Этой дружной компанией и отправились пить чай: девочка ни за что не хотела расставаться с милым медведем.

Джбюд подал горячий ароматный напиток в гостиной у камина. К нему прилагались всякие вкусняшки вроде пирожных из заварного теста с лимонным кремом и пирожков с брусникой.

После мороза было очень здорово пить чай у уютно потрескивающего камина и слушать рассказ Брианны о подвигах Дамианоса Белоснежного. Вообще героическая история местного принца по-настоящему меня увлекла — там такое фэнтези, Толкин отдыхает! А еще Брианна притащила книжку с картинками, и рассказывала на свой интересный манер — я заслушалась.

И встрепелась, когда в рассказе малышки промелькнуло знакомое слово — вербэр. Это не те ли милые звери, шкурами которых полы в спальне Теодора устланы? Про которых он говорил, что они сожрут меня и не подавятся?

На мой вопрос, кто такие эти самые существа, Брианна посмотрела со смешной укоризной. Мол, совсем ты, тетя, того — не знать элементарных вещей. И перевернула страницу книги.

Я аж отпрянула. С красочной картинки на меня смотрел разъяренный медведь, грозящий жутким оскалом человеку в броне со светлыми волосами, заплетенными в сложные косы. Самому Дамианосу Белоснежному, надо полагать...

Вернулась взглядом к медведю: косматая белая шерсть переливалась огненными искрами. В нем чувствовалась дикая,

яростная злоба и какая-то своя, особенная магия. А еще голод. Лютый голод в демонических багровых глазах.

— Принц в одиночку победил царя вербэров, — сообщила Брианна, ткнув пальчиком в книжку. — Только мой папа так может...

Ох, зря она припомнила своего папочку, ох и зря!

Как будто магическим образом отреагировав на упоминание о себе, нашу маленькую идиллию нарушил Теодор Рутланд. Собственной персоной.

Эсквайр был в черном дорожном костюме, и от него в буквальном смысле веяло холодом — снежинки еще не успели растаять на его темных волосах и черном мехе плаща. За его спиной маячила бонна Зелиг.

Вид гарпия имела нарочито покорный и кроткий, даже руки скромненько сложила на переднике. Не сомневаюсь, что она уже донесла обо мне мужу, причем выставила меня в самом неблагоприятном свете.

Судя по нахмуренным бровям эсквайра, так оно и было. А я в очередной раз поразилась, как потеплел его взгляд, когда Теодор перевел его на дочку.

— Брианна, малышка, мне нужно поговорить с миледи. Бонна Зелиг проводит тебя в свою комнату. Уже поздно и пора укладываться спать. Я обязательно загляну к тебе пожелать добрых снов.

Девочка с видимым сожалением оторвалась от Несквика, которого она кормила печеньем из проса, но безропотно пошла за шаманкой, позволив ей взять себя за руку.

Правда, перед первой ступенькой лестницы она обернулась:

— Папочка, не ругай, пожалуйста, Цици. Она очень добрая и хорошая.

— Постараюсь, ягодка, — кивнул Рутланд, но это явно только для виду.

Как только его дочка и Зелиг поднялись по лестнице, муж подступил ко мне, яростно сверкая очами:

— Я, кажется, говорил вам, чтобы не смели приближаться к моей дочери, миледи. А тем более уводить от бонны, которая разыскивала ее по всему замку!

— Наглая ложь! — задохнулась я. — Эта ваша бонна проворонила ребенка! Девочка ушла на улицу лепить снеговика. Там я ее и нашла, и

мы немного поиграли! Что в этом дурного?

— В этом доме в наглой лжи я склонен подозревать одного человека. И это явно не гувернантка, которая нянчила Бри с самого ее рождения.

С рождения или не с рождения, но эта шаманка была груба с девочкой — холодна и жестка, как мороженная рыба. Вот только, судя по тому, что я видела, перед Рутландом Зелиг строила из себя милую и добрую нянюшку. Поразительное лицемерие!

И чаша с его доверием на весах, однозначно склонялась не в мою сторону. И это было понятно и логично. У нас с ним и так отношения не ахти, а тут я вообще на святое посягнула. Правда, эта несправедливость все равно бесила.

— Да где вы ее откопали, бонну эту! — в сердцах воскликнула. — Я б ее на километр к детям не подпускала!

— Бонну Зелиг в качестве гувернантки для Брианны пригласил в Трентон не я, — неожиданно негромко проговорил Теодор, мрачно глядя мне прямо в глаза. — А моя бывшая жена. Зелиг родом из той же провинции, что и она. Чантэль была уверена в шаманке, как в самой себе. В том, что бонна сможет защитить малышку от любой опасности. Прошло время, и выяснилось, что она была права.

— Что это значит? — затаив дыхание, спросила я. — Какая опасность угрожает Брианне?

С удивлением я отметила, что упоминание бывшей жены Теодора было мне неприятно. Раздражало.

Но еще с большим удивлением поняла, что очень сильно встревожилась за девочку, которую знаю всего пару дней.

— Я смотрю, вы совсем дура, сударыня, — покачал головой Рутланд. — Либо очень умело из себя ее строите... Только цель этого мне неясна. Почему вы притворяетесь, будто не знаете о том, что творится в нашем городе?

Потому что я — не Цицинателла и действительно не знаю, болван! А она, судя по всему, должна была знать. И что же интересно, у них такое происходит?

— Возможно, таким образом вы хотите отвести подозрения от себя?

Взгляд Теодора, кажется, был направлен в самую мою душу.

Нет, ну супер! Отлично, чего! В довесок ко всем моим проблемам, у них тут чего-то в городе происходит, а он еще и подозревает в этом меня.

Ладно, Яна, вспоминай школьный драмкружок!

— Что значит, я не знаю? — возмутилась я. — Разумеется, знаю, и это просто ужасно...

Паршиво получилось вспомнить, да. Ни одному моему слову Рутланд не поверил, судя по взгляду.

Кажется, он собирался что-то сказать. Такое, что явно бы мне не понравилось.

Но в этот момент тишину вечернего замка нарушил громкий крик. Не грозный рев, который я слышала в прошлый раз, а именно крик.

Детский. Испуганный и отчаянный.

Вне всяких сомнений, кричала Брианна. Вряд ли в замке были еще дети.

Рутланд вскочил и бросился вверх по лестнице.

Я рванулась за ним.

— В вашем присутствии нет никакой необходимости, сударыня, — сквозь зубы процедил муж на ходу.

— Предлагаете мне идти к себе и мучиться мыслями о том, что произошло с девочкой? — не менее зло парировала я.

— Как будто вас это заботит.

— Почему вы думаете, что не должно?

Думаю, он бы сейчас с превеликим удовольствием так и сделал — отправил меня в собственную спальню. Теодору просто было не до того — он спешил к дочери. И я тоже. Пусть бы только попробовал мне помешать!

Картина, которая открылась в детской, поразила меня. Все-таки сложно было привыкнуть к магии. Тем более к такому явному ее проявлению.

Брианна сидела в своей постельке в кружевной сорочке. Личико девчушки было испуганным, а глаза казались в пол лица. В воздухе вокруг нее витало что-то темное, непонятный сумрачный туман. Даже я, еще не разобравшись в тонкостях этого мира, почувствовала негатив, который исходил от этого самого тумана.

Рядом стояла бонна Зелиг. Кисти ее были вытянуты, и от них исходило красноватое свечение, которое поглощало туман.

Теодор бросился к дочери и схватил ее на руки. В этот момент темные клубы рассеялись окончательно. Да и бонна Зелиг опустила ладони.

— Снова пугалище? — негромко спросил Рутланд, крепко прижимая ребенка к себе.

— Все в порядке. Это было не так уж и страшно, папочка.

Но судя по гримаске Брианны, страшно ей все-таки было. Пятилетняя кроха хотела успокоить отца — это было удивительно.

— Я не знаю... — замямила Зелиг. — После того раза, ну когда я пугнула мару, она не возвращалась к нам несколько недель. Я подумала, опасность отступила...

— Вы ушли? — спросил Рутланд, внимательно взглянув на гувернантку.

— Я отлучилась всего на несколько минут, милорд, — виновато проговорила шаманка. — Брианна еще не спала, и я хотела принести ей теплого молока... Не представляю, как она смогла заснуть так быстро!

— Вы должны ревностно охранять ее, когда она засыпает. Мы выяснили, что именно в этот момент чудовище проникает в сон, чтобы... насытиться, — Теодор зло повысил голос, но, взглянув на дочку, смягчился. — В городе было несколько случаев нападения уже не только на детей, но и на взрослых. На женщин. Это говорит о том, что, напившись детскими страхами, она стала сильнее. Вы здесь, чтобы защитить Брианну.

— Я только этим и занята! — плаксиво воскликнула гувернантка. — Отошла всего-то на несколько минуточек.

А затем взгляд ее обратился ко мне. И всю жалобность и плаксивость у нее как ветром сдуло. Гувернантка обвиняющее ткнула в меня перстом:

— Это все она, милорд! Я чувствую ее темную энергетику, ощущаю ее зло. Мара смогла проникнуть в Трентон, когда она оказалась здесь! Нужно проверить ее на черную магию, проверьте ее, милорд!

Прибила б эту мерзкую тетку, ей-богу!

— Как вы, возможно, могли заметить, в момент нападения... мары я находилась внизу. На ваших глазах. И никуда не отлучалась, — холодно проговорила я, глядя Рутланду прямо в глаза.

— С помощью темной магии и не такое можно сотворить, — голосом старой карги проскрипела Зелиг. — Миледи могла наслать морок, отвести глаза, сотворить своего астрального дубля... Да мало ли что еще?

В ответ на это заявление Рутланд в очень мягкой, на мой взгляд, форме, посоветовал гувернантке не лезть не в свое дело. Но на меня посмотрел внимательно и так задумчиво, что мне это совершенно не понравилось.

Прелестно! Подозревают тут черт знает в чем!

— Ты можешь спокойно засыпать, малышка, — проговорил Теодор, поцеловав Бриану в макушку. — Бонна Зелиг будет с тобой, и больше никакое пугалище не проникнет в твой сон.

— Пап? А можно со мной побудет Цици? Пугалище не вернется. Испугается Цици. Пусть посидит здесь. Совсем немножко!

Моя кандидатура явно вызвала возражения и у Рутланда, и у бонны Зелиг. Последняя аж задохнулась своим собственным ядом.

— Ну пожалуйста, папочка!

Брианна умоляюще сложила ладошки на груди, глядя на Теодора такими глазами, что отказать ей было просто невозможно.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, что миледи испугается любое чудовище, — криво усмехнулся Рутланд.

Но у него не было ни единого шанса отказать Брианне. «Отвечаете головой, миледи. Помните, что если посмеете причинить зло....» — негромко и очень угрожающе проговорил муж, вполне ощутимо сжав мой локоть.

Интересно, как же его хваленая защита дома? Видать, не всегда она работает...

А действительно, что я буду делать, если это самое пугалище вернется?

Ну, пусть только попробует! Так у меня получит по кумполу, что мало не покажется!

Зато, по крайней мере, из всей сложившейся ситуации хоть что-то прояснело! Какая-то магическая дрянь наводит тут кошмары на взрослых и детей. Как там они называли ее? Мара?

Что-то знакомое... Если я не ошибаюсь, это злой дух, который прилетал к своим жертвам ночью, садился на грудь и вызывал дурные сны. За счет этого, собственно, и питался.

Вот ведь, поди ж ты! Оказывается, помимо истории я помню еще и мифологию!

Значит, меня подозревают в том, что я эта самая мара и есть? Чудненько!

Уютно устроившись в своей постельке, Брианна спросила меня:

— Ты не уйдешь? С тобой спокойно.

Я почему-то тоже чувствовала спокойствие и умиротворение. Словно долго скиталась в чужих краях и вот, оказалась дома.

Ах, если бы это была моя дочка...

Присев к засыпающей девочке на постель, я принялась гладить ее по шелковистым русым кудряшкам и тихонько мурлыкать себе под нос песенку, что в детстве напевала мне мама.

Котя, котенька-коток,

Котя — серенький хвосток...

Приди, котик, ночевать,

Мою девочку качать,

Уж, а я тебе, коту,

За работу заплачу:

Дам кусочек пирога

И кувшинчик молока...

Через пару минут девчушка уже крепко спала. Наверное, это значило, что мара больше не угрожает ее сну. Но я медлила. Не хотелось уходить. Здесь было так тепло и уютно!

Внимание мое привлек шкаф, до верху забитый куклами. С виду они были красивыми и дорогими, и все же... Мне почудилось в них что-то непонятное.

Я взяла в руки одну из куколок с нарочито несоблюденными пропорциями тела. Слишком большая голова и тонкое, словно паучье, туловище. Игрушка, конечно, была сделана на совесть. Одни кружева на платье чего только стоили! И все-таки эта кукла была какой-то... Я не знаю... Странной. Так же как и остальные — ее сестры.

Черты их лиц показались мне скорее отталкивающими, чем вызывающими позитив и улыбку. Желание подарить такую игрушку ребенку. Думаю, лучше бы они смотрелись в чьей-нибудь коллекции. А еще лучше — в наглухо закрытом сундуке, ключ от которого потерял.

Я положила игрушку на место, присела на постель Бри и осторожно провела ладонью по ее макушке.

Сколько же всего произошло в моей жизни...

Такой ворох информации, что можно просто с ума сойти! И да, получается, когда сейчас я выйду от Брианны, то направлюсь прямиком в спальню Рутланда?

Так что же у него все-таки за травма такая? Готова поспорить, что это как-то связано с его бывшей женой, мамой Бри. Которая, судя по обнаруженной мной швейной машинке, вовсе не гнушалась швейного дела...

Интересно, где она сейчас?

С марой прояснилось. Теперь я во что бы то не стало должна узнать, что случилось в Трентоне много лет назад и что за тайну хранит мой муж? О чем тогда не успела договорить Цицинателла?

Ведь от этого теперь зависит очень-очень многое...

Если не всё.

Глава 17

ТЕОДОР

Сразу было видно, что это зелье от королевского мага.

Мало того, что флакончик был в обилии изукрашен очень сложной филигранью, вокруг него была обмотана сложная цепочка со свисающим медальоном в форме майского жука. Даже пробка была не одна, а целых две — пространство между ними заполнял некий порошок. Подозреваю, это были измельченные листья алихоции, которая нужна была для дополнительной защиты, чтоб пузырек не открыл кто-то чужой.

Ведь предназначалось оно лично для меня.

В довершении всего зелье имело насыщенно-зеленый цвет. Ядовитый такой, как средство для чистки уборных помещений.

Наши маги в основном добавляли в зелье корень итоля, чтобы приглушить яркий цвет, а то и сделать его прозрачным.

Сомневаюсь, что королевский маг не знал про итоль. Как рассказывал Тристан, при дворе прозрачные зелья считались дурновкусием и «деревенщиной».

Вертя в руках вычурный пузырек, я хмуро подумал — это что еще дурновкусие, большой вопрос.

Если бы его прислал не мой старший брат, которому я безоговорочно доверял, содержимое флакона бы точно отправилось прочищать канализационные сливы.

К эликсиру, само собой, прилагалось письмо, полученное мной на следующее утро после свадьбы.

Люцифер бы тебя побрал, Теодор! Ты все-таки сделал это. Ты меня не послушал. Женился на подкольной змее и привел в Трентон настоящее зло.

Я же просил тебя повременить. Не совершать эту роковую ошибку, когда спасение было так близко!

Да-да, ты не ослышался. Зелье, которое ты получил вместе с моим посланием — настоящая драгоценность, ибо могло все исправить.

Но не теперь, когда ты уже связал себя узами брака. Ты же знаешь, как Его Королевское Величество относится к разводам. Теперь, чтобы подать королю прошение о разводе, нужно выждать хотя бы полгода, а то и год.

За это время леди Цицинателла способна совершить в твоём доме конец света.

Впрочем, я все-таки питаю надежду, что не все ещё потеряно. И зелье королевского мага поможет тебе справиться с гадюкой.

Оно состоит из особенных, очень редких и натуральных компонентов и способно значительно ослабить приворот этой мерзкой, нечестивой женщины. Приглушить страсти и желание. Получить возможность вырваться из-под ее чар...

В первую секунду у меня было только одно желание — швырнуть зелье из «особенных, очень редких и натуральных компонентов» об стенку.

Черт возьми, я не хотел вырваться из-под ее чар. Цицинателла была великолепна и желанна. Желанна как воздух. Как нечто большее, чем воздух, стук сердца или кровь в жилах.

Самое странное заключалось в том, что чем больше она меня бесила и ускользала от меня, тем больше я ее желал.

Но трюк, который она проделала в нашу первую брачную ночь, действительно мог стоить ей жизни. Подумать только — глупая, почти детская дверная магия! До такого могла додуматься только она!

Неужели я был ей настолько отвратителен? Так сильно противен, что она была готова на любые уловки, лишь бы не лечь со мной в постель?

Эта простая мысль окрасилась во мне в багровый цвет крови, вызвала дикую невозможную ярость. Полностью и окончательно лишила контроля.

Превратила в зверя.

Она даже не понимала, насколько в ту ночь была близка...

Так было нельзя. Так было слишком опасно.

Не только для Цици. Для всех обитателей замка. И моей дочери в первую очередь.

Мой разум должен быть ясен — мара разгуливает на свободе. И ее во что бы то ни стало нужно поймать, пока она, напившись чужими кошмарами, не вошла в полную силу.

Поэтому я сорвал с пузырька цепь с майским жуком, распечатал две чертовы пробки, высыпал порошок из алихоции и принял эликсир королевского мага. Принял, и в то же утро уехал от нее подальше. Лишь бы не видеть Цици...

Она доставляла мне почти физическую боль.

Весь день я провел в городе, решая вопросы по мануфактуре. Ушел в работу целиком и лишь вечером, когда ехал верхом обратно в Трентон, позволил прислушаться к себе.

Королевский маг, даром что редкостный позер со своим флаконом, что больше подошел бы какой-нибудь романтически настроенной девице, знал свое дело.

Пожар внутри меня начал стихать. Бешеное желание идти к Цицинателле, где бы она не была, схватить ее в охапку и утащить в свою берлогу, не обращая внимания на протесты, перестало, как кислота, разъедать меня изнутри.

Вот только оно никуда не исчезло, это желание. Стало более холодным и выдержанным...

Но теперь я хотя бы мог его терпеть.

Терпеть ее — Цицинателлу, чтоб не броситься на нее.

И слава богам, потому, что, как я и думал, холодный разум мне сейчас очень пригодится. Новости, которые я услышал в городе и неожиданное нападение чудовища из кошмаров на Брианну это подтвердили.

Мара вошла в силу — нападает теперь не только на детей, но и на взрослых. Поймать ее следует любой ценой.

Вот только что я буду делать, если ночным монстром и вправду окажется девушка, на которой я женился?

Тогда мне придется ее убить. Своими собственными руками.

Теми же самыми руками, на которых я перенес ее в спальню, когда она задремала, укладывая Брианну.

Не передать мое удивление, когда малышка попросила Цици остаться с ней перед сном. И когда Цицинателла с видимым удовольствием согласилась.

Опасаясь подвоха, я незаметно заглянул к ним через несколько минут.

Цици сидела на постели Бри, глядя ее по волосам, и тихим ласковым голосом пела смешную колыбельную.

И не было прекраснее ее в этот момент никого на целом свете. В этот момент я ощутил к ней не желание.

А нечто совершенно другое, чего как я думал, уже никогда в жизни испытать не смогу.

Я запретил ей приближаться к Бри, но сейчас был в недоумении. В ней не чувствовалось фальши. Наоборот, она словно излучала мягкое и теплое свечение.

Так она и задремала, моя жена, прямо на постели моей дочери.

Во сне она была такой теплой и милой, и улыбалась так светло... И подумать было нельзя, что это та самая Цицинателла де ла Мередит, редкостная стерва и продажная дрянь.

Я взял ее на руки и понес в ее комнату. Уложив спящую девушку на простыни, еще некоторое время стоял над ее кроватью, борясь с разнообразными чувствами, которые вспыхивали во мне.

Затем сделал над собой усилие, повернулся и пошел из ее спальни прочь, предварительно магией облачив ее в ночную сорочку.

Конечно, у меня было искушение сделать это самому, не прибегая к колдовству, но тогда бы я точно не выдержал, не смотря на то, что зелье королевского мага, добытое Тристаном, значительно охладило мой пыл.

Отправился в свой кабинет, подальше от спален и опустился в кресло.

Кусочек золотого металла словно намертво прирос к безымянному пальцу моей правой руки, переплетаясь с вытатуированной на костяшке брачной руной...

Я смотрел на него и думал только об одном.

Не дай боги мне по-настоящему влюбиться в свою опасную и хитрую жену.

Не испытывать к ней страсть, желание обладать и другие далекие от светлых чувства, а полюбить. Искренне и бескорыстно.

Не дай боги.

Глава 18

Первое, что я почувствовала, когда открыла глаза, паника.

Божечки мои, где я нахожусь?

Вместо знакомой стены в светлых обоях с полками, на которых были рассажены мои мишки, было стрельчатое готическое окно, в котором виднелись величественные горы. Мрачные, далекие, в снежно-туманных пухлых шапках...

В следующее мгновение в глаза мне бросился пирсинг и сложный узорный символ на безымянном пальце правой руки.

Ах да, я в Равенне, чужом волшебном мире. Еще я замужем.

И у меня есть маленькая дочка... Не моя родная.

Но дочка. Дочка — самая настоящая.

Приподнявшись на постели, я припомнила обстоятельства прошлого вечера. Кажется, укладывая спать Брианну, я и сама не заметила, как прикорнула рядом с ней.

Интересно, каким же образом я оказалась в своей спальне? Да еще и не в платье, котором была вчера, а в ночной рубашке?

Не в первый, между прочим, раз я в этом доме засыпаю в одном месте, а просыпаюсь в другом. Может, местная магия так действует?

Кстати, насчет магии... Неплохо было бы поизучать гримуар Нутеллы и найти приворотное заклятие, которым она воздействовала на Рутланда.

Когда я смотрела его в карете, было довольно-таки темно — наткнувшись на дверно-перемещающее заклятье, я пыталась практиковать именно его. На остальное просто не было времени... Да и сил, честно говоря, тоже.

Книжечка заклинаний Нутеллы так и лежала на дне моего сундучка, завернутая в сорочку. Волосок, который я туда воткнула, лежал в том же самом месте и положении. А значит, скорее всего, книжечки никто не касался, что не могло не порадовать.

Переплет был такой ветхий, что, казалось, должен был рассыпаться в руках и держался только лишь на одной магии.

Листая книжечку, я присвистнула, вспомнив шепотки на бракосочетании о том, что семейство Мередитов не чуралось темного

колдовства.

Дверное заклятие было самым невинным из представленного здесь диапазона.

Названия заклинаний говорили сами за себя. Сгусток тьмы, Сладкий яд, Омрачение, Смертный приговор, Дыхание чумы, Вечный сон муженька...

Вот последнее, кстати, интересно. Это яд, который не оставляет никаких следов — ни физических, ни магических... А, нет, не подходит — зелье нужно варить и настаивать полгода, почти непрерывно помешивая при этом.

Да и вообще, что бы там не было — я бы никогда не пошла на убийство.

По мере того, как я переворачивала страницы, они становились все темнее и темнее, пока не стали совсем черными.

Там-то, в самом конце и обнаружился Погибельный приворот, расписанный на несколько разворотов с какими-то там заковыристыми пентаграммами и пояснениями...

Внезапно дверь приотворилась, и в мои покои проник Несквик, держащий в лапах кучу зеленых трубочек-печенок. Вся морда и лапа у него были в зеленых крошках.

— Привет, малыш! — обрадовалась я.

Смешно переваливаясь, он пересек комнату и попытался влезть на мою кровать, но пушистая попа перевешивала.

Отложив в сторону гримуар, я втянула его на постель и тут же получила огромную порцию мягких и уютных обнимашек. А так же колючие крошки от печенок себе за шиворот.

Вспомнив известную сказку Киплинга про парса и волшебный пирог, я принялась эти самые крошки вытряхивать, но они вытряхиваться никак не хотели. В общем, я стянула рубашку, бросила ее на пол и осталась в чем мать родила...

В этот подходящий момент ко мне пожаловал новый гость, а именно главный дворецкий Джьюд с большим подносом, на котором обитался завтрак.

Я ойкнула и натянула на себя одеяло, прижимая его локтями. Джьюд покраснел и вроде как попытался отвернуться...

Тут панда задумчиво посмотрел на меня. Потом на парня.

— Не надо, Нескви! — я замотала головой, но поздно.

Розовые сердечки снова полетели под потолок, а хор розовых мишек тоненькими голосочками затянул свою песенку. Я как будто ощутила в голове сахарную вату и необыкновенное расположение к Джьюду.

— Обнимемся? — радостно раскинула руки я.

Одеяло, которое я придерживала, само собой, сползло, явив миру необыкновенное богатство в виде...

Дворецкий честно хотел отвести глаза, и я это понимала. Но зрелище было настолько завораживающим и гипнотическим, что получалось у него из рук вон плохо.

И тут дверь моей несчастной спальни открылась в третий раз.

Я заметила, третьи разы вообще становятся для меня какими-то роковыми.

Это был мой собственный муж. И его принесла нелегкая — я в этом нисколько не сомневаюсь.

В первую секунду эсквайр Теодор Рутланд оцепенел, как будто сраженный какой-то страшной, несомненно убийственной магией и уставился на мое роскошество. Сразу было видно — человек потерял дар речи.

Видно было, что муж пытается что-то сказать, но слова застревают у него в горле.

— Убрать ЭТО! — слабым голосом приказал наконец сиятельный эсквайр и ткнул перстом в Несквику, который, как ни в чем не бывало, пускал лапками розовые сердечки.

— Как скажете, господин!

Красный, как вареный рак, Джьюд, пряча взгляд, ринулся к панде, подхватил его на руки и, зажав под мышкой, поспешно удалился из моих покоев, споткнувшись на пороге.

Только тогда розовый туман, застилающий мое сознание, развеялся и я, пискнув, натянула одеяло до самого носа.

Желание обниматься с кем бы то ни было напрочь пропало.

— Будьте добры уточнить, миледи, — обманчиво спокойным голосом проговорил Рутланд. — У вас с головой проблем не случилось? А с памятью? Вы хорошо уверены в том, что ЗАПОМНИЛИ, за кого вышли замуж?

— Хорошо уверена, — пролепетала я, пытаюсь отойти от пережитого.

Он же меня видел... Вот вообще без верха видел... И Джьюд тоже видел... А самое ужасное, что Теодор видел, как Джьюд видел!

— А вот я не уверен, — процедил муж, окидывая меня пожирающим взглядом. — Иначе зачем бы вам показывать свои прелести моему слуге?

— Это случайно вышло... Я не хотела.

На миг мне стало страшно. Он так смотрел на меня! Так...

Самое дикое заключалось в том, что от этого взгляда сладко заныло внутри. Никогда раньше подобного я не чувствовала.

— Не сомневался в том, что вы это скажете, — муж в одно мгновение взял себя в руки, и уже другим, холодным тоном продолжил. — Я говорил — вам нужно избавиться от этого фамильяра. От него одни неприятности.

— Нет, — я подняла голову и прямо посмотрела Теодору в глаза. — Тогда от меня тоже нужно избавиться.

— Хорошо, — помедлив, кивнул он, изучая мое лицо. — Если фамильяр так важен для вас, я подумаю, что можно сделать с тем, как он на вас действует. А пока...

Мне показалось, что его голос потеплел, и от этого словно стало теплее мне. Но в следующее мгновение он же это и разрушил.

Теодор приблизился к кровати и бросил на тумбочку раскрытый конверт.

— Извольте быть. И сделать все, чтобы вас оттуда не выгнали, миледи, — бросил он и, не глядя на меня, вышел вон.

Я с любопытством схватила конвертик и вытащила оттуда плотный шероховатый лист бумаги нежно-фисташкового цвета.

Дорогая леди Рутланд,

Наше маленькое, но сплоченное сообщество будет радо видеть вас завтра на очередном собрании. Вы не посещали несколько встреч, что очень огорчило всех девочек. Мы понимаем, приготовления к свадьбе отнимали все ваше время, но выражаем надежду, что теперь вы можете уделить нам свое время.

Спешу порадовать — ваша неоконченная работа, которую вы в прошлый раз выкинули в мусорную корзину, находится у меня, и завтра же вы сможете приступить к ее доделке. Уверяю, там не так все плохо — приложите немного стараний и все получится. Голубушка

Лидия Гарднер уже выразила желание помочь вам, за что огромное ей спасибо и низкий поклон.

Вот только настоятельно прошу вас, милая — в этот раз не забудьте захватить все необходимое для шитья, чтобы не спрашивать у других девочек.

Как вы помните, леди Талула Пайк очень попросила нас о помощи, поэтому все мы собираемся в ее доме завтра в два часа.

*С наилучшими пожеланиями,
леди Марв,
старшая клуба «Рукотворушка»*

Пробежав строчки глазами, я сунула карточку обратно в конверт, отложила его и с аппетитом принялась за завтрак.

Теодор велел не пропустить эту встречу — а я и не собиралась. Наоборот, было любопытно оказаться на собрании клуба и узнать, что за работу Цицинателла, не закончив, выбросила в мусорку?

А леди Марв любезно вытащила, да еще и велела доделать под надзором Бо Пип. Ой, милой доброй «голубушки Лидии Гарднер».

Заодно, когда я окажусь в городе, то смогу как следует осмотреться и получить полезную информацию о том, как тут все устроено.

Нужно же грамотно спланировать свой будущий побег...

Глава 19

Собираясь в город, я и подумать не могла, что Теодор назначит мне персональную охрану. Похоже, он до сих пор думал, что я могу устроить побег.

Признаться, я думала точно так же.

После вчерашнего утра и упавшего в самый неподходящий момент одеяла, мне и смотреть-то на Джьюда не хотелось. Но, провожая меня к карете, Теодор проговорил негромко:

— Он не помнит того, что видел. Подверг этот момент своей памяти забвению.

— Может быть, вы любезно сделаете то же самое? — не удержалась я.

Рутланд ухватил меня повыше локтя и крепко сжал, оказавшись от меня в непосредственной и очень волнующей близости:

— Похоже, сегодня ночью стоит напомнить, кем я являюсь для вас. И имею полное право не только на то, чтобы ВИДЕТЬ, но и на многое другое. И без ваших дурацких трюков, миледи.

Многое другое, ох! Сегодня ночью? Вот блин! А я-то наивно полагала, что он уже как-то подзабыл о супружеском долге.

Не нашлась, что на это сказать. Высвободила руку и нырнула в карету.

Настроение испортилось моментально. В конце-то концов, Теодор — теперь мой муж. Я же не смогу от него все время бегать.

Утешало одно — Джьюд, который сел в карету вслед за мной, имел настолько непринужденный и спокойный вид, что, похоже, действительно не помнил, как имел счастье во всей красе наблюдать мои прелести.

И то хлеб. Иначе я б со стыда сгорела.

До города добираться было не так уж и долго — минут сорок, а то и меньше. Мы проехали через потрясающей красоты горное ущелье, а вскоре его сменил заснеженный лес — вековой, мрачный, точно из старой сказки. Дорога была очень живописной, и я прилипла носом к окошку экипажа.

— Не стоит этого делать, миледи, — получила я вежливую рекомендацию от своего конвоира. — Лучше опустите занавеску. Сейчас-то здесь вербэры не водятся, господин истребил их всех. Вот уже несколько лет, как Алтанский лес совершенно безопасен. И все же предосторожность не помешает.

Вербэры. Это те самые жуткие клыкастые медведи из книжки Брианны, которых Дамианос Белоснежный пачками рубил.

Шкура одного из них лежит у Рутланда в спальне. И, похоже, добыл он ее собственными руками.

Я, конечно, изо всех сил загоняла воспоминания о встрече с ревающим монстром на лестнице в свою первую ночь в Трентоне... Старалась списать на кошмар. Но... Хотя я и видела его пару секунд в крошечной темноте, чудовище было очень похоже на вербэра.

На следующий день я искала монстра по чердакам и подвалам замка...

Но что, если оно было прямо в спальне хозяина?

Что, если шкура огромного и яростного зверя может оживать? В ту ночь Теодор разозлился и натравил ее на меня...

При этой мысли я не сдержала ухмылки. Помимо Гофмана я в детстве зачитывалась еще и «Волшебником Изумрудного города». Там тоже был один чародей и ожившая медвежья шкура.

Но это — детская сказка. А Теодор Рутланд — не Урфин Джюс. А в реальности, наверное, я действительно просто вырубилась от усталости и шока, и мне приснился кошмар.

Кошмар... Кажется, я поняла! Это действительно был страшный сон. А таким реальным он был потому, что его на меня нагнала мара. Ведь Рутланд сказал, что в последнее время она нападает не только на детей, но и на женщин.

Да, дела... Похоже, каждый и всякий в этом мире поставил целью меня доконать. Начиная от собственного мужа и заканчивая какой-то непонятной нечистью.

Вот интересно, где его хваленая защита замка, раз туда с такой легкостью проникает эта тварь?

Кстати, Гофмана я вспомнила не зря. Карета миновала лес и мы въехали в город. Джьюд разрешил мне убрать шторку, и я смогла вволю полюбоваться на его готичную романтическую архитектуру — рельефы, арки, стрельчатые окна, ротонды и фасады со стенописью.

Прежде, чем ехать к Талуле Пайк, я попросила Джьюда заехать в магазин швейных принадлежностей, благо, он оказался как раз по дороге, соседствуя с павильончиком, из которого доносился запах еды. Вот только не сказала бы, что аппетитный. Ради любопытства я сунула туда нос — и тут же его сморщила — на большой жаровне весело шкворчали, поджариваясь в литрах масла, какие-то жирные личинки. Продавец — необъятных размеров дядечка тут же отреагировал на мое появление. Насадил одну личинку на двузубую вилку и, широко улыбаясь, протянул мне.

— Желаете кокореци, миледи? — тут же засуетился Джюд, доставая мешочек с монетами.

— Конечно же нет! — испугалась я, попятившись из магазина. — Жареные личинки меня не привлекают!

— Личинки? — переспросил дворецкий и вдруг расхохотался. — Вы что не слышали про кокореци, миледи? Впрочем, неудивительно, это уличная еда!

— Фастфуд! — хмыкнула я.

— Кокореци — вовсе никакие не личинки, а бараньи и козьи кишки, обернутые вокруг сладкого хлеба, — весело пояснил парень, не обратив внимания на непонятное слово, и нараспев процитировал слоган. — Излюбленное блюдо простого люда. Впрочем, и некоторые лорды не брезгают...

— Бараньи и козьи кишки? Немногим лучше личинок, — пробормотала я и направилась к соседнему магазину.

«Швейное дело» — гласила скромная табличка на двери. Не особо рассчитывая на широкий ассортимент, под звонок колокольчика, вошла и ахнула от обилия представленной фурнитуры и тканей.

На часах было без десяти два, я понимала, что опаздывать нехорошо, но просто не могла оторваться от всех этих ножниц, иголок, булавок, ниток, пуговиц, шпuleк и прочего, и прочего, и прочего!

Я уже молчу про декоративные элементы — перья, бусины, кружева, кантики, аппликации, кружева, бахрому, пайетки и ленты всех видов и расцветок, какие только могут прийти на ум! Все такое очаровательное, искусное, винтажное. И молчу про разнообразие тканей, из которых меня, конечно же, заинтересовали ворсовые.

Джюд, который тенью следовал за мной, только и успевал складывать в большую корзину отрезы декоративного плюша с

длинным и коротким ворсом, бархата, вельвета и замши.

Вишенкой на торте стал прелестный рукодельный чемоданчик с несколькими отделениями из сафьяновой кожи. Абсолютно белый и такой стильный — дизайнеры Прада, Луи Виттон и Гермес плакали бы от зависти, если его увидели.

Жаль только, швейных машинок здесь не продавали. Судя по ответу продавщицы, здесь они считались редкостью.

Я стояла у прилавка и слушала, как она подсчитывает сумму набранного мной добра. Длительность ее подсчетов вызывала тревогу. Я уже раздумывала над тем, что убрать из выбранных товаров, чтобы сократить сумму расхода. Нужно оставить только самое необходимое. А то как-то не улыбается выпрашивать у остальных швейные принадлежности. Ведь Марв указала на это в письме, и меня, честно говоря, это покорило.

Так что от чудесного чемоданчика придется отказаться. И от дорогого пушистого плюша. Ну, ничего, переживу как-нибудь.

Однако Джьюд сообщил, что отказываться ни от чего не надо. Для жены эсквайра Теодора Рутланда деньги — это не проблема.

Он расплатился за все мои покупки, и я вышла из магазина абсолютно счастливая.

Как я говорила, мое хобби было достаточно дорогостоящим, я всегда выкраивала средства на ткани и материалы. И уж точно не могла себе позволить купить тридцать видов плюша одновременно! Максимум — один, два в месяц.

В мыслях я уже представила эскиз будущего мишки — аж руки чесались, чтобы приступить к его изготовлению!

Это действительно то занятие, которое сейчас мне поможет и успокоит расшатанные нервы.

А то, чувствую, они еще больше расшатаются после посещения клуба леди Марв.

В приглашении было черным по зеленому указано, что собрание пройдет в доме Талулы Пайк, но кучер провез нас через несколько торговых улочек и остановил карету около еще одного магазинчика, в витрине которого за стеклом восседала большая кукла. Она шевелилась, качала головой и махала рукой, приглашая зайти. То ли механическая была, то ли заколдованная.

В любом случае, выглядела она жутковато: тонкое паучье тело, огромная голова со странными глазами и черное кружевное платье. Неудивительно, что люди не хотели сюда идти, и у хозяйки упала выручка. Витрина представляла собой готовый кадр из хоррор-фильма.

В этот момент улицу огласил громкий детский плач. Какой-то карапуз заливался слезами, тыча пальчиком в витрину игрушечного магазина. Мать поспешила увести его за руку дальше по улице.

Я только головой покачала. Как говорится, результат налицо.

Впрочем, стоило мне войти, как ужастик продолжился. В основном, в этой лавке продавались куклы... И они ВСЕ были в таком стиле.

Ясно, как божий день, что все игрушки и куклы в комнате Брианны из этого магазина. Ошибиться в стиле было невозможно. Я еще тогда обратила внимание, насколько же они отталкивающие.

Такие точно коллекционировать надо, а не детям покупать! И то — коллекционер должен быть очень даже любитель.

По-моему, Джьюд, который двигался за мною молчаливой тенью, при виде рассаженных по полкам зловещих куколок испытал схожие чувства.

Положа руку на сердце, я предпочла, чтоб он остался в карете, но, очевидно, дворецкий, а ныне мой охранник, получил насчет меня от Рутланда четкие инструкции.

Слуга проводил нас на второй этаж. Джьюд остался в коридоре, а я оказалась в довольно небольшой гостиной. Игрушечный магазин находился на первом этаже, а на втором были расположены жилые комнаты. Удобно.

— О, леди Рутланд! — всплеснула руками Марв, словно мое появление доставило ей ни с чем не сравнимую радость. — Как же мы счастливы вас лицезреть! Думали, уж и не почтите нас своим присутствием!

— Опоздала, опоздала, как всегда... — слышались отовсюду недовольные шепотки.

Ну, опоздала и опоздала. Дальше-то что?

Участниц в клубе оказалось ровно двенадцать рукотворушек. Прямо по числу апостолов. Лица были мне знакомы. Почти всех я помнила по своей свадьбе. А главное, конечно, Лидию Гарднер, в улыбке которой явно чувствовалась душевность крокодила.

Я стала тринадцатой, превратив все это благообразие в чертову дюжину. Девушки под началом Марв и Талулы мастерили кукол. Кто-то расположился на софе, кто-то на диване или креслах.

Кружок кройки и шитья, который я посещала в школьные годы — ни дать ни взять.

Глядя на большеголовую, с тонкими ногами заготовку Талулы, можно было нисколько не сомневаться, что все игрушки внизу принадлежат ее авторству.

— А вот и ваша работа, леди Мередит! Узнаете? — елеинным голоском проговорила Лидия. — Зря вы тогда так вспылили. Вот и девочки... тоже так считают. Садитесь ко мне, я буду показывать, что и как вам нужно исправить... Тогда к концу собрания вы сможете представить хоть что-то пристойное, а это помощь нашей дорогой Талуле.

На мой взгляд, нечто, что протягивала мне Лидочка, уже ничего исправить не могло. Куклы Татулы были хоть и жутковатыми, но выполненными очень искусно.

То, что сотворила Цицинателла на одном из прошлых собраний клуба — это был просто какой-то уродец. Не знаю, что она вообще пыталась изобразить. Не кукла, не животное, а какая-то неведомая зверушка, которую и в руки-то брать не хотелось. Ни желания, ни старания. Об аккуратности я вообще молчу.

Вот зачем, скажите мне на милость, Марв и Гарднер вытащили это чудо-юдо из мусорки — лучше б там оно и сгинуло в неизвестности.

Хотя, наверное, я понимаю, зачем...

Гарднер подняла уродца повыше, как будто специально выставляя его на всеобщее обозрение. Работая над своими куколками, девы косились, ухмылялись, шептались, переглядывались.

Я не видела, кто конкретно что говорил, но кое-что разобрать могла.

— Шу-шу-шу... Мередит давно пора исключить из клуба... Шу-шу-шу... Она своими руками орудует, как курица лапами... Шу-шу-шу... Ни ума, ни фантазии... Шу-шу-шу... Даже с помощью душечки Лидии из этого пугала вряд ли получится детская игрушка! Мередит безнадежна, только пальцы себе исколет. Шу-шу-шу... Швец Дэнило, что ни шьет — все гнило!

Последнее особенно меня покорило. Ах, так? То есть жутковатые непропорциональные куколки леди Таллулы, после которых потом кошмары будут сниться неделю — это нормально, а уродец Цицинателлы — нет?

Но больше всех задело то, что меня называли по девичьей фамилии. Между прочим, я теперь не Мередит, а Рутланд! И кому-то нужно это запомнить!

Я поудобнее перехватила свой новенький рукодельный чемоданчик, решительно взяла у Лидочки уродца и заняла самое дальнее место за столиком в углу.

— Что же вы, леди Рутланд? — Бо Пип метнула на меня недовольный взгляд из-под пышной пшеничной челки. — Я к вам в тот угол не пойду, там темно! Давайте сюда, к свету. Заодно все окружающие смогут наблюдать и делать вам замечания, если что-то пойдет не так.

Света в избранном мной углу было ничуть ни меньше, чем в других частях гостиной. Но ей не терпелось показать свое мастерство и учить меня у всех на виду. И чтобы при этом я ошибалась и тупила.

Интересное развлечение, ага.

— Я, пожалуй, откажусь от вашей помощи, леди Гарднер, и попробую сделать что-нибудь сама, — спокойно, без ужимки, сказала я и уселась в облюбованный угол.

Лидочка пожала плечами и отошла, явно разочарованная.

— Послушайте, моя дорогая, вам отказываться глупо, — вмешалась Марв. — Мы все здесь, чтобы помочь нашей дорогой Талуле. Каждая из нас в конце собрания передаст ей по сделанной своими руками игрушке. Мы все знаем... ваши способности. Без голубушки Лидии вы не справитесь!

— И все же я постараюсь, — заверила я и под ехидные усмешки остальных раскрыла свой чемодан, надежно отгородившись его крышкой.

Уродец-то, конечно, уродцем, но ткань при его пошиве Цицинателлой была использована подходящая — мягкий мохер золотистого цвета.

Предположим, что в Равенне водятся золотистые медведи!

Стежки были выполнены очень неаккуратно, поэтому подцепить их ножницами не составило ни труда, ни времени.

Глядя на разложенные передо мной на столе кусочки материи, я представила выкройки будущей игрушки. Только хотела взяться за мелки, чтобы набросать их на изнаночной стороне мохера, как, словно подчиняясь моим мыслям, на ткани появились светящиеся зеленые контуры.

И вот, идеально вырезанные детали уже лежат передо мной, хоть я и не прикасалась к ножницам!

Я хотела взять в пальцы иглу, но она вдруг сама, без моего участия принялась сшивать детали прочным и красивым швом, при этом испуская легкое зеленоватое свечение.

Это магия! Она была во мне — это она как будто оживила швейные принадлежности и теперь они двигались и работали сами по себе, словно в каком-нибудь мультике Диснея! В полном недоумении я ждала, что ножницы, иглолка или наперсток заговорят со мной. Или споют.

Не дождалась.

Вместо этого со мной заговорила одна из участниц клуба — девушка с восточными чертами лица и темными волосами, стянутыми на затылке в узел:

— Ну и как вам статус замужней дамы, леди Мередит? Ой, прошу прощения, Рутланд... Поделитесь, нам та-а-ак интересно! Наверное, вы чувствуете себя как-то... по-новому? По-иному?

Я подняла глаза на рукотворушек. На меня смотрели в ожидании ответа и не видели, что какая магия творится за раскрытой крышкой моего чемодана.

Сообразив, что леди ждут каких-нибудь завуалированных подробностей первой брачной ночи, я ровно ответила: «Все ок» и уткнулась в свое шитье.

Тем более что медвежонок был почти готов — осталось только пришить ему глазки и придумать какой-нибудь интересный декор.

После того, как стало ясно, что новых тем для пересудов я подкидывать не собираюсь, да и вообще веду себя, на удивление тихо, дамы переключились на другое. А именно, на обсуждение самой животрепещущей темы — нападений мары.

Одна из девушек, рыжеволосая Элен Гросс, поделилась, что чудище, насылающее страшные сны, повадилось ходить к ее маленькому братику, который сильно боится пауков. Является в его

сны в виде гигантского паучища, запугивает до полусмерти. И никакая магическая защита, никакие амулеты, зелья и заклятья не могут ее отогнать. Другая, Леола Латук, рассказала, что вчера ночью мара явилась к ее подруге — той приснился долгий и жуткий кошмар про смерть возлюбленного, последующее его оживление и преследование за ней в виде мертвеца по всему городскому кладбищу.

Такие разговоры явно не располагали к веселью. Обстановка в гостиной сгустилась, на лица склоненных за работой девушек легли тени, словно дух самой мара явился сюда. Никому не хотелось, чтоб чудище приходило и в его сны.

И мне в том числе.

— Леди Марв, а зачем мара приходит? — вдруг негромко спросила одна из девушек, обратившись к главной клуба, видимо, как к самой старой и самой опытной. — Зачем насылает ужасы?

— Питается она страхом, — ответила пожилая леди, тихонько постукивая спицами. — Мучает спящих людей, через то силы жизненные получает. Чем больше страха — тем в большую силу эта тварь входит. Раньше только на детей нападала, а сейчас вон — на молодых девушек. Говорят, сначала она облика не имела, в виде тумана смутного приходила, а сейчас уже на человека похожая становится. Плохо это. Значит, силы у нее растут. Во времена моей молодости у нас в городе тоже объявилась такая, но ее быстро отловили. Дочкой потомка отца-основателя города оказалась. Оливия Максвел. Но она молодая была, юная. Не понимала, что с ней происходит. И еще не успела в чудовище превратиться. С помощью сильнейшей магии удалось от нее эту темную сущность отделить. На тот раз все закончилось благополучно. Правда, Оливия уехала из этих мест куда-то на юг. Ну и правильно — вряд ли бы она смогла спокойно жить здесь после всего, что натворила. Однако, та мара, которая теперь в городе орудует, видимо, опытная уже. И хорошо знает, что делает.

— А разве мара — человек? — затаив дыхание, спросил кто-то.

— Конечно, — последовал ответ. — Она ходит среди нас. И может быть, даже сейчас сидит в этой комнате.

Все взгляды вновь скрестились на мне.

Ну, супер! Интересно, не надоело ли местным подозревать меня во всех смертных грехах?

— Если мара скрывается под личиной какого-то местного жителя, почему до этого она не орудовала? — громко спросила я. — Молва о нападениях пошла недавно. Может, это кто-то приезжий?

— Может быть, — задумчиво протянула Марв. — А может быть, она охотилась в других местах, чтобы не навлекать на себя подозрения. Или раньше делала это незаметно. Но сейчас стала сильнее и уже ничего не боится.

— А вообще, обязательно ли, что мара — это женщина? — неожиданно пришло интересное предположение мне в голову.

— Интересный вопрос, леди Рутланд, — старшая клуба внимательно посмотрела на меня. — Нет, не обязательно. Марой может оказаться и мужчина. О, боги мои, что это у вас?

Ее неожиданное резкое восклицание напугало.

Я быстро оглядела себя, боясь обнаружить какой-нибудь дымчатый черный хвост или еще что-то в подобном духе, что позволило бы всем присутствующим точно обвинить меня в том, что это я насылаю ночные кошмары.

Это, конечно, было глупо, я же знала, что марой я не являюсь. И все-таки уж больно эмоционально заорала пожилая леди.

Впрочем, я быстро поняла, в чем дело. Оказалось, что, увлекшись рассказом, я незаметно для себя опустила крышку чемоданчика, и мой медвежонок оказался у всех на виду.

Между прочим, к этому моменту я как раз его доделала — а именно поправляла большой бант из синей атласной ленты в мелкий белый горошек.

— А что у меня? — я прижала к себе только что сделанную игрушку, как будто желая защитить ее от косых взглядов.

Многие девушки даже побросали своих кукол, чтобы подойти ко мне ближе. А во главе, само собой, Марв.

— Это самая прелестная игрушка, которую я когда-либо видела в жизни! — всплеснула руками пожилая леди. — Вы позволите рассмотреть его поближе, леди Рутланд.

Ну, я конечно, милостиво позволила и мишка пошел по рукам.

Он и правда, получился просто очаровательным — с милой живой мордашкой и блестящими глазами. Золотистый мохер, который совершенно не смотрелся, когда из него был скроен Цицинателлин

уродец, заиграл теплыми красками, словно по игрушечному меху животного переливались искры.

Ну, а пышный темно-синий бант на шее игрушечного медвежонка придал ему нарядности.

— Какая прелесть! — чуть ли не визжала рыженькая Элен Гросс. — Он такой чудесный, такой лапочка! И ни одного шва не видно! Это специальные, потайные швы? Леди Рутланд, а научите меня такому?

И остальные участницы клуба, похоже, были к ней очень близки. Топтыгина рассматривали, вертели в руках, обнимали... А та самая ехидная девушка с восточными чертами лица, что спросила у меня про брачную ночь, Анита Пайк, вообще не хотела выпускать его из рук.

На лице леди Марв тоже читалось уважение пополам с восхищением. Но больше — безграничное удивление:

— Милая Цицинателла, как вам так быстро удалось превратить тот нелепый кусочек ткани в это прелестное создание? Выполнено настолько мастерски, что я не знаю, что и думать! Почему вы раньше прятали от нас свои таланты?

Я скромненько молчала, принимая всеобщие восторги.

Из пестрой толпы девушек не восторгались только двое — леди Талула Пайк, которая заканчивала свою очередную паучьего вида куклу и леди Лидия Гарднер, которая дошивала для нее платье.

— Очень интересно, кто будет играть с плюшевым медведем? — вполголоса сказала она, словно ни к кому не обращаясь. — Дети простолудинов, не иначе...

— Я! Я его хочу! — воскликнула Элен Гросс, чуть ли не подпрыгивая на месте от нетерпения и восторга. — Леди Рутланд, можно, я заберу этого мишку? Хочу подарить его Энелю, это мой младший братик. Он будет счастлив, особенно после всех этих ужасных кошмаров!

— Леди Гросс, это не совсем справедливо, — сделала замечание Марв. — Мы собрались здесь, чтобы помочь леди Талуле Пайк, которая с некоторых пор испытывает трудности с продажами в своем игрушечном магазинчике. Каждая из нас вызвалась сделать своими руками какую-либо игрушку, чтобы поддержать леди Пайк. Чтобы она потом смогла выставить эту игрушку на продажу. Милая Талула, наверное, захочет попытаться продать этого милого медвежонка...

— И не подумаю! — резко оборвала владелица игрушечного магазина. — Чтобы вот это вульгарное мохеровое создание выставляла у себя и портила свою репутацию? Нет уж, увольте! У меня продаются благородные куклы. Моя бабушка делала кукол, моя любимая мамуля делала, и вот теперь делаю я. Это наше семейное занятие — радовать милых крошек нашего города своими особенными волшебными куколками. И вообще, мы все здесь договорились делать кукол, по моему примеру. А леди Рутланд эту договоренность нарушила!

— Значит, я могу взять мишку? — захлопала в ладоши Элен. — Большое спасибо, леди Рутланд! Представляю, как обрадуется Эник! Я заплачу вам за эту игрушку, сколько скажете!

Нет, вы посмотрите на эту дылду в клетчатом платье! Это я о Талуле Пайк. Я, значит, от всей души, в рекордно короткие сроки скроила медведя, а она нос воротит?

— Знаете, уважаемая леди Пайк, лично я не удивлена, что выручка вашего магазина упала! — я резко поднялась. — Удивлена, что она вообще была! Какая там мара? От куклы, выставленной в витрине вашего магазина, мне кошмары неделю теперь сниться будут!

Рот дылды округлился в форме буковки «о», после чего она закипела праведным гневом, желая с позором изгнать меня из гостиной.

Но не успела. Я с грохотом закрыла крышку своего беленького рукодельного чемодана и хотела уже его подхватить, как в гостиной появился Джьюд.

А я и как-то забыла, что все это время он ждал меня в коридоре! Под восхищенные взгляды дам красавчик с платиновыми волосами низко мне поклонился и подхватил мой чемоданчик.

— Спасибо за беседу и приятное общество. Буду ждать приглашения на следующее заседание вашего чудесного клуба, леди Марв. Что касается мишки, можете его забрать, Элен. Передайте вашему брату, что это подарок от Цицинателлы Рутланд.

С этими словами я сделала глубокий реверанс и вышла из кукольного магазинчика прочь.

Глава 20

— Леди Рутланд, леди Рутланд, постойте секундочку!

Лида Гарднер догнала меня уже на улице, чем немало удивила. В руках она держала большую коробку, перевязанную розовым бантом.

Джьюд уже загрузился с моим скарбом в карету, то же самое собиралась сделать я.

— Леди Рутланд, не обращайтесь внимание на Талулу, она иногда бывает груба...

Поразительная незамутненность! Как будто сама она не отпустила ехидную реплику про то, что плюшевые медведи — удел плебеев.

— Как там поживает Теодор? Надеюсь, эсквайр находится в добром здравии?

При упоминании имени моего мужа она даже слегка зарозовела.

Я не знала, как реагировать на такую наглость.

— В абсолютном.

— Что ж, я так рада! Передайте ему от меня самые искренние и наилучшие пожелания. И еще вот... Это для крошки Брианны. Я знаю, что она любит куколок, так хочется сделать ей приятное!

Возможно, было не совсем вежливо совать нос в коробку, которую Лидия мне протягивала, но именно так я и поступила.

Там оказалась кукла, которую Гарднер с Талулой так упорно делали на сегодняшнем собрании. В том же самом стиле — худая, с большой головой и огромными, неотрывно смотрящими на тебя в упор глазами.

Ну уж нет, спасибо! Ночью проснешься и такое увидишь в темноте — инфаркт обеспечен.

— Благодарю, но у Брианны достаточно игрушек, — достаточно прохладно сказала я и вернула Гарднер коробку.

Наверное, муж меня потом убьет за то, что была нелюбезной и посмела отказаться от подарка, который предназначался его дочери. Но я теперь для Брианны, если не мама, то все-таки не самый чужой человек.

И я считаю, такие зловещие куклы не для маленьких детей. Не считая нападений мары.

Последняя угнездилась в моих мыслях, и я никак не могла избавиться от воспоминаний о том вечере, когда мы слышали крик Брианны и зловещий темный туман, что клубился рядом с ее кроватью.

Смеркалось. Карета пересекла открытую местность и въехала под сень Алтанского леса. Стразу стало темно, будто сумерки сгустились разом и упали на карету, как черный платок. Впрочем, бояться было нечего — по бокам кареты раскачивались фонарики, внутри которых горели сочные магические огни. Один такой светильник был и внутри кареты — сейчас здесь было уютно и тепло.

Не то, что снаружи.

Хотя, может, и наоборот — мелькнула мысль. Лучше было б не привлекать внимания своими яркими огнями в сгущающейся тьме этого леса.

— Вы абсолютно уверены, что здесь не водится ничего... такого, Джьюд?

Дворецкий был настолько погружен в свои мысли, что даже ответил не сразу.

— Алтанский лес абсолютно безопасен, миледи. Вербэров здесь давно не водится, разбойников не имелось отродясь. Возможно, он и выглядит несколько зловещим, но это, очевидно, из-за того, что мы едем через него в сумерках. Как известно, ночью даже маленькая кошка отбрасывает большую тень.

— Почему тогда Теодор велел вам сопровождать меня? Мне кажется, у главного дворецкого полно других, далеких от этого обязанностей...

— Всего лишь небольшая предосторо...

Джьюд не договорил, потому что карета резко встала. Я хотела приоткрыть шторку, но дворецкий и мой охранник в одном лице остановил меня резким жестом.

— Никуда не выходите! Что бы там не происходило снаружи — не покидайте карету! — отрывисто приказал он, достал откуда-то внушительных размеров кинжал и был таков.

Смутное беспокойство, которое я испытала, когда мы въехали в лес, уже давным-давно переросло в самую настоящую тревогу. Очень хотелось выглянуть в окно, но раз Джьюд предостерегал меня от этого — лучше не лезть на рожон.

От нечего делать я принялась вспоминать заклинания, которые вычитала в Нутеллиной книжечке. Парочка вспомнилась прямо с ходу. Например, мне удалось легким движением руки погасить магический огонь в светильнике и пространство внутри кареты погрузилось во тьму.

Снаружи доносились какие-то звуки, и, вероятно, что-то происходило, но понять, что конкретно, было нереально. Эх, глянуть бы в окошко, хоть одним глазком!

Чуть отвела вбок шторку и тут же опустила. Снаружи метались какие-то силуэты — и дураку было ясно, что на нас напали. Судить не берусь, но вроде бы это были люди, а не полк злобных голодных мар...

Впрочем, час от часу не легче!

Только я собралась поэкспериментировать с чарами невидимости (чтобы хотя бы на пару минут сделаться невидимой и бежать отсюда подальше!), как дверь кареты распахнулась, явив малоприятного мужика с щетиной недельной давности.

А Джьюд еще говорил, тут разбойники не водятся. Именно на разбойника с большой дороги данный товарищ и смахивал.

К тому же заорал дурным голосом:

— Она здесь!

Все это мне совершенно не понравилось. Причем до такой степени, что прямо мужику в лицо полетело оглушающее заклятье, так же присмотренное мной в гримуаре Нутеллы.

И даже прямо, кстати, неплохо сработало — дядька исчез с просвета, открыв мне дорогу к отступлению. Правда, вместо него тут же появились новые два лиходея, настроенные очень решительно. На них оглушение уже не подействовало, зато они подействовали на меня.

Где-то на периферии зрения я успела углядеть Джьюда, который боролся с тремя громилами, но силы были неравны. Поэтому дворецкий был вынужден отступать, а потом его и вовсе скрутили и оглушили.

— Миледи, бегите! — только и успел крикнуть дворецкий перед тем, как потерял сознание.

Но далеко убежать мне не удалось — в следующее мгновение руки связали веревкой, а на глаза накинута какую-то тряпку.

— Мой муж, эсквайр Теодор Рутланд вам этого не простит! — в отчаянье вскрикнула я.

Ответом послужил невнятный бубнеж похитителей, один из которых пробурчал: «Не хочется, того-этого, с самим Рутландом связываться, может, ну его... вернее, ее... Короче, эсквайра и его женушку обоих, вместе взятых!».

Конечно, ну меня, ребят! Конечно, связываться не надо!

— Дубина! — судя по глухому звуку, его товарищ постучал кулаком по лбу. — Его милость сиятельный лорд отвалил нам столько золота, что мы сможем оплатить магический портал и уже завтра будем далеко отсюда! Следы хорошенько подчистим — пусть господин эсквайр ищет ветра в поле...

— А пускай! — грубо захохотал третий и картаво продолжил. — И ненаглядную тоже свою пусть ищет — вовек не найдет! Она, конечно, молодец, что из кареты сама выскочила — карета-то заговоренная оказалась. Я уж подумал всё — выкуривать ее придется.

Я чуть не взвыла от досады. И почему я не послушалась Джьюда? С другой стороны вот это вот «выкуривать» было сказано таким тоном, что мне вообще не понравилось.

Так что, может, и лучше, что я вылезла. Целее, так сказать.

Короче, с какой стороны не посмотри, перспективы выглядели не особо радужно. Правда, как выяснилось, у бедного Джьюда они оказались совсем паршивыми.

— Вы слишком долго возитесь — крутите благородную леди по рукам и ногам, чтоб не рыпалась, и по коням! — велел картавый, который, судя по всему, и был в этой шайке главарем. — Если поторопимся, к утру будем в Касториуме...

Что это за Касториум такой, я не знала, и знать не хотела. Но ясно было одно — там мне вряд ли понравится...

Глава 21

— Ну, вот ты и здесь, мой прекрасный цветок!

— Цветок-то я, может быть, и цветок, но отнюдь не ваш, уважаемый товарищ! У меня муж есть, если вы, случаем, запомнили.

— Теодор Рутланд простой эсквайр, и не может похвастать родовитыми предками. То ли дело — я, лорд Касторовой долины. У меня в роду — сплошь знатнейшие семейства Равенны. Цвет нации, можно сказать.

— Подумаешь! А меня в роду вообще были короли, — очень кстати я припомнила слова Нутеллы с портрета. — И ваша касторковая долина мне тут вообще не сдалась. Прекратите этот фарс и верните меня мужу!

— Раз наши семейства такие знатные, мы с тобой больше подходим друг другу, чем вы с эсквайром! Не упрямясь, цветик, тебе это совсем не идет!

— А ничего, что у вас тоже есть жена? Какая-то неправильная связь получается, не находите, милейший?

— Так тебя смущает моя жена? Я тут же велю ей уйти. Эй, Вильгельмина, ты слышала?

Я только глаза закатила. В общем, «рука-лицо».

Бодрые бородачи, что связали меня по рукам и ногам, наутро следующего дня доставили меня в какой-то замок. Был он втрое меньше Трентона, а еще не такой ухоженный и богатый. Скорее, замшелый. Это слово точно больше подходило этому сооружению — замок словно оброс мхом! Да боже мой, мне поначалу вообще показалось, что он рассыпается от ветхости в рассветных лучах солнца!

Но нет, замок не рассыпался. А жаль. Потому что я очень быстро оказалась внутри этого прекрасного строения.

Полы были липкими от грязи, в некоторых углах свисала паутина, светильники чадили и шипели, испуская тусклый свет, а уж про то, что тут дуло из всех щелей, я вообще лучше промолчу.

Но хозяина касторкового замка, по приказу которого меня сюда и привезли, похоже, ничего не смущало. Он был страшно горд и в буквальном смысле раздувался от собственной значимости.

О да, за прошедшие со свадьбы недели, когда я его видела в первый и последний раз, сиятельный лорд Макинтош, кажется, стал еще толще.

Оно и немудрено, учитывая количество еды на большом дубовом столе в главном зале замка! Это была какая-то россыпь разнообразных ветчин, колбас, сосисок, жареного мяса, различных видов хлеба и сластей всех сортов. Была здесь и гигантская яичница на сковородке размером с треть стола.

Так что понятно, куда шли все средства блистательного лорда Макинтоша. Он бы вместо этого лучше замок свой подлатал, ей-богу.

Завидя меня, толстяк выкатился из-за стола, оторвавшись от молочного поросенка, которого он поглощал в данный момент времени. Закусывал он хлебушком, предварительно обмакивая его в бульон.

Гурман дядечка, что тут сказать?

Обтерев ручки в бульоне прямо о скатерть, лорд простер их ко мне, желая обнять.

Честно, я вот искренне не понимаю, как у такого человека может быть еще какой-то интерес, кроме гастрономического?

Ой, а, может, он и меня тоже рассматривает в этом самом... гастрономическом ключе? Обвалить в муке, обжарить и съесть!

Но, слава богу, нет — с первых же секунд нашей нежеланной мной встречи Макинтош высказал кипучее желание прогуляться со мной до своей спальни.

Глядя на красного, потного толстяка с жирными пятнами на шелковом камзоле, рассуждающего о знатности своего рода, я подумала, что, определенно, лучше все-таки в муку...

Попутно выяснилось и самое интересное — оказалось, что Макинтош был женат.

Прямо странно, что он свою супругу на нашу с Теодором свадьбу не взял. Хотя... Сомневаюсь, что данную даму было бы так легко увезти. Разве что с помощью магии, быть может...

Я вообще поначалу приняла эту женщину за маму Макинтоша. Ну, или тетю какую-нибудь. По отцовской линии.

Была она раза в два объемнее самого Макинтоша и на мое появление абсолютно никак не отреагировала. Гораздо интересней ей был необъятных размеров окорок, который эта леди кушала прямо так, без вилки и ножа.

Плотно у них тут завтракают, конечно...

— Вильгельмина, дорогая, это — леди Рутланд, — как ни в чем не бывало, представил меня своей супружнице Макинтош, зыряка маслянистыми глазками туда-сюда. — Она некоторое время будет жить у нас.

Я ждала, что женщина возмутится — мол, кого ты сюда привел, охальник, весь стыд потерял и все такое... Не говоря уже о том, что я вообще-то была связана!

Ничуть нет.

Вильгельмина на минутку все-таки оторвалась от окорока, смерила меня мутным, водянистым взглядом, слабо кивнула и вновь вернулась к трапезе.

— Какое еще некоторое время? — опешила я.

— Некоторое время, это до тех пор, пока ты мне не надоешь, сладенькая, — обрадовал Макинтош.

— Вы совсем, что ли, не в себе, гражданин? — отчеканила я. — Я повторяю еще раз для слепых, глухих и вообще особо одаренных. Я вам не игрушка и не средство развлечения. У меня есть права, и я требую их соблюдения! Я хочу к мужу, ясно вам?

— К мужу? К мужу, значит? — кривляясь, повторил Макинтош. — Подумай своей хорошенькой головкой — да зачем он тебе сдался? Он — простой эсквайр, а я лорд!

— Бла-бла-бла, про ваш древний род я уже слышала...

— Да, мой род очень древний. А у Теодора Рутланда — нет! К тому же, все прекрасно знают, что он до сих пор любит свою бывшую жену, а к вам испытывает лишь страсть. Я же полюблю вас всем сердцем...

Помнится, бонна Зелиг говорила то же самое. При мысли о бывшей жене Теодора, матери Брианны, я внезапно почувствовала укол ревности.

Да что с ней? И где она сейчас?

Вот как раз и способ что-то узнать подвернулся, раз Макинтош сам заговорил о Чантэль Рутланд!

— Полюбите всем сердцем? — как бы сомневаясь, переспросила я, хотя такое счастье мне и даром не надо, тем более, было видно, что сиятельный лорд лжет, и весьма неумело. — А вы не напомниме, ваша милость, что стало с его женой? А то я как раз пять лет назад уезжала... м-м-м... в отпуск. И как-то все пропустила.

То, что я в первый раз назвала Макинтоша «ваша милость», расположило толстяка настолько, что с удовольствием бывалого сплетника принялся посвящать меня в подробности:

— Как? Неужели не знаешь? Да об этом говорили на всех углах! Теодор и Чантэль возвращались с бала в честь весеннего равноденствия. Неподалеку от Трентона на экипаж напала стая вербэров. Чудища положили весь отряд сопровождения Рутландов. Смертельно раненый, он в одиночку победил девять вербэров. Уж не знаю, как ему это удалось? Люди, и одного-то завидев, делают в штаны — там такие зверюги! Но спасти свою жену ему не удалось — кровожадные мишки успели ее хорошенько потрепать. Практически порванный в клочья, эсквайр выжил каким-то чудом. Едва оправившись, затеял ход против медведей, пока не истребил их в наших краях всех, до единого. Все знали, что он до смерти любил Чантэль. Говорят, привез ее из какого-то захолустья, с севера — даже удивительно, что она имела титул.... Впрочем, это неважно, а важно лишь то, что Рутланд любил ее. И до сих пор любит. А я сейчас буду любить вас.

Вся поглощенная рассказом Макинтоша, я в первую минуту даже не расслышала его последнего предложения.

История Теодора буквально выбила меня из колеи. Значит, его бывшая жена не сбежала от него, он с ней не развелся, как я предполагала...

Оказывается, Чантэль трагически погибла...

Вы все равно никогда не замените ему ее. Так сказала эта злобная гарпия, бонна Зелиг. Но только сейчас, в этой самой неподходящей обстановке, я начала осознавать смысл этих слов, отчего мне сделалось невыразимо печально.

Печально от жалости к молодой женщине, умершей в цвете лет... Девочке, потерявшей маму... И мужчине, утратившему возлюбленную...

А еще печально от того, что он, наверное, действительно никогда меня *так* не полюбит. Первая любовь не забывается, а страсть, которую он испытывает ко мне... Она проходит. Она пройдет, когда улетучится действие приворотного зелья, что заварил Нутелла.

Так странно... Я мечтала сбежать от Теодора, но больше всего на свете сейчас захотела оказаться рядом с ним.

Опомнилась от своих размышлений только тогда, когда лорд Макинтош с раскрытыми пухлыми объятиями пошел прямо на меня. Его немного просветлевшее во время рассказа о Рутланде лицо снова стало пошлым, а глазки заблестели, как смазанные маслом блины, что высокой горочкой лежали тут же, на столе.

— Развяжите и верните меня мужу. Немедленно!

— Твой муж — никто! — лоснящееся круглое лицо Макинтоша неотвратимо надвигалось. — А я — лорд Кастановой долины, потомок древних завоевателей...

— Из древнего я тут пока вижу только этот замок... — вставила я.

От этих слов Макинтоша перекосило, и он сделался по-настоящему отвратительным и пугающим. Пожалуй, именно в этот момент я осознала весь ужас моего положения.

— Я хотел с тобой по-хорошему, но ты вынуждаешь! Теперь ты моя собственность и должна удовлетворить все мои капризы. Пусть твой муженек ищет тебя, а ты в это время будешь моей подстилкой. А потом, когда потешишь меня вволю, сможешь пойти и рассказать ему, где была и что делала! Думаешь, он что-то сделает мне? Сможет отомстить? Ты глубоко ошибаешься, голубчик! Я уже заручился покровительством самого короля! Теодор Рутланд ответит мне за унижение на своей свадьбе. Сначала я хотел подослать к нему убийц, но потом решил, что это будет слишком просто. Проклятый эсквайр ответит тобой, своей молодой женой, ведь ты так для него желанна. А сейчас мы пойдем в мою спальню, и не дай тебе боги не сделать то, что я прикажу! Отныне ты — моя рабыня, а я — твой господин! Я, а не Теодор Рутланд, запомни! Вон и Гельмина так считает, да, дорогая?

Его жена тупо кивнула, даже не взглянув.

Хьюстон, кажется, у нас серьезные проблемы...

Глава 22

ТЕОДОР

Я должен был найти ее. Любой ценой.

При мысли о том, что эта тварь где-то неподалеку, внутри закипала ярость, а кулаки сжимались сами собой.

Эта темная гадина смела являться к моей дочери и тревожить ее сон! Питаться ее жизненной энергией. А ведь, достаточно напившись, мара станет настолько сильна, что сможет навечно усыпить человека, ввергнув его в царство бесконечного кошмара.

Узнав об ухудшении ситуации, Тристан написал короткую записку, что уже доложил обо всем королю, а тот, в свою очередь, распорядился отправить в наш город виgilанта. И не слова о Цицинателле. Зная своего братца, я с уверенностью мог сказать, что это значило. Он решил, что я окончательно на ней помешался. И я даже не собирался его разубеждать.

А вообще, новость меня позабавила. Если королевский охотник на нечисть окажется толковым, то из нечисти он сможет обнаружить здесь не только мару.

Впрочем, такая вероятность была одна на миллион. Всех толковых магов Его Величество предпочитал держать при себе. А к нам, скорее всего, отправился какой-нибудь вчерашний выпускник столичной академии магии. Ну, если он там был отличником, то, может, какой-то толк от него будет.

Но, скорее всего, это вряд ли. Вряд ли он вообще в ближайшее время до нас доедет.

В Сокровенной роще было холодно, сумрачно и очень тихо. Не задувал ветер, не слышался скрип снега. Дубы здесь даже в зимнее время не сбрасывали свою резную листву, а маленькое озеро, точно наполненное парным молоком, не замерзало даже в самый лютый мороз. Что ночью, что днем — здесь всегда царил одинаковый неяркий, рассеянный свет. Это место, пропитанное магией и тайными древними знаниями, когда-то показал мне отец. Он сказал, что здесь можно услышать голоса наших богов.

Он специально заложил основание родового замка неподалеку от роши. И назвал это имение Трентон, что в переводе с древнего языка значило «дубовый лист».

Под одним из таких кряжистых дубов я сидел на камне, почти у самой кромки молочной глади озерца.

Закливание магического отлова требовало особой концентрации и силы мысли, которой можно было достичь только здесь.

Я закрыл глаза, выплетая пальцами Адвальд и Ригис — руны поиска и открытия, надеясь почувствовать мару, отследить, увидеть, что она делает сейчас. И, может быть, даже узреть ее истинный облик. Ее — или его.

Все привыкли думать, что порождение ночного кошмара имеет только женскую суть, но на самом деле марой мог оказаться и мужчина.

Очень долго ко мне не шли никакие образы.

По правде говоря, то, что со мной делала Цици и то, что я испытывал к ней, не давало никакой надежды, чтобы привести дух и тело в более-менее спокойное состояние.

Если бы не успокоительное зелье от личного королевского мага, я вообще не смог войти в это состояние ресурса.

Однако, в итоге все-таки вошел. С горем пополам. Поначалу вокруг лишь клубился молочный туман, напоминающий воды озера. Но постепенно он начал темнеть, по мере того, как я продвигался вперед. В итоге он сделался совсем черным — несколько сложных рун помогли чуть-чуть развеять тревожную враждебную тьму, которая, вроде бы, начала тихонечко так, но крайне неприятно для барабанных перепонки подвывать.

Вдруг впереди мелькнул неясный силуэт. Женская фигура в плаще. Она не пыталась спрятаться, наоборот, стояла неподвижно. Словно бы ждала, когда я подойду.

Ее бархатное платье было черным, как сама ночь, а на волосах лежало черное кружевное покрывало. Тонкие руки с бледными запястьями заканчивались длинными изогнутыми когтями. А когда я подошел еще ближе, то стало понятно, что я принял за плащ ее сложенные кожистые крылья. И это не оставило никаких сомнений, что передо мной — мара.

Было что-то знакомое, пугающе знакомое в этой изящной женской фигурке.

Не может быть.

Я схватил женщину за плечо, намереваясь заглянуть ей в лицо и развеять свои сомнения.

— Господин! Мой господин! Миледи Рутланд похищена!

В ту же секунду исчезло все — и клубящаяся тьма в моих глазах, и девушка с черными крыльями, стоявшая ко мне спиной.

Это был один из моих слуг, которого я отправил управлять каретой Цицинателлы.

— Похищена или сбежала? — медленно спросил, поднимаясь.

Демоны! Я-то думал, она уже давно вернулась домой и сладко почивает в своей постельке.

Я не смогу простить ей еще одного побега, клянусь. Особенно сейчас, после того, как я увидел свет в глазах Брианны, когда Цици находится рядом с ней.

Неужели она все-таки посмела воспользоваться моей дочерью и втереться к ней в доверие, чтобы усыпить мою бдительность?

— Похищена! — запыхавшись, сообщил слуга. — Алтанский лес! На карету напали! Их было девять человек! Я хотел защищать, но господин Джьюд велел бежать... Велел найти вас, рассказать вам...

Венто смирно стоял около двух огромных валунов, обозначающих вход в рощу. Я сходу закинул ногу в стремя и опустился в седло, и в следующее мгновение мой верный конь, как ветер, мчался вперед.

Такое имя ему дали не зря. Значительное расстояние до Алтана мы покрыли в максимально короткий срок. В предрассветных сумерках я въехал на опушку леса.

Завалившаяся на бок карета стояла прямо посреди дороги, утопая колесами в сугробах колеи. Большая береза, криво срубленная топором, валялась на дороге поперек, преграждая дорогу.

Мгновением позже я увидел Джьюда... Преданный слуга с закрытыми глазами ничком лежал на вытоптанном снегу.

Жив.

Зимар — руна здоровья вспыхнула в воздухе и помогла парню прийти в себя, а я помог ему подняться. Вид мой дворецкий имел неважный — лицо в ссадинах и огромный фингал под глазом.

— Наемники похитили миледи, мой господин! Их было слишком много! Они хвастались, что вы не сможете их найти. Но они полные идиоты — сами же себя и выдали... Я слышал, куда они повезли ее! Касториум. Леди Рутланд там!

И если до того у меня были сомнения в том, что Цици действительно похитили, а не она сама таким образом подстроила побег, теперь они исчезли.

Касториум — родовое гнездо жирного идиота, лорда всех болванов блистательного Пегерина Макинтоша.

Хотя, пожалуй, в этот раз болваном оказался я. Совершенно позабыл, как вышвырнул Макинтоша со свадьбы и не учел, что он может затаить обиду. Вернее, этого-то я как раз и ожидал, но Макинтош был труслив и предпочитал написывать кляузы его величеству, не вступая в открытый конфликт. Но тут, похоже, в толстяке выиграла гордость.

А еще Цицинателла. Она была слишком красива — ее ничего не могло испортить, даже те тряпки, в которые я вырядил ее на свадьбе.

При мысли о том, что грязный, мерзкий ублюдок, возможно, именно сейчас касается моей ненаглядной жены, к которой даже не прикасался я, кровь вскипела в жилах.

Я резко взмахнул рукой, и поваленная береза разлетелась в щепки в оглушительном взрыве под действием Адельре — руны огня.

Поденок возжелал ее... Ее — ту, что отныне принадлежала лишь мне.

Макинтош посмел очернить святое. И жестоко поплатится за это.

— Господин, неразумно идти на Касториум в одиночку! — с волнением сказал дворецкий. — Вам нужно созвать отряд...

— Сейчас на счету каждая секунда, а на то, чтобы возвращаться в Трентон нет времени, — ответил я, быстро садясь на Венто. — Касториум — жалкая хибара. Но даже будь он трижды укрепленным и нерушимым замком, я сравняю его с землей!

В Касторовой долине, через которую я мчался во весь отпор, некогда были богатые и плодородные земли. Предки Макинтоша успешно торговали зерном, и даже вели дела с Роборгом, что находится к северу от Равенны. Роборг — горная страна и климат там гораздо суровее, потому сельское хозяйство там не развито. Зато у них

есть шахты, и они щедро платили Макинтошам за хлеб золотом и драгоценными камнями.

Но из-за дурного управления землями и бездумного стремления извлечь из них одну лишь выгоду, дела древнего рода со временем пришли в упадок. Некогда плодородные земли стали пустошами, а те жалкие остатки былых богатств, что удалось сохранить, шли последнему Макинтошу на стол. Общеизвестно, что аппетит этот светлый лорд имел зверский. Так же, как и его жена, которая тоже происходила из какого-то знатного обедневшего рода, но наследников ему не подарила.

Я видел ее лишь раз, когда присутствовал на их свадьбе. А больше она никуда не выезжала, будучи тяжелой на подъем. Собственно, потому и пришлось пригласить жирдяя на мою свадьбу.

Традиция ответного приглашения, мать ее растак!

Вспоминая, как на своем свадебном пиру Вильгельмина Макинтош в одиночку уплетала огромного кабана, запеченного в меду и вине, я очень хорошо понимал, почему Пегерин положил глаз на мою нежную Цици.

Понимал, боялся, что именно в этот момент Макинтош уже мог сделать с моей женой что-то плохое, и от этого бесился еще сильнее, загоняя Венто до изнеможения.

Я добрался до замка, когда лучи восходящего солнца золотили его шпили. Некогда величественный, сейчас он здорово обветшал — в некоторых местах крыши зияли дыры, из которых торчала солома, а ворота держались на честном слове. Родовое гнездо Макинтошей выглядело откровенно жалко.

Я даже на некоторое время засомневался, что человек, именующий себя лордом из знатнейшего семейства, жил в такой халупе. И посмел подослать наемников, которые украли мою жену.

Люди Макинтоша не захотели открывать засовы, а я заметил, что меня жуть, как раздражают закрытые двери.

Руна открытия Эльмуци, которую я быстро начертил пальцами, оставила на металлической обшивке двери огненный след. Этого было вполне достаточно, чтобы войти. Но я целенаправленно ее усилил, прожигая этой руной дверь насквозь.

Внутри был грязный дворик с разгуливающими по нему свиньями. И семеро худых и неряшливых слуг Макинтоша, больше

похожих не на слуг сиятельного лорда, а на уличных бродяг. Это явно были не те наемники, что напали на карету. Но их я еще найду и разберусь с ними позже.

Слуги лорда мне даже какое-то сопротивление оказали. Похвально.

Но как мне не хотелось сорвать на них злость, убивать попусту я не стал. Когда часть слуг была повержена, а часть обратилась в бегство, я пригрозил мечом одному из них.

— Привозили ли в замок девушку с зелеными глазами? Говори!

— Ее п-привезли ночью, господин! Связанную, — дрожа, прошептал слуга. — Только не убивайте, прошу!

После этого останавливать меня уже никто не рискнул. Да и не было кому особо это делать — похоже, больше у Макинтоша слуг и не было. На пути попадались только служанки, которые при виде меня пучили глаза и вжимались в стены.

А вот на Вильгельмину Макинтош мое появление в главном зале замка, кажется, вообще не произвело никакого впечатления.

С того, как я в первый и последний раз видел ее на их с Макинтошем свадьбе, его жена стала больше раза в три, а то и в четыре раза.

Перед леди лежала огромная кость обглоданного начисто окорока, сама же она приканчивала десерт — огромную стопку блинчиков. Похоже, блинчики ей были намного интереснее, чем чужой человек с обнаженным мечом, ворвавшийся в замок.

— Где моя жена? — рявкнул я так, что давно не мытые и мутные от грязи стекла задрожали в окнах.

Блинчик выпал из полных рук Вильгельмины и она уставилась на меня с такой обидой, словно я нанес ей величайшее оскорбление.

— Я — эсквайр Теодор Рутланд, и разыскиваю свою жену, леди Цицинателлу Рутланд! Зеленые глаза, темные волосы, была одета в темно-зеленый плащ с мехом! Где она?

Никакого ответа. Посмотрела на меня мутными глазами и продолжила есть.

Да что ж такое? Я ожидал, что столкнусь здесь с дружиной и личным магом Макинтоша, что за свою жену придется драться не на жизнь, а на смерть...

Но эта странная женщина была намного хуже, чем и то, и другое вместе взятое.

Ладно, попробуем по-другому.

— Где ваш муж, миледи Вильгельмина? — немного смягчил голос я. — Где лорд Макинтош?

И, надо же, слава богам, сработало!

— Муж? В спальне муж, — с набитым ртом ответила сиятельная леди, задумалась, и неожиданно порадовала меня новой информацией. — И эту туда повел, леди Ци...цинателлу Рутланд. Он сказал, она некоторое время поживет у нас.

Имя моей жены Вильгельмина явно выговорила с трудом. После чего снова уткнулась в блины.

Дикая неконтролируемая ярость навалилась на меня. Желание порубить жирного ублюдка в капусту буквально грызло изнутри, пока я быстрым шагом поднимался по стоптанной щербатой лестнице на самый верхний этаж. И пошел по коридору, с ноги распахивая двери, одну за одной.

За самой последней дверью и обнаружилась личная спальня блистательного лорда Макинтоша, больше похожая на хлев.

Моя леди с завязанными руками и кляпом во рту, как могла, отбрыкивалась от Макинтоша, который уже разделся до исподнего, потрясая своим огромным и белым, как брюхо рыбы, животом.

— Милорд Рутланд, что вы здесь делаете? — вскочил от неожиданности толстяк.

Так как он больше не удерживал Цици, она вскочила и подбежала ко мне, желая найти защиту.

Слава богам, он не успел ничего с ней сотворить!

Растерзать. Перегрызть ему глотку. Чтобы его кровь была повсюду — полу стенах и потолке. А затем насадить его голову на шпиль этой самой башни.

Лишь этого жаждал зверь внутри меня.

— У меня встречный вопрос, лорд Макинтош, — обманчиво спокойно проговорил я, разрубая путы на руках Цици и освобождая ее от кляпа. А затем резким движением поднес меч к горлу Макинтоша. — Что в вашей спальне делает моя жена?

— Она... Она сама захотела! Она хотела от вас сбежать и побыть со мной! А со связыванием была небольшая любовная игра... Разве вы

не связываете женщин во время любовных утех? — зачастил Макинтош. — Не верьте ей, это она сама меня соблазнила, подстроила похищение кареты...

— Что-о-о? — прошипела Цици. — Да как он... Как он смеет вообще такое говорить? Теодор, не верь ему, я бы никогда не... Теодор, я так рада, что ты пришел!

Она льнула ко мне, умоляюще глядя своими сверкающими зелеными глазами... Неужели не понимала, что я ни на секунду не поверю жирному уроду Макинтошу?

Я крепче прижал ее к себе, желая ощутить и успокоить. И перевел тяжелый взгляд на колыхающегося от страха Макинтоша.

— Мало того, что ты похитил и попытался изнасиловать мою жену. Ты оболгал ее...

— Не убивай меня, Рутланд! Король не простит убийство члена такого знатного рода! — заверещал Пегерин и плаксиво продолжил. — Везет тебе, такую красавицу отхватил. А мне-то тоже хочется благородную леди, а не служанку безграмотную какую-нибудь... Ты вообще видел мою жену?

Убить его со всей жестокостью, на которую я способен. Мерзавец это заслужил!

Но моя жена прижималась ко мне — целая, невредимая и нетронутая... И я вдруг понял, что мне не хочется, чтобы она видела это...

Понял, что мне просто хочется скорее увезти ее отсюда и не мारаться об этого...

Я набросил веревку, которой были завязаны руки Цицинателлы, на Макинтоша, дернул, что есть мочи и поволок его за собой, как на аркане.

— Куда ты ведешь меня? Хочешь убить на глазах у всех? Дай хоть одеться, Рутланд! Дай встретить смерть достойно, чтоб надо мной потом не потешались! — умолял сиятельный лорд.

— «Достойно» и «ты» — слова несовместимые, — презрительно ответил я.

Попутно я громким голосом настоятельно рекомендовал всем обитателям замка его освободить. Надо сказать, слуги послушались меня беспрекословно. С Вильгельминой, правда, вышла заминка —

толстуха не хотела покидать стол с едой, но ее шустрая камеристка, быстро сообразив, в чем дело, принялась ее тормошить.

Вскоре слуги, сбившись в кучу со свиньями, выстроились за крепостной стеной замка, ошалело глаза на своего лорда, что в одной рубаше до колен босым топтался на снегу.

Леди Макинтош тут тоже была. Но, даже несмотря на критичность ситуации, она не рассталась со своим блином.

Верхом на Венто, я не обращал на них внимания. Передо мной сидела моя драгоценная жена, и оставалось только одно.

Адельре. Одна из наиболее могущественных рун. Руна драконьего огня. Чтобы воздействовать ею на весь замок, понадобилось очень много силы. Но в тот момент, когда моя левая рука лежала на талии Цици, силы у меня было хоть отбавляй.

Правой рукой я начертал заклинание — и родовое гнездо Макинтошей вспыхнуло, словно гигантский дракон направил на него всю ярость и могучую мощь своего пламени.

Со стороны обитателей замка слышались громкие вопли, но я даже не посмотрел.

Альте, руна разрушения, завершила дело — и пылающий замок сложился, как бумажный. Вот только грохот был таким оглушающим, что эхом отразился где-то в горах.

В народе говорят: «Лорд без замка, что мужик без причиндалов». Грубое, но, на мой взгляд, очень емкое выражение.

— Захочешь снова попытаться отомстить или написать письмо королю, мразь, рискни, — бросил я на прощанье Макинтошу и прищипорил Венто, как можно крепче прижимая к себе Цици.

Вот теперь можно было ехать домой.

Глава 23

Утро началось не с кофе. Утро началось с приглашения на благотворительный бал, который в эту субботу устраивала неугомонная леди Марв.

Даже странно, что пригласили, учитывая, чем закончилось мое последнее посещения собрания клуба «Рукотворушка». Впрочем, похоже, руководительницу собрания рукодельниц это не смутило.

В приглашении, которое было разрисовано завитушками, была подробно расписана программа вечера, в которую входили праздничный ужин, выступление местного музыкального коллектива с многообещающим названием «Еретики», а так же танцы и праздничный ужин.

К приглашению прилагался билет с ценой, на котором было указано, что все средства, собранные на балу, пойдут на нужды ночлежного дома имени друида Лазаруса. А именно — на оборудование целительского кабинета по последнему слову магии.

У меня с некоторых пор на всякого рода билеты была небольшая аллергия. Поэтому его забрал Теодор, попутно сообщив, что уже оплатил работу миссис Фиц-Патрик, которая должна была пошить мне к субботе новый наряд.

Честно говоря, мне было не особо до примерок, потому что несколько дней я сидела в своей комнате и тоже кое-что шила. И, между прочим, не одна.

Брианна постоянно находилась рядом со мной, вызывая неудовольствие бонны Зелиг.

До чего девчушка обрадовалась, когда мы с Теодором вместе вернулись в Трентон! Я поначалу подумала, что она так встречает отца, но затем и мне досталась сразу двойная порция обнимашек — от приемной дочки и от соскучившегося Несквика.

Крепко-крепко обнимая Бри в ответ, я наткнулась поверх ее русой головки на внимательный взгляд Теодора. Что-то в нем было такое... Новое. Незнакомое.

А я почему-то вспыхнула, решив, что сегодня вечером муж явится в мою спальню за первым супружеским долгом. И даже самой себе

боялась признаться, что эта мысль уже не вызывает во мне бывшего негодования и протеста.

События в замке Макинтоша что-то изменили между нами. Теодор спас меня в самый последний момент! Пришел тогда, когда я уже не надеялась избежать отвратительной и унижительной участи...

Вот только все было напрасно — той ночью Рутланд не пришел.

А я... На следующее же утро, после завтрака я взялась за свой новенький рукодельный чемоданчик. Он ведь тогда так и остался лежать в карете — наемники, понятное дело, не польстились швейными принадлежностями. Джьюд позаботился о том, чтобы чемодан и ткани, которые я накупила, вернулись в Трентон.

Мишка, которого я наполовину с помощью пробудившейся у меня магии, которую я про себя называла «мишечной», наполовину с помощью иголки и ниток, сотворила в тот день, был особенным!

Шоколадный плюш, из которого он был пошит, казалось, лоснился и переливался крошечными искорками. Лапки были проработаны атласом в тон, а на шею игрушки я повязала ярко-красный вязаный шарф. Пряжу я прикупить не догадалась, потому позаимствовала ее в заброшенной мастерской первой жены Рутланда, которая тоже явно увлекалась рукоделием.

Пускать меня туда, разумеется, никто не собирался, но с Нутеллиной книгой заклинаний можно было открыть любой замок.

Топтыгин вышел большим, пушистым, мягким и уютным, с умными глазами и добродушной славной мордахой. Только что не говорил.

В тот вечер я с заговорщическим видом заглянула в комнату Брианны и предложила ей закрыть глаза.

Девочка, которая с унылым видом сидела на ковре в окружении паукообразных куколок из магазина Талулы Пайк, послушно выполнила мою просьбу.

Я посадила мишку прямо перед ней и торжественно сказала:

— Открывай!

Надо было только видеть выражение лица Брианны! С восторгом глядя на мишку, девчушка прошептала:

— Какой чудесный!

— Это тебе!

— Мне?

Она несколько секунд словно была в растерянности, а затем кинулась обнимать сначала мишку, потом меня, а затем обоих вместе! Куклы были мигом позабыты.

— Я назову его Дамиан, — сияя, сообщила малышка. — Дамик!

— Вот только он совсем не Белоснежный, — улыбнулась я, вспомнив про снеговика. — Да и на принца не похож...

— Он самый лучший на свете! — запротестовала Брианна. — И ты... тоже. Как папа.

От таких слов у меня слезы навернулись на глаза.

С тех пор Брианна не расставалась с мишкой ни на минуту, несмотря на ворчание бонны Зелиг, что юной леди больше пристало играть в более возвышенные и благородные игрушки.

Но занятнее всего было наблюдать за Теодором, когда к ужину мы с Брианной спустились за руку, а другой рукой она крепко прижимала к себе нового друга. Девчушка усадила медвежонка на стул рядом с собой, повязала ему салфетку и важно объявила, что сэр Дамианос желает отужинать рыбными палочками, картофельным пюре и большим пирожным. И она сама тоже от всего этого не откажется.

Я знала, что аппетит у девочки был не очень хороший — за столом она едва ли съедала ложечку каши или кусочек яблочка, и искренне порадовалась тому, что у ребенка наконец проснулся аппетит. А Теодор еще больше.

— Вижу, у тебя появился симпатичный друг, Бри, — заметил он. — Нужно передать Лидии благодарность, что прислала тебе этот подарок. Может быть, что-то подарить в ответ?

Брианна рассказала мне, что именно Лида Гарднер снабжала ее игрушками — теми самыми пугающими куклами, которых уже некуда было девать.

Мне было очевидно, что хитрая леди таким образом хотела подлизаться к Теодору через Брианну. Но вслух я, конечно, ничего не сказала.

— А это не леди Гарднер подарила мне Дамика, а Цици! — чистым звонким голосом сказала Брианна. — Папочка, представляешь? Она сама его сшила! Она обещала и меня научить! Дамику нужна теплая шапочка и носочки, а то ему холодно будет гулять. Можно, мы возьмем мамину швейную машинку, папочка? Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Это было бесценно, ей богу! Шокированное выражение лица Рутланда, когда он воззрился на меня.

— Это правда? — не выдержал муж. — Вы сделали эту игрушку... сами? Зачем?

Ох, милый, да я еще не то могу!

— Леди Гарднер хотела передать Брианне очередную куклу, но я отказалась, уж простите, милорд, — без обиняков заявила я. — По моему, игрушки из салона леди Пайк лучше коллекционировать, чем покупать детям. У меня от этих кукол мурашки по коже!

— Да, папочка, можно, мы их уберем? — вмешалась Брианна. — Я не хотела говорить, чтобы не обижать леди Гарднер и леди Пайк, но от тех кукол, что она присылает, мне немножко не по себе...

— Брианна! — коршуном взвилась бонна Зелиг, которая тоже присутствовала за ужином, но до этих пор помалкивала в тряпочку. — Разве можно так говорить о куклах, которые добрая леди дарит тебе от всей души?

И зыркнула на меня. Мол, ты-то не от всей души медведя этого клятого подарила!

— Моя дочь может говорить все, что думает, — обрубил гувернантку Теодор и внимательно посмотрел на дочку. — Если ты хочешь, Бри, мы сегодня же соберем кукол, и Джьюд отнесет их на чердак.

— Лучше в подвал, — подсказала я, улыбнувшись Зелиг, которую от этого аж перекосило. — И вообще, может их нужно как-то проверить...

— На предмет чего? — с интересом взглянул на меня Теодор.

— На предмет... темной магии, например. Что, если через них мара и проникает в Трентон...

Я захлопнула рот прежде, чем сообразила, что сказала.

— Это очень серьезное обвинение в сторону леди Гарднер, Цицинателла, — сухо сказал Рутланд, но вид у него при этом был задумчивый.

— Ну, разумеется, милая и добропорядочная Лида не может оказаться королевой детских кошмаров! — не выдержала я, швырнула салфетку и вышла из-за стола, бросив. — Приятного аппетита.

Бесит! Просто бесит!

Значит, я — порождение тьмы, а Лидия — святой невинный ангелочек, ну да, ну да!

— Цици, подожди! Мы уже доели! Мы с тобой! Расскажешь сказку на ночь? Ту, про тетю, которая попала в замок пугалища...

Брианна, не расставаясь с мишкой, выбежала из-за стола и прижалась ко мне.

— Не пугалища, а Чудовища, — негромко поправила я и крепко взяла девочку за руку. — Бонна Зелиг, этим вечером вы свободны. Я сама уложу Брианну,

После чего мы с девочкой гордо удалились, оставив Теодора и злюку-гувернантку с открытыми ртами.

В тот же вечер куклы с паучьими конечностями были отправлены в большой сундук, и выдворены из комнаты Бри. А уснула девочка сладко-сладко, крепко прижимая к себе мишку.

И никакая мара к ней не приходила ни в эту, ни в последующие ночи.

В один из дней Джьюд, ни слова не говоря, подошел ко мне и протянул какой-то ключ. Я не сразу поняла, зачем... И только через пару мгновений до меня дошло — это ключ от мастерской Чантэль Рутланд.

Хорошенько осмотрев ее, я пришла к выводу, что бывшая жена Теодора увлекалась плетением кружев. И невольно ее зауважала, ведь это очень тонкая работа.

Привести комнатку в порядок стоило немалых усилий. Но я не стала прибегать к помощи слуг или магии из Нутеллиной книжицы — хотелось сделать все самой. Никогда не думала, что скажу это, но я соскучилась по уборке! С каким-то особенным удовлетворением я снимала пыльные чехлы, скребла, числила, мыла, выметала пыль из всех углов, подстраивая давно заброшенную комнату под себя. По моей просьбе Джьюд прислал мастера, который починил сломанную швейную машинку Чантэль. Сюда же я перетасила свой швейный чемоданчик и ткани, которые купила в городской лавке.

Брианна в обнимку с мишкой оказала мне в обустройстве мастерской неоценимую помощь! В этой румяной озорно смеющейся девчушке с трудом можно было узнать ту бледную робкую девочку, которую я увидела в день своей свадьбы, когда она, забившись в уголок дивана, безучастно глядела на снег.

Думаю, огромную роль в этом преображении сыграло то, что чудовище ночных кошмаров прекратило являться к ней. Я так же подчеркнуто сухо заметила Теодору, что мара не приходила ни разу с тех пор, как из комнаты Бри убрали кукол... Я ждала в ответ новой грубости, но он лишь сказал, что тщательно проверил их, но следов темной магии не нашел. А еще сказал, что почти нашел мару, но не может увидеть ее лицо.

— Значит, вы больше не считаете, что мара — это я? — с удивлением поинтересовалась я.

— А я так никогда и не считал, миледи, — ответил муж, и неожиданно поцеловал мне руку, отчего мое сердце пропустило удар, а потом забилось сильнее.

Стоит ли говорить, что мою спальню он теперь почему-то обходил стороной. После моего похищения Теодор ни разу не заговорил о брачной ночи, да что уж там — ни разу не обнял, не поцеловал меня.

Лишь только смотрел как-то по-новому. В этом взгляде не было страсти и желания. А было какое-то иное чувство, понять которое я не могла.

Иногда мне казалось, это оттого, что теперь, после лорда Макинтоша, я сделалась ему противна. Эта мысль, наверное, должно была радовать. Но почему-то вызывало тоску и даже печаль.

Потому, чтобы отвлечься, я занималась делом.

В мастерской осталось только помыть стекла, но они были в потолке и я до них не дотягивалась. Как выяснилось, в этом мире и слыхом не слыхивали про такую вещь, как стремянка! Ужасное упущение!

Я самолично отправилась к трентонскому плотнику, выдала ему криво нарисованный чертеж собственного авторства и четкие указания.

Теодор в этот момент, как назло, оказался в плотницкой — они с плотником обсуждали какие-то опорные столы для мануфактуры. Муж посмотрел на меня так, будто я не чертеж лесенки плотнику дала, а полное руководство к вызову дьявола путем зверского жертвоприношения.

Вручив коренастому дядьке листочек, я пожала плечами и вышла, оставив мужчин обсуждать свои дела.

Вскоре стремянка была готова, и мастерская преобразилась, сияя новизной, чистотой и уютом.

У Дамиана появилась целая компания друзей, и даже невеста точно в таком же шарфе, только с узором. Там была даже точная копия Несквики, который согласился позировать.

Так что в шкафу в комнате Брианны теперь вместо стоящих ровным, точно солдаты, строем кукол появились уютные мишки в разнообразных одежках. С помощью плотника они обзавелись большим деревянным домом с мебелью.

Бонна Зелиг только зубами скрипела, глядя на все это. Не сомневаюсь в том, что гувернантка, невзлюбившая меня с первого взгляда, продолжала капать Рутланду. Но, думаю, он ее не слушал, потому что больше никаких препятствий моему общению с Брианной не чинил.

Муж, вообще, словно бы стал избегать меня. И меня почему-то это ужасно задевало.

Мне даже показалось, что на благотворительный бал он меня отправит в одиночку.

Но нет — поехали вместе. Он даже — удивительно! — не верхом, как всегда, а сел со мной в экипаж.

Если не Теодор, я б, наверное, побоялась дороги, после того, как меня похитили. Но с ним рядом я чувствовала себя в полной безопасности.

Я изо всех сил старалась смотреть на красоты местной природы, прекрасной в своей первозданной дикости, словно пейзажи Новой Зеландии. Но вместо этого постоянно украдкой смотрела на своего мужа, поражаясь, насколько же он мужественен и красив.

В нем чувствовался характер, порода, какая-то магическая внутренняя сила, что отражалось во внешности. Клянусь, я действительно до этого времени не видела мужчин с такими волевыми, твердыми, чистыми и четкими чертами лица. Быть может, только каких-нибудь актеров. Да и то... Нет, и они никак до Теодора недотягивали!

И я лучше промолчу о его фигуре... Обычно Теодор одевался просто, но сейчас, в парадном темно-синем атласном фраке и бархатных бриджах он был просто великолепен.

— Вы на мне дыру протрете, миледи, — усмехнулся муж.

Я вспыхнула и залилась краской.

— Я... я вовсе не на вас смотрела! А... на ваш фрак, да. У вас тут... что-то...

Пришлось смахнуть пальцами несуществующую пылинку с его плеча.

— Уже пылинки с меня сдуваете? Мило.

— Не буду! — разозлилась я и демонстративно отвернулась.

Вот только я понимала, что злюсь на саму себя. Я ведь и правда самым бессовестным образом на него глазела. А потом еще и так неловко попыталась оправдаться...

Глава 24

В обществе Теодора дорога пролетела незаметно, и вскоре экипаж уже катился по улицам города. С погодой творилось что-то странное — внезапно, словно по мановению волшебной палочки, наступила оттепель. Мокрый снег, постепенно перерастающий в дождь, барабанил по крыше кареты, обливая прозрачной глазурью крыши и острые шпили.

Вскоре мы миновали площадь с каким-то памятником в центре и остановились около огромного здания с двумя башнями по бокам, увенчанными застекленными куполами, огромными окнами, ажурными козырьками и балкончиками. В надвигающихся сумерках они светились ярко, как китайские фонарики.

Кареты стекались к парадному входу, украшенному резными барельефами и статуями. Я не ожидала, что Теодор предложит мне руку — его пальцы были твердыми и теплыми. Едва выйдя из кареты, я в расшитых кружевами башмачках тут же поскользнулась на брусчатке, и точно грохнулась бы, если не муж.

Внезапно он подхватил меня на руки и перенес через мокрый скользкий снег, аккуратно поставив на ступеньках лестницы. Я смущенно поблагодарила Теодора, а он слегка насмешливо поклонился. Но руки не убрал.

Именно так, рука об руку, мы и вошли в огромный вестибюль, увенчанный куполом. Слуга тут же подскочил принять одежду. Освободившись от накидки, я почувствовала на себе восхищенные взгляды мужчин и завистливые — женщин.

Цици здесь может быть, и не любили, но глаз от нее отвести не могли. А я... Кажется, я словно привыкла к этим взглядам и шушканьям за спиной. Они меня не трогали. Впрочем... В этот раз мне как будто показалось, что в них не было неодобрения... Не знаю...

Наверное, после миткалевого свадебного «наряда» многие обсуждали мое платье, которое по своей роскоши и сложности кроя было полной противоположностью тому убожеству. Для благотворительного бала мисс Фиц-Патрик сотворила для меня платье ярко-красного, пламенеющего цвета, украшенное золотой нитью и

рубинами. При кажущейся закрытости, оно здорово подчеркивало мои новые пышные формы.

В своем мире и в своем теле я привыкла быть серой мышкой и, отправляясь «на люди», привычно выбирала серые или черные цвета. Уж никак не красный и золотой!

И вот, впервые в своей жизни (не считая собственной свадьбы, но то — особый случай!), я почувствовала, что все внимание приковано ко мне. Ох, может, зря я так ярко вырядилась-то, а? Вон все леди-то в основном в платьишках бледных расцветок. Благотворительный бал, как-никак...

Но важнее всего для меня был взгляд моего собственного мужа. А в нем я прочитала восхищение.

Если не обманывалась, конечно.

— Милорд Рутланд, как я рада вас видеть!

Да уж, ты-то рада, нисколько в этом не сомневаюсь...

Лида Гарднер в сопровождении компании друзей на всех парах спешила к нам, едва только завидела Теодора. Пожалуй, именно сейчас мы с ней представляли особенно разительный контраст.

Я в ярко-красном, от которого было даже больно глазам и эта отчаянно влюбленная в моего мужа девушка в платье цвета яичного желтка. Совершенно игнорируя меня, она завела какой-то вежливый разговор с Теодором, полный скрытых намеков, которые, впрочем, муж не замечал. Он был с ней безукоризненно вежлив и только.

Мне было забавно наблюдать на безуспешными попытками Бо Пип клеиться к моему мужу, ведь все они разбивались о его отстраненность, и, по правде говоря, выглядели очевидно и жалко. Тут заодно и что-то такое вкусное, медово-ягодное в бокале принесли: я пила и наслаждалась шоу.

Впрочем, мое имя в разговоре все-таки прозвучало.

— Я так хотела сделать вашей очаровательной малышке небольшой презент, милорд. Но леди Рутланд не приняла его...

В голубых глазках Гарднер блеснули слезы обиды. Мол, я от всей души и чистого сердца, а вы... Актриса она, по-моему, была никудышная. Весь этот пассаж был насквозь пропитан фальшью.

Но лица гостей, которые стояли к нам близко и слышали, наполнились сочувствием.

— Подарок? — рассеянно переспросил Теодор, как будто находился мыслями далеко отсюда.

— Да, я говорю о чудесной куколке, которую мы сделали вместе с леди Талулой Пайк, — грустно улыбнулась Гарднер, прямо-таки насильно вызывая сочувствие. — Я надеялась, что ваша крошка сможет поиграть с этой очаровашкой, но... Черствость и грубость некоторых не знает границ.

И притворно вздохнула, выразительно взглянув на меня. Все в ней буквально кричало: «Это я! Я бы стала тебе лучшей женой и матерью твоей дочери, а не эта разряженная и расфуфыренная стерва, которая никакого отношения к детям не имеет!».

И это еще про меня Рутланд говорил, что я пытаюсь через дочь влиять на него. Да тут попытка подкупа в чистом виде!

Ну вот, судя по всему, сейчас муж напустится на меня из-за того, что нагрубила милой и доброй Лиде. Странно. А мне ведь показалось, что он стал ко мне немножечко терпимее...

— Я ценю ваше доброе отношение к Брианне и ваше стремление порадовать мою дочь, леди Гарднер, но я бы не хотел баловать ее чрезмерным количеством игрушек, — сказал Теодор. — Потому в данном случае я солидарен со своей женой.

Я поперхнулась своим морсом и громко закашлялась. Не слушая, что ответила Лида, муж озабоченно ринулся ко мне и осторожно похлопал меня по спине.

— Спасибо, — прохрипела я, но все еще не могла прийти в себя от изумления.

Мне не послышалось? Он действительно меня сейчас поддержал? Чудны дела твои, Господи!

Лида слегка порозовела, но, сдаваться явно не собиралась, и снова ринулась в бой:

— Милорд, я бы хотела пригласить Брианну к себе в Хортген на несколько дней. У меня в имении ей будет очень весело. Крошка сможет поиграть с моими маленькими племянниками, ведь детям ее возраста так важно общение со сверстниками...

— Мы с Цици обязательно обдумаем ваше гостеприимное приглашение, — заверил Теодор, после чего Лида, наконец, отстала.

— И обдумывать нечего, — нахмурилась я, даже не позаботившись, чтобы мы с ним отошли на достаточное расстояние. —

Нечего Брианне делать в этом Хортгене, одно название чего стоит, прости господи!

— Но она действительно очень мало общается с детьми ее возраста, — покачал головой муж.

— Это не обязательно должны быть племянники Лидии Гарднер!

— Если бы я не знал вас, миледи, то подумал бы, что вы ревнуете, — усмехнулся Теодор, чуть крепче сжав мои пальцы и выглядя при этом очень довольным.

Это заявление привело меня прямо-таки в состояние бешенства, поэтому руку я вырвала.

— Вот еще! Ревную, как же, ага! Просто эта Гарднер всегда казалась мне очень... подозрительной. Опять-таки, куклы эти ее страшненькие...

— В куклах я никаких следов темной магии не обнаружил. Я не думаю, что мара — это леди Гарднер. А вы, Цици, можете не беспокоиться. Я целиком и полностью принадлежу вам, — ухмыльнулся муж, не сводя с меня откровенного взгляда, от которого я залилась краской.

— Нужно мне такое богатство!

Мне следовало уйти от него подальше, а не то точно огрею наглеца чем-нибудь тяжелым. Например, вон той вазой. Ишь ты, и лыбится так довольным, как кот, сметаны объевшийся!

Господи, и ну почему, почему он так божественно красив?

Я так стремительно бросилась прочь от своего ненаглядного мужа, что со всего размаху налетела на какую-то девушку.

— Простите!

Секунда — и я узнала в ней обладательницу длинных рыжих волос Элен Гросс, знакомую мне по собранию рукотворного клуба.

— О, леди Рутланд! Я вас повсюду ищу! — обрадовалась девушка и доверительно понизила голос, — Мне нужно вам кое-что рассказать...

Поначалу я как-то насторожилась, памятуя о своей «нехорошей» репутации и о том, что меня тут не очень-то жалуют, но Элен выглядела искренней, поэтому мы с ней отошли подальше, к французскому балкончику, с высоты которого открывался великолепный вид на город.

— Я должна вам кое-что рассказать! — решительно выпалила Элен. — И... поблагодарить!

— Поблагодарить? Но за что?

— За Энеля, — серьезно сказала девушка. — За моего младшего брата. Теперь он может спокойно и крепко спать.

Я приподняла брови, искренне не понимая, причем здесь я.

— Все дело в вашем мишке. Да, да, не удивляйтесь! Стоит ли говорить, что Эник был в полном восторге, когда увидел медвежонка. И вот, с тех пор, как он стал спать с ним в обнимку, мара прекратила приходить к нам и пугать его... — тихо закончила Элен.

Странно, но первое, что я ощутила — почему-то испуг и неуверенность.

— Наверное, это какое-то совпадение, случайность...

— Нет, милая леди Цицинателла, это не случайность, — девушка ласково взяла меня сразу за обе руки. — Именно ВАШ мишка, эта игрушка, которая была сделана ВАШИМИ руками, защищает Энеля. Мы с батюшкой и матушкой видели! Сами видели... Вы, вы просто не представляете! Хотя, чего это я, наверное, вы знаете, раз заложили в него такие силы! В тот вечер я была в его спальне — читала ему книжку на ночь. Эник только уснул, обнимая медвежонка, как вдруг вокруг него за клубился черный туман — это мара явилась, чтобы проникнуть в его сон... Я прочитала заклятье, которое посоветовал господин Марв — муж нашей леди Марв, у него очень сильный дар... Но оно не помогло! Затем тьма сгустилась и я увидела очертания женщины с кожистыми крыльями. Я не видела ее лица, но она была страшной, такой страшной, леди Рутланд! Она уже протянула к моему несчастному братику свои увенчанные когтями руки... Как вдруг мишка, которого Эник крепко прижимал к себе, засветился золотисто-зеленым светом, словно образуя вокруг брата защитную сферу. Чудовище издало вопль и начало биться и царапаться об эту сферу, но не смогло и пальцем тронуть Эника — он продолжал крепко и сладко спать! Мара взвыла, а затем снова обратилась черным дымом и ускользнула в дымоход и больше уже не появлялась! Об одном жалею — что я не разглядела ее лица. Тогда бы мы уже знали, кто это... Спасибо вам, дорогая, хорошая леди Рутланд! Признаться, я, как и некоторые, вас подозревала... Простите, это было очень дурно, вы

простите меня? На самом деле вы — наша спасительница! Скажите, сможет ли наша семья как-то отплатить вам?

По правде сказать, я стояла соляным столбом. Вот чтобы так сразу переквалифицироваться из ведьмы в спасительницу — это было для меня слишком.

Я не придавала особого значения этой «мишечной» магии, что у меня вдруг обнаружилась, но, что, если мои мишки действительно способны защитить детей от мары?

С трудом верится в рассказ Элен! Но... А ведь правда... Сколько времени прошло, как я сотворила для Брианны Дамианоса и других мишек? С тех пор повелительница кошмаров ни разу не прилетала к ней и не нарушала ее сны...

Поверить не могу!

Я была настолько ошарашена, и даже не обратила внимания, что, по программе бала начались танцы. И, когда ко мне резво подступил какой-то кавалер, лица которого я даже не разглядела, я рассеянно ему кивнула и пошла танцевать. Двигалась совершенно машинально, и была целиком и полностью поглощена своими мыслями, которые крутились исключительно вокруг мишек. Вот тебе и просто хобби! А на самом деле, по сути своей, очень мощное оружие.

Но вдруг это неправда? Как проверить?

— Он готов, — внезапно послышался чей-то голос, и я с удивлением поняла, что это говорит мой партнер по танцу.

Поглощенная мыслями, я даже сначала не поняла, что обращается он ко мне, и присмотрелась внимательнее. Какая-нибудь девица, наверное, могла бы назвать этого товарища красивым, но уж точно не я. Он был весь какой-то лощеный, гладкий, со слащавой улыбочкой, как будто приклеившейся к губам. В своем переливающимся фраке партнер по танцу вдруг почему-то напомнил мне пиявку.

— Это хорошо, что готов, — занятая своими мыслями, машинально проговорила я. — А он — это кто?

— Как кто? — не переставая улыбаться, переспросил этот товарищ. — Яд, который вы просили, леди Цицинателла.

Я поперхнулась и сбилась с такта, но мистер Пиявец поддержал меня и повел дальше.

— Вы же сами предоставили мне рецепт, «Вечный сон муженька», — напомнил мужчина. — То самое зелье, которое не

оставляет никаких следов, ни физических, ни магических. Которое готовится и настаивается полгода. Оно сейчас у меня! Вы можете забрать его... после первой части оплаты. Вторая часть, как и договорились, после того, как вы унаследуете состояние Рутланда.

Я не могла сказать в ответ ничего вразумительного и только хлопала ресницами.

Называется, приплыли! Это чего такое выясняется, а?

Значит, Нутелла хотела отравить Теодора и завладеть его состоянием, потому поручила этому самому Пиявцу приготовить яд! Я прекрасно помню это название и тот рецептик из гримуара Нутеллы.

А я-то уже успокоилась, думала, сюрпризы от этой гадюки закончились. Рано радовалась, блин!

— Тут, видите ли, какое дело, уважаемый господин... Гаррик, — имя Пиявца пришло мне на ум и легко слетело с языка. — Я, наверное, от нашей с вами сделки... откажусь. Яд-то он, конечно, ядом, но передумала я, понимаете? Не хотелось бы человека жизни лишать. Что говорит шестая заповедь?

— Что говорит? — не понимая, что происходит, нахмурился Гаррик.

— Не убий, — наставительно вымолвила я, испытывая огромное желание оказаться подальше отсюда. — Вот и давайте с вами ей следовать, вы же со мной согласны? Ой!

К сожалению, Пиявец, наоборот, высказал решительное несогласие — отволок в сторонку, пребольно ухватил за плечо, и зашипел прямо мне в лицо:

— Что значит, передумали, миледи? Мы с вами, кажется, договорились! Вы предоставляете мне рецепт — я исполняю! Вы же помните, что зелье нужно почти непрерывно помешивать — лишь только в этом случае оно будет действовать. Я полгода почти не отходил от котла — даже естественные нужды справлял тут же! И сейчас вы смеете мне говорить, что передумали?

Упс! Как-то совсем неловко вышло... Бедный Пиявец полгода без остановки мешал ядовитое варево, в туалет отлучиться — и то не мог. Полгода жизни провести у котла, рассчитывая получить за это хорошее вознаграждение, и так обломаться.

Может, мне даже стало бы жалко незадачливого зельевара, но, в конечном счете, дело он задумал недоброе, поэтому так ему и надо.

Вся проблема в том, что он это задумал вместе с Нутеллой, а не со мной.

Но разруливать ситуацию теперь должна я!

А если Теодор узнает? Он никогда в жизни мне этого не простит! А то и, невзирая на приворот, в тюрьму кинет и будет совершенно прав. Покушение на убийство — это тебе не хухры-мухры.

С Пиявцем следовало немедленно договориться, пока он не поднял ор до самых небес.

— Вот что, — спокойно проговорила я, хотя внутри вся дрожала. — Я действительно передумала... использовать это зелье. Но я не могу не войти в ваше положение, господин Гаррик, ведь вы затратили на его изготовление много времени и сил. Предлагаю выкупить яд за четверть от той суммы, на которую мы договаривались изначально.

— Четверть? — от возмущения Пиявец аж задохнулся и еще сильнее стиснул мое плечо. — Да как ты смеешь...

— Что здесь происходит?

Я нервно сглотнула, надеясь, что голос мужа мне послышался, но нет... Его силуэт навис над нами, высокий и угрожающий. Вот и все, капут котенку... Сейчас Пиявец выдаст меня с потрохами. Ну, то, что замышляла убийство Теодора. Даже яд, думаю, предъявит. В доказательство.

Проклятая Нутелла!

— Господин Гаррик, — в ледяном голосе Теодора сквозило презрение, и даже отвращение. — Что-то вас давно не было видно. Уезжали куда-то?

— Я... — начал Пиявец покосился на меня. — Я был дома. Приболел, знаете ли. Выражаю искренне сожаление, что не смог попасть на ваше бракосочетание.

— Не сказал бы, что испытываю схожие чувства, — осклабился Теодор, буравя Пиявца взглядом. — Особенно учитывая тот факт, что вы зажали в темном углу мою жену.

— Я всего лишь хотел сказать, что ПОЛОВИНА из присутствующих здесь дам уступает леди Рутланд в красоте, — Гаррик бросил на меня выразительный взгляд.

Что ж, посыл понятен. За молчание его не устроит четверть. Ему нужна половина. Либо он выдаст меня прямо сейчас.

Ситуация патовая, конечно! Я ведь вовсе не планировала убивать своего мужа. Вот только кто мне поверит-то, если Пиявец заговорит?

Он явно раздражал Теодора, причем настолько, что я диву давалась — почему он до сих пор на него не бросился. Похоже, репутация у этого Гаррика была немногим лучше Цицинателлы. А, может, даже и хуже.

— Весьма сомнительный комплимент, — процедил Рутланд. — Впрочем, я бы предпочел вовсе их не слышать из ваших уст в адрес своей жены.

— Тогда, может, вам бы интересно было услышать кое-что другое... — Пиявец хихикнул, и полез в карман.

Очевидно, чтоб предъявить яд и все рассказать!

— Я согласна и на такой! — поспешно объявила я, повиснув на руке Теодора, которую тот вроде как занес для удара.

— Раз согласны — то хорошо, миледи.

Пиявец заметно расслабился, руку от кармана убрал и очень быстро исчез из поля зрения. Только его и видели.

Великолепно! Теперь я должна ему черт знает сколько денег!

— Какие у вас дела могут быть с этим... — Теодор не договорил какое-то слово, подозреваю, непечатное.

— Совершенно никаких, — поспешила заверить я, поспешно придумывая, как выкрутиться. — Господин Гаррик действительно хотел поздравить нас с прошедшим бракосочетанием...

Выкрутилась, ага! Мои слова прозвучали так жалко и неубедительно, что только очень наивный человек в них бы поверил.

Наивным Рутланд точно не был. И мне явно не поверил. В его взгляде мелькнуло... разочарование. Благо, хоть расспрашивать меня не стал. Просто с тихой угрозой сказал, чтоб держалась от Гаррика подальше.

Черт, я и сама бы рада! Только теперь не получится...

После этого инцидента уже Теодор не отпускал меня от себя, вот только теперь между нами словно черная кошка пробежала. Муж хмурился и смотрел с подозрением. А вскоре объявил, что нам здесь больше делать нечего.

Я была прямо противоположного мнения — наоборот, начиналось самое интересное — выступление музыкального коллектива

«Еретики». Очень хотелось послушать их музыку, а еще... потанцевать с Теодором.

Он был так статен и красив — глаз не отвести. Лидия Гарднер и не отводила их... весь вечер.

Внезапно раздалась красивая и мелодичная музыка, переливы волынки, флейты и арф — это играли ребята в фиолетовых балахонах, расположившиеся неподалеку. Те самые «Еретики», надо полагать. Несмотря на странное название группы, я была восхищена нежностью мелодии.

В этот момент я увидела Лиду, которая с очень решительным и вдохновенным видом шла к нам. Я уже немного знала местные обычаи — если леди приглашает господина танцевать, он не имеет права отказать ей. Считается дурным тоном и вообще фу-фу-фу.

Так что если я сейчас не приму каких-нибудь мер, противная Бо Пип у увех на глазах утащит моего мужа.

Приглашать мужчин на танец мне до этого не доводилось. Сейчас вон вообще откажет, после всего, что между нами произошло, вот смеху-то будет.

— Потанцуйте со мной, милорд, — тихо попросила я и взглянула Теодору в глаза.

Он с удивлением смотрел на меня. Готова поклясться, он не видел Лиду и не подозревал о ее коварном замысле. Сейчас он видел только меня. Подозрение в его взгляде сменилось чем-то другим...

Все не отрывая от меня пламенеющего взора, муж вытянул руку и я положила поверх свою. В этот момент я напрочь забыла о том, что всего-то навсего хотела сорвать планы Лиды.

Теодор положил руку мне на талию и закружил в танце. Я чувствовала его совсем рядом, ощущала его могучее тело и смотрела в медово-карие глаза. Пожалуй, впервые мне было так сладко... Так, что дрожь пробежала по моему телу — от макушки до кончиков пальцев.

— Это от отвращения? — хрипло спросил Теодор, почувствовав, что вздрогнула. Его дыхание коснулось моей оголенной шеи. — Или...

Он не закончил — ответ был в его глазах. Я отражалась в них, как в зеркале. словно в каком-то заколдованном лабиринте, из которого я не могла, да и не хотела найти выход. Ко мне вдруг пришла дурацкая мысль, что приворот Нутеллы начинает действовать зеркально — на меня.

Музыка смолкла слишком внезапно, грубо вырвав меня из грез. Заставив проснуться.

— А вот теперь мы можем идти, — с чувством сказала я, глянув в сторону Лиды, которая вроде как снова рыпнулась в нашу сторону.

И увлекла Теодора прочь. Он набросил мне на плечи накидку и не заметил господина Гаррика, который стоял неподалеку, провожая нас взглядом. Пиявец ухмыльнулся и легонько кивнул мне.

Ой, ну вот... Вляпалась я до кучи с этим ядом!

Подлая, подлая Нутелла!

Костеря про себя эту гадюку, на чем свет стоит, я вдруг с удивлением поняла, что, как раньше, совершенно не думаю о том, что она сейчас делает в моем мире. Даже более того — думаю о Яне Ершовой, как о совершенно другом человеке, не ассоциируя ее с собой.

Да и зачем, ведь вся моя жизнь теперь — здесь. И мужчина, при взгляде на которого мое сердце замирает, тоже здесь. А что, если сегодня он все-таки доберется до моей спальни?

Мысль повергла в ужас, но одновременно вызвала какое-то непонятное возбуждение.

Впрочем, нет. После моего пребывания в замке Макинтоша — едва ли...

На город уже опустилась ночь, но площадь была ярко освещена. Экипаж поджидал нас с Теодором около бокового входа. Муж галантно распахнул передо мной дверь кареты, как вдруг...

— Милорд Рутланд! Вы позволите поговорить с вашей женой?

Кажется, число людей, которые хотели поговорить со мною, росло в арифметической прогрессии.

Это были юноша и девушка. И явились они определенно не с бала, так как были одеты очень просто, даже бедно. На девушке был простой шерстяной плащ, она придерживала капюшон от ветра, чтобы не спадал. Она выглядела очень бледной и измученной, а под ее глазами залегли темные круги.

Что касается ее спутника, то в глаза первым делом бросалась не одежда, а густая шапка каштановых кудрей. Ну и то, как он трогательно поддерживал девушку за руку.

Самое интересное, что Теодор, похоже, знал их обоих. Он назвал кудрявого юношу Дерилом, а девушку Сеоней и приветствовал их

очень тепло. Они же обращались к Рутланду очень уважительно. Я бы даже сказала, с почтением.

Через пару минут разговора я поняла, кто это такие — Дерил работал на мануфактуре Теодора, а Сеона была его невестой. Они собирались пожениться.

— Миледи Рутланд, у нас к вам очень необычная просьба, если вы позволите... — волнуясь и заикаясь начал Дерил. — Селена — близкая подруга леди Леолы Латук и леди Эллен Грос... Она услышала о чудодейственной магии медведя, сделанного вашими руками, что отпугивает мару. Вы не могли бы и для Сеоны сотворить такую игрушку? Ночное чудовище замучило ее, запугало кошмарами, особенно сейчас перед нашей свадьбой. Никакие заклятья и обереги не помогают. Сеона измучена, почти не спит... Мы готовы заплатить за этого медвежонка любые деньги!

По мере рассказа юноши Теодор все больше и больше хмурился, а затем уставился на меня с таким выражением, будто видел впервые. В этом взгляде вообще было много разнообразных чувств, например удивление, подозрение, и черт знает, что еще...

Под этим взглядом мне пришлось без утайки рассказать про заседание клуба «Рукотворушка», на котором я присутствовала, а еще про то, что мне поведала недавно Элен Гросс.

Я внезапно поняла, что косвенно знаю этих двоих. Леола Латук, действительно была такая в прошлый раз. И рассказ девушки про то, что мара мучает ее подругу, погружая ее в кошмары о смерти возлюбленного, я тоже вспомнила.

— Но, может быть это не действует на самом деле... А с братом Эллен все вышло случайно, по какой-то другой причине... — растерялась я, но затем с решимостью заявила. — Конечно, я сошью для вас мишку! Это будет мой свадебный подарок.

Парочка очень долго нас не отпускала — молодые люди рассыпались в благодарностях, особенно Дерил. В отношении меня прозвучали такие слова, как «великодушная», «добрая», и даже «смелая». А Теодор слушал все это и загадочно молчал. То ли не поверил, то ли обдумывал. А может просто пребывал в состоянии глубочайшего шока, оттого, что меня называли «великодушной».

— Игрушечные медведи, значит, — проронил он, когда карета тронулась с места. — Быть того не может.

— Разумеется, не может... — огрызнулась я, отвернувшись к окну. Не знаю почему, но очередное неверие мужа ранило меня сильнее, чем я бы того хотела. — Я могу творить только зло, вы разве забыли?

— Мара больше не приходила к Брианне... С тех пор, как у нее появились ваши медведи, — словно не обращая на меня внимания, продолжал Теодор. — Бонна Зелиг говорит, что это ее заслуга. Ее шаманской магии...

— Гнать ее надо в шею, эту бонну Зельгскую. Проходимка с садистскими наклонностями! — припечатала я.

— Не я избрал ее бонной для Брианны, — Рутланд смотрел на меня, а как будто бы сквозь меня. — Это был выбор Чантэль. Она привезла эту женщину из поездки в свой родной город. Это небольшая провинция на самом севере Равенны. Чантэль сказала, что бонна всегда должна находиться при Брианне. Что она очень сильная шаманка и защитит ее тогда, когда никто не сможет...

Я боялась даже дышать, чтобы спугнуть то, что прозвучало в его голосе. Он впервые говорил со мной о своей бывшей жене, которая трагически погибла от когтей этих самых злобных белых медведей — вербэров. Это было доверие и откровенность. Я вспомнила, как в нашу первую брачную неудачную ночь Теодор сказал, чтобы я не смела произносить имя его жены. И вот, все, кажется, поменялось. Значило ли это, что мы стали ближе?

— Если вы нуждаетесь в тканях или швейных принадлежностях... — вдруг проговорил Рутланд. — Все необходимое можете взять в моем магазине, там как раз новый завоз тканей.

— Благодарю, но я уже нашла один приятный магазинчик, называется «Швейное дело». Там еще рядом продают жареные личинки... ой, козы кишки.

— Мне тоже не нравится соседство с этой харчевней, — поморщился Теодор. — Я много раз предлагал хозяину выкупить помещение. Но ему уж больно нравится место в центре города. Как будто за те деньги, что я предлагаю, нельзя купить такое же, даже лучше и больше. Но он бестолков и упрям, как осел!

— Не нравится соседство? Я не совсем понимаю... Так «Швейное дело» — ваш магазин?

— А вы как будто об этом не знали, сударыня.

— А да, знала... Конечно, — пробормотала я.

На самом деле, конечно нет. Хотя, наверное, могла бы и догадаться, что магазинчик, который мне так понравился разнообразием ассортимента, принадлежит ему.

По приезду домой нас встречали Джьюд и бонна Зелиг. Последняя, как и всегда при Теодоре, приняла такой добродушный вид, ну просто Арина Родионовна на минималках. Шаманка бодро отрапортовала, что Брианна уже крепко и сладко спит, и этим вечером ничто и никто не пытался нарушить ее сон.

Теодор отправился проверить, а я увязалась вслед за ним. Прогонять он меня не стал, что искренне меня удивило и порадовало.

Мы осторожно заглянули в ее спальню — ну просто счастливые молодые родители.

Девчушка, разметав русые кудри по подушке, сладко спала, прижимая к себе Дамика. Остальные мишки, аккуратно рассажены в ряд, сидели на ее кровати. Я моргнула и не поверила своим глазам — в неяром свете ночника медведи светились ровным и теплым золотисто-зеленым сиянием.

— Похоже, Элен Гросс рассказала вам чистую правду, миледи... — негромко проговорил Теодор.

Таким доверительным интимным голосом он со мной еще не разговаривал. И никогда так не смотрел своими восхитительными медово-кариыми глазами.

В полумраке коридора он был ко мне так близко.

— Неужели вы начинаете мне верить? — усмехнулась я.

— Я изо всех сил пытаюсь не совершать такой ошибки, но не скажу, чтобы я в этом преуспел, — хрипло проговорил он.

Не отрывая от меня взгляда, муж протянул руку к моему лицу и завел за ухо прядь волос, выбившуюся из прически. От этого мимолетного прикосновения я задрожала. Но вовсе не от страха. От совершенно иных чувств, которых раньше не испытывала ни с одним мужчиной.

Все то, что произошло тогда в мой первый и единственный раз с Сергеем, показалось неестественным и ненастоящим. И лишь то, что было сейчас, имело значение.

С трудом соображая, что делаю, я потянулась к нему в ожидании поцелуя.

Помнится, вы говорили, что сгораете от страсти, милорд? Кажется, сейчас я готова разделить ваши чувства...

Что сделал мой драгоценный муж? А мой драгоценный муж легко коснулся губами моих пересохших губ и учтиво сказал:

— Доброй ночи, миледи.

Совести у вас нет, эсквайр Рутланд! Чуть было не выпалила это, но хватило ума благонравно пожелать хороших снов в ответ и гордо удалиться в свою спальню.

Там я легла в кровать и очень долго лежала без сна, размышляя, почему он не ответил на мой внезапный порыв, если раньше так хотел этого.

В итоге я пришла к очень хорошему и правильному выводу, что Теодор Рутланд просто некое парнокопытное с длинными такими рогами и бородой. Хоть никакой бороды у него, конечно, не было. Максимум — легкая щетина.

Данная мысль принесла мне умиротворение, после чего я с чистой совестью уснула.

Но даже во сне не могла избавиться от пламенеющего взора медово-карих глаз...

Глава 25

— Цици, посмотри, а теперь ровно?

Брианна с удовольствием крутила ручку швейной машинки, а из-под нее выходила лента алого атласа. От приятного ненавязчивого звука, с которым она стрекотала, на сердце становилось уютно и тепло.

Я склонилась над русой кудрявой макушкой девочки, потрогала пальцами шов.

Строчка выходила идеальной, о чем я и сообщила своей маленькой помощнице, которая тут же расцвела, и взялась за ткань с еще большим усердием.

Пусть она, в отличие от меня, не могла использовать магию, но Брианна очень быстро училась, показывая чудеса аккуратности кройки и шитья. Ну еще бы! Она теперь не отставала от меня, следуя за мной, как маленький хвостик. Что до крайности бесило бонну Зелиг. Теперь, когда она практически была избавлена от присмотра за своей воспитанницей, вроде как выходило, что делать ей в Трентоне особо и нечего. Ей даже теперь не нужно было использовать свою супер-пупер шаманскую магию, чтобы защищать Бри от мары. С этим делом успешно справлялись мои медвежата!

Пару раз я видела, как Зелиг подбивается к Теодору, что-то шипя ему в ухо. По-любому, эта паршивка пыталась ему на меня наговаривать. Но, судя по его виду, эсквайр не особо слушал добрую бонну, а один раз ответил ей так резко, что тетка аж покраснела с досады.

Все свободное время она теперь проводила на кухне, распивая чай и распуская про меня сплетни. Но, судя по кислым лицам кухонных работников, они как-то не сильно были этому рады.

Я видела, насколько изменилось отношение слуг. Поначалу они не особо стремились выполнять мои поручения, и, хоть и открыто не высказывали пренебрежения, но оно чувствовалось. Однако после того, как я подарила детишкам кухарки парочку маленьких медвежат, все изменилось. Поначалу я этого не поняла.

До меня дошло лишь тогда, когда ко мне вдруг подошла зареванная Колла со слезной просьбой сшить для грудной дочери ее

сестры мишку. Оказалось, мара вот уже несколько ночей подряд является к малышке, после чего та заходится в страшном плаче и ее никак нельзя уложить.

Вообще-то я как раз хотела отослать свою личную камеристку куда-нибудь подальше, памятуя о том, как она чуть не выдрала мне половину волос в памятный день моей свадьбы. И уже даже присмотрела себе новую, из трентонских слуг....

— Простите меня, пожалуйста, госпожа Цици, простите! Я сейчас наговорю, но я больше не могу молчать! — рыдала женщина, утирая глаза передником. — В последнее время вы такая милая и добрая, но вы можете обращаться со мной так же жестоко, как и раньше! А по истечении срока я никуда от вас не уйду... Буду работать бесплатно, обещаю. Только прошу вас, умоляю, пожалейте мою сестренку Бирту и ее доченьку Гарби! Курт очень переживает, но ничего не может сделать, а вы ведь знаете, что я... Люблю его! Я до сих пор его люблю... Сердце болит за них троих, мочи нет!

Ее зовут Маша, она любит Сашу, а Саша Ирину и только ее, блин. Ничего непонятно, но очень интересно.

Поначалу я абсолютно не поняла, при чем здесь Курт, которого, оказывается, любит Колла. И кто он вообще такой. Но затем, путем наводящих вопросов мне удалось выяснить у Коллы все.

История оказалась очень печальная, в духе крепостного права.

Колла и этот самый Крут, который был конюхом Цици, полюбили друг друга и попросили у своей госпожи разрешения пожениться. Однако, жестокосердная Нутелла, судя по всему, не захотела терять камеристку, потому запретила это брак. А чтобы та и думать забыла о замужестве, велела Курту жениться на родной сестре Коллы — Бирте, которая, опять же, тоже работала у Нутеллы. Колла не возненавидела сестру, наоборот, у них были теплые сестринские отношения. И когда у Курта и Бирты родилась дочка, Гарби, то полюбила ее всем сердцем.

В общем, Колла любила всех троих. И страдала, понятное дело...

Теперь я знала, почему моя камеристка меня, мягко говоря, недолюбливала. Теперь я ее понимала. И тоже возненавидела бывшую хозяйку тела, в котором сейчас находилась.

Это же надо, так игратья людскими судьбами... Как жаль, что я была не в силах это исправить. Поэтому сделала все, что могла.

— Прости меня за этот жестокий и эгоистичный поступок, Колла, — искренне сказала я. — Я сожалею о нем. Знаешь, порой человеку кажется, что он будет любить другого человека вечно... Но и такая любовь тоже проходит. Когда-нибудь ты перестанешь испытывать сильные чувства к Курту и полюбишь другого человека. И я обещаю, что тогда не буду препятствовать вашему браку. А первая буду гулять на вашей свадьбе.

— Благодарю вас! Благодарю вас, госпожа! — прошептала служанка, и залилась слезами пуще прежнего.

А на следующий день у маленькой Гарби появился чудесный пушистый мишка цвета малинового пломбира. Я сама принесла его в небогатый дом сестры Коллы. Брита даже разрешила мне самой положить его в колыбельку.

С тех пор мара отстала от этой семьи. А у меня появилась благодарная и верная камеристка, которая делала мне просто умопомрачительные прически. При этом обращалась Колла с моими волосами так бережно, что я только диву давалась. Мало того, в Трентоне она стала моими глазами и ушами. Именно Колла рассказала, что шаманка гоняет чаи на кухне и любит позлословить на мой счет. И что остальные слуги эти разговоры не поддерживают.

Искренне не понимаю, что двигало Чантэль Рутланд, когда она привела эту во всех отношениях неприятную женщину в свой дом. Лично я бы выгнала ее прямо сейчас.

Но против воли погибшей жены Теодора и матери Брианны я, разумеется, идти не могла.

Мишка, которого мы с Брианной почти доделали Сеоны и Дерила, был раз эдак в десять больше того розового. Из тех, которые вместе с тысяче одной розой дарят девушке, а она потом выкладывает фотки в соцсетях.

Ну, я рассудила, что, раз свадебный подарок, то подарок — основательный такой. Крупный.

Брианна как раз дошивала для него красный атласный бант, а я с помощью своей «мишечной» магии делала красные сердечки на лапах. Мы болтали и смеялись, но в какой-то момент я снова с грустью поймала себя на мысли о том, что жалею, что Бри не моя дочка.

За работой время пролетело незаметно. А после обеда наш красавец был готов!

Главное, чем он был замечателен, так это, конечно же, размерами! Топтыгин вышел больше человеческого роста, то есть просто огромный, уютный, белый-пребелый. Именно на этом снежно-белом так здорово и контрастно смотрелся ярко-красный бант!

Теодор помог с упаковкой, предоставив необычную прозрачную ткань, чем-то похожую на полиэтиленовую пленку из нашего мира. После чего мы отправили медведя прямиком Сеоне Бравис домой.

Успели аккурат перед венчанием!

А на следующий день Сеона и Дерил явились в Трентон, чтобы рассыпаться в восторгах и благодарностях. Я опасалась, что все это окажется ошибкой и медведь не сможет защитить девушку от ночных кошмаров, насылаемых марой... Но боялась я зря.

Белоснежный медведь с красным бантом дал ей свою защиту. И это было здорово — осознавать, что я смогла помочь этим добрым молодым людям. Но, пожалуй, еще приятнее мне было ловить на себе внимательный взгляд мужа. Да, он теперь смотрел на меня как-то по-новому. В золотисто-карих глазах вспыхивали теплые искры.

Я грелась в этом взгляде... И с замиранием сердца ждала его в своей спальне... Почему он не приходил?

Кстати, невзирая на то, что я категорически отказывалась от платы за медведя, Сеона все-таки мне ее вручила — красивый золотой медальон в форме сердца.

— Не обижайте меня отказом, миледи, — тихо сказала девушка. — Вы не представляете, как мне было тяжело каждый раз засыпать в страхе очутиться этом бесконечном лабиринте кошмаров.

В отличие от первой встречи, она выглядела такой радостной и румяной, такой оживленной. Я не смогла отказать и взяла медальон.

Когда наши гости ушли, Теодор учтиво попросил разрешения посмотреть вещицу и объявил, что этот медальон — старинная работа одного известного ювелира.

В его голосе послышалось уважение. И подозреваю я, это уважение было в первую очередь не к ювелиру, а ко мне. Впрочем, может, я и ошибалась. Если честно, мне хотелось в этом ошибаться.

С той самой поры в городе и пошла слава о моих медведях. И в Трентон зачастили посетители. Среди них я часто видела людей со своей свадьбы. Да, тех самых гостей, которые на моей свадьбе глядели на меня с презрением, неприятием и даже издевкой.

Но теперь от всего этого не осталось и следа. Все в городе спешили обзавестись чудесными медведями «от Рутланд». Даже те, к кому мара еще не являлась, хотели заранее обезопасить себя и своих детей.

Приехала и сама леди Марв — хотела заказать мишку для своего внука.

Я не отказывала никому. Даже Лидии Гарднер, которая явилась явно не ради того, чтобы заказать мишку, а для того, чтобы напроситься на ужин и покрасоваться перед Теодором в новом платье с кошмарными оранжевыми блестками.

Бедняжка не знала, что в связи с делами на мануфактуре муж сегодня обещал быть около полуночи. Мне как-то обедать с ней тоже не улыбалось, но из злорадства я сообщила о том, что Теодора с нами не будет слишком поздно. Отказаться Лидии было уже невозможно, потому она сидела и давилась ужином, изображая из себя любезность.

И то развлечение. Я вот удивляюсь таким дамам — ладно, бы был Теодор свободен, но ведь нет, внаглую же лезет. При живой жене!

Но отказывать Гарднер я все равно не стала. Правда, с изрядной долей злорадства поставила ее в самый конец своего списка.

Честно говоря, я и сама не заметила, как этот самый список как-то незаметно увеличился до такой степени, что я всерьез стала задумываться о том, что мне нужна помощница.

Нет, Брианна, конечно, помогала, всюду следуя за мной, как маленький хвостик, но мы не справлялись. Нужны были еще одни руки... А еще какое-то помещение, где можно было бы продавать медведей, чтобы посетители бесконечной рекой не текли в Трентон.

Мне нужно было... свое место.

И идею о том, где можно было бы его устроить, подал Теодор.

— Мне всегда нравилось помещение рядом с моим магазином, — сказал он как-то за завтраком.

— Рядом со «Швейным делом»? — нахмурилась я. — Там же этот самый, уличный фастфуд... Ну, кокоречи продают.

И поморщилась, вспомнив шкворчавшие на гриле личинки. Вернее, внутренности.

— Вот именно, — поморщился эсквайр. — Намного больше меня устроило, если рядом была не эта харчевня, а маленький и уютный магазинчик, где бы вы продавали своих мишек, миледи.

Собственный магазинчик! В своем мире я и мечтать о таком не могла!

— Вы говорили, что хозяин не хочет его продавать, — припомнила я. — Что ему уж больно нравится расположение в центре города...

— Это так, — Теодор кивнул и отбросил салфетку. — Но недавно я краем уха услышал, будто он жаловался, что не может спать по ночам.

— Хотите сказать, мара пришла и к нему? — широко раскрыла глаза я. — Она же нападает только на женщин и детей...

— Я не могу понять вашу магию миледи, — негромко проговорил муж, пристально глядя мне в глаза. — Для меня она чудная... Странная. Но тем не менее, она работает. Этими своими медведями вы значительно осложняете маре жизнь. Поэтому теперь выходит, чтобы выбора у нее особо не осталось.

— То есть теперь вы не подозреваете, что это я навожу кошмары на детей?

— Нет, миледи. Нет.

А мне вдруг так сильно захотелось подойти к нему и прижаться губами к его губам... В конце концов, это мой собственный муж!

Поцелуй. Хотя бы один поцелуй или просто объятие...

Несквик! Мне срочно нужен Несквик с его розовыми сердечками! Но панда, как назло, где-то гулял, а без него я не посмела...

Что ж, сказано — сделано! Вскоре я уже решительным шагом входила в фастфуд-павильон, который в первый раз так сильно поразил мое воображение нелицеприятностью приготавливаемой здесь пищи.

От второго раза лучше не стало. «Личинки» все так же весело шипели на жаровне. А вот хозяин забегаловки веселым не выглядел. Скорее, осунувшимся и не выспавшимся.

Что на данный момент было мне на руку.

— Вы пришли за кокореци, сударыня? — осведомился хозяин. — Вот и правильно, у меня лучшие кокореци во всем городе!

Не успела я слова сказать, как он ловко ухватил щипцами одну «личинку», положил на картонку и, улыбаясь, протянул мне.

«В конце-то концов, это же не настоящие личинки, Цици!», — смело сказала я себе. Ну выглядит на вид отвратно, ну подумаешь...

Дело важнее! Поэтому я решительно схватила ножик, отрезала от местного чуда кулинарии маленький кусочек и отправила в рот.

На удивление, оказалось не так уж и противно. Что-то вроде баварской колбаски.

— Безумно вкусно, господин Луан, — широко улыбнулась я. — Это лучшие кокоречи, который я пробовала в жизни!

От этого хозяин заведения буквально расцвел и поведал мне историю его семьи, которая испокон веков занимается уличной торговлей. Я слушала очень внимательно, и, пока он рассказывал, как-то незаметно доела свою порцию. В общем, это оказалось терпимо, особенно с соусом.

После еще, по меньшей мере, семи историй из жизни господина Луана, мы стали друзьями прямо-таки не разлей вода. И из-за крайней степени расположения к моему новому другу, я достала из сумки медведя и протянула ему.

Эта игрушка была задумана мной скорее, не как игрушка, а как сувенир. Нарочито грубо пошитый черный медведь-повар в колпаке и фартуке. В комплект к нему шла мини жаровня и двуострая вилка.

При виде моего подарка господин Луан остолбенел и прослезился. А потом его можно было уже брать голыми руками.

Что я собственно и сделала. Меньше, чем через час, я уже вышла из фастфуд-павильона с подписанными бумагами на продажу.

— Вдвое дешевле, чем предлагал ему я, — восхищенно заметил Теодор, с интересом просматривая бумаги. — Вы — золото, миледи!

От радости мне захотелось броситься ему на шею, но в карете это было неудобно.

— Вы бы знали, чего мне это стоило! Пришлось съесть один кокоречи!

— Ваши страдания воздадутся старицей, — засмеялся муж.

— Теперь вся сложность состоит в ремонте, — кусая ноготь, заявила я. — Для мишечного магазина там довольно неприглядно. И все пропахло прожаренным маслом!

Но муж успокоил меня, что хороший свежий ремонт все исправит, а специальные благовонья поглотят неприятный запах.

— И много... средств потребуется на этот самый ремонт? — как бы невзначай спросила я.

— Считайте это платой за то, что наконец-то избавили мой магазин от неприятного соседства.

Теодор склонил голову, а затем неожиданно взял мою руку и поцеловал тыльную часть ладони. Я вспыхнула и улыбнулась — это было так приятно.

Никогда до этого я не испытывала ничего подобного. Когда я стала встречаться с Сергеем, то он оказывал мне знаки внимания, но его прикосновения не вызывали во мне ответного чувства. Я отвечала на поцелуи, потому что так было надо. Но сама никогда их не хотела.

В отличие от того, что со мной происходило сейчас. Я жаждала, чтоб муж поцеловал меня, как день нашего бракосочетания и сказал, как сильно меня хочет...

Но Теодор, почему-то наоборот, стал вежлив и учтив. А мне хотелось другого. Про свои кошмарно неприличные сны я вообще молчу!

Ремонт закончили быстро. Я даже не ожидала. В основном им занимался Теодор, а у меня дел и так было невпроворот — заказы на медвежат росли прямо-таки с космической скоростью. Иметь медведя «от Рутланд» становилось не просто делом безопасности или престижа. Это становилось последним писком моды.

Поэтому я трудилась, не покладая рук. Помогала мне в этом Брианна. Ну а еще мне пришлось привлечь к пошиву медведей... Коллу. Делала я это с изрядной долей опасения — а ну, как она просто втиралась ко мне в доверие и все такое...

Но нет, девушку, и правда, как подменили. Она действительно изо всех сил старалась помочь. А еще с некоторых пор они стали обмениваться интересными такими взглядами с Джьюдом. Ну, по крайней мере, я заметила. Пару раз я видела их вместе, непринужденно болтающими о чем-то. Смотреть на эту парочку почему-то было приятно. Аж сердце радовалось.

Со всеми этими делами и заботами, я почти не могла контролировать отделку павильона, целиком и полностью положившись на Теодора.

Каково же было мое удивление, когда он сказал, что все готово и я могу поехать и посмотреть.

От закопченного павильончика, пропахшего маслом, не осталось и следа! Теперь здесь царил запах свежего, только что выструганного

дерева. Чистота и светлота, медовое дерево, широкие полки, солнечные квадраты на чистом полу...

— Это великолепно! — не сдержав эмоций, я все-таки бросилась Теодору на шею. — Я не ожидала, что получится так здорово!

Он крепко обхватил меня за талию, со страстью глядя в глаза. Именно в этот момент мне показалось, что я наконец-то дождусь своего поцелуя...

Но в последний момент муж остановился и по-отечески поцеловал меня в лоб. Я чуть не взвыла от досады, а потом поняла почему — Брианна в полном восторге носилась по магазину, не забывая попеременно дергать за рукав то отца, то меня.

Хотя, может быть, поцелуя не произошло не потому, что Теодор не хотел проявлять столь пылкие чувства на глазах у ребенка, а потому что просто этого не хотел...

Часть нашей мастерской мы перенесли в магазин, рассадили по полкам мишек и поставили уютную деревянную мебель. На двери магазина появилась милая вывеска с черно-белым медведем (специально нанятый художник рисовал Несквика прямо с натуры), на двери повесили колокольчик.

А потом мечта всей моей жизни исполнилась. И мой «мишечный» магазин открылся.

Я не могу сказать, что в первые дни был какой-то ажиотаж. Как сказал Теодор, об открытии просто еще мало кто знал. Но вскоре по всему городу появились листовки, где была схематично изображена панда, сражающаяся с некой темной сущностью, напоминавшей дементора.

Все-таки у Теодора, который это придумал, было особенное чутье в том, как вести бизнес.

И люди пошли в мой магазин. Не просто, чтобы защититься от мары, но и чтобы купить игрушки своим детям. А юноши часто покупали медведей для своих зазноб.

Поначалу я раздумывала над тем — правильно ли делаю, что беру деньги за возможность защититься самым слабым. Но они сами стремились отплатить мне. Тогда я перестала париться и на некоторых мишек назначила небольшие цены, чтобы они были по карману простым людям.

Впрочем, даже с учетом этого, объем продаж был такой, что денежки потекли рекой. Первое, что я сделала — расплатилась с мистером Пиявцем, то есть господином Гарриком, который явился в магазинчик одним поздним вечером.

Благо ни Коллы, ни Брианны в этот вечер не было.

— Похоже, вы действительно передумали кончать с вашим муженьком, — проговорил неприятный дядька, расхаживая по магазину. — Впрочем, вы все равно остались мне должны, если вы вдруг забыли, миледи Рутланд. Какие милашки...

Его длинная рука с паучье верткими пальцами прошла по шерсткам медведей, что были рассажены на полках.

Несквик, который сегодня находился здесь со мной, прижался к моим ногам, глядя на Гаррика с явным страхом. Благо, ему и в голову не пришло включать свою магию «обнимашек» и сердечек.

— Не трогайте, пожалуйста, товар! — враждебно проговорила я. — Я заплачу вам, как мы и договаривались. После этого, надеюсь, вы навсегда исчезните из моей жизни.

— Ну, разумеется, — ухмыльнулся Гаррик.

Нет, ну какой же он все-таки противный... Пиявец! Настоящий Пиявец.

Чтобы отделаться от него пришлось выгрести всю кассу. Ну, я не жалела. Зато у меня в руках оказался пузырек с красной этикеткой и черным зельем... По виду это дело подозрительно напоминало колу. На вкус я попробовать, разумеется, не рискнула и сунула его в свой мешочек-сумочку.

Когда карета пересекала один из широких мостов, я попросила кучера остановиться.

Замерла над быстрым водой, слушая, как шумит и громко плещется бурливая горная речка. А затем, не снимая перчаток, отвинтила у пузырька пробку и вылила «Вечный сон муженька» в поток. Следом полетел и сам опустевший пузырек.

С удовольствием отряхнула перчатки, забралась обратно в карету и велела кучеру трогать.

Так-то лучше.

Глава 26

ТЕОДОР

Мое поражение было полным и безоговорочным. Я умею признавать такие вещи.

Я думал, что она окажется в моей полной власти, станет моей игрушкой, удовлетворением моей страсти... Но мне и в страшном сне не могло присниться, что я все-таки ее полюблю. Полюблю даже больше, чем свою бывшую жену, мать своей дочери.

Если Цици и играла, то ее игра была великолепной. Вот только в последнее время ко мне все чаще приходили мысли о том, что ни черта это не было игрой.

И что никто из живущих в нашем городе не знал, какая на самом деле Цинцинателла де ла Мередит. Я, как и все, считал ее циничной, расчетливой, лживой, бездушной... Но она оказалась другой.

Умной, отважной, доброй, великодушной, целеустремленной и нежной. Бесконечно нежной...

Слуги Трентона были просто без ума от новой госпожи. Ее называли «НАША миледи». Случайно услышав это в разговоре горничных, я подумал, что ослышался. Но на следующий же день, зайдя в плотницкую, смог убедиться — со слухом у меня все в порядке.

— Смотрите, что миледи придумала, господин! — гордо объявил плотник. — Это она рассказала, как сделать, НАША миледи

И с удовольствием продемонстрировал мне раскладывающуюся чудо-лестницу, которая могла стоять без опоры к стене.

Да что там плотник, теперь весь город только и говорил о Цици и ее волшебных медвежатах! О том, что благодаря ей теперь дети могут спать спокойно. О том, что лишь ее магия способна развеять ночные кошмары. О том, что сама мара ее боится.

Моей женой восхищались. Ее считали спасительницей.

И это долго не могло уложиться у меня в голове. Впрочем, мне всегда было наплевать, что говорят другие... Но мнением Брианны я не мог пренебречь.

Моя дочь смотрела на Цици с таким обожанием, что поначалу я просто не мог поверить своим глазам. Глядя, как они вместе занимаются со своими медведями, тихонько смеются и переговариваются, можно было бы подумать, что это мама и дочка. В Цици оказалось столько тепла и ласки, и Бри тянулась к ней, как росток к солнцу.

Я-то думал, что Цицинателла будет смотреть на мою дочь, как на досадную помеху. Да и вовсе не будет смотреть... Будет равнодушна. Я в принципе не предполагал их общение.

И вот сейчас, смешно сказать, даже испытывал к Цици нечто вроде ревности.

Где-то в глубине души я понимал, что девочке нужна мама, нужна именно женская забота и тепло, которое едва ли могла дать ей бонна Зелиг. Кто бы мог подумать, что все это и даже больше ей даст Цицинателла де ла Мередит! Что Бри будет проводить с ней даже больше времени, чем со мной.

Тропы, по которым боги направляют людей, неисповедимы.

Цици действительно заменила Брианне мать.

Если раньше я не собирался особо с ней церемониться, то теперь все изменилось. Пожар страсти, который полыхал внутри меня, превратился в огромное ровное и теплое пламя.

В последнее время я даже не притрагивался к зелью Тристана. Теперь я мог контролировать себя, и объяснение этому могло быть только одно.

Ее приворот пал, уступив место настоящему чувству. Я был готов простить ей все — приворот, увлечение темной магией, заговор против короны...

Все, что угодно, кроме измены.

Испытывала ли она ответное чувство ко мне?

Иногда мне казалось, что да. Но порой я думал, что пытаюсь убедить себя в этом.

Мне до чертиков хотелось просто обнять ее, прижать к себе, ощутить тепло ее тела и жасминовый запах волос... Почувствовать ответное объятие, увидеть свое отражение в ее бездонных зеленых глазах. Чтобы оно не исчезло, не сгнуло в этих чарующих омутах...

Но каждый раз, когда я порывался, мне казалось, что вместо этого увижу в ее глазах ужас и отвращение. Ведь она так сильно не хотела

нашей брачной ночи...

Раньше мне было наплевать на ее чувства. Мне хотелось сделать ей больно. Принудить. Показать свою власть, силу, право хозяина. Показать, что она — лишь моя собственность.

Но теперь... Я не мог так поступить со своей женой.

Но была ли она моей? Мог ли я доверять до конца?

Что ж, проверить будет не так сложно.

Несмотря на то, что моя жена запугала мару своими медведями, ее в любом случае следует найти. Найти и обезвредить.

И, вполне вероятно, Цици сможет мне в этом помочь.

ЦИЦИНАТЕЛЛА

— Сегодня выручки даже больше, чем вчера, госпожа! — радостно отрапортовала Колла, расфасовывая золотые монетки по специальным мешочкам. — Лорд Фулдрим приобрел того черного медведя с серебристым бантом, а баронесса Уилбрук купила сразу трех одинаковых мишек для своих тройняшек. Тех самых, из дорогого фасонного плюша с драгоценными камнями.

— Отлично, — я кивнула, потирая переносицу. — А из детского приюта утром приезжали?

— Да, сама директриса, леди Бирм, — закивала моя камеристка. — Как вы и велели, целую повозку мишками загрузили. Она очень благодарила вас и говорила, что детишки будут счастливы таким подарком! А да, почти сразу после нее еще приходила бедная женщина с пятью детьми, я напоила их чаем с пирожками, а потом отдала ребятишкам мишек бесплатно. Все, как вы и велели. Они тоже сильно вас благодарили. Вы пользуетесь популярностью среди жителей города. Еще немного, и вам можно будет баллотироваться на пост мэра!

Последнее было сказано явно, чтобы меня развеселить, но я не нашла в себе силы улыбнуться. До обеда я была с Теодором на мануфактуре — выбирала ткани, а после приехала в магазин. С этого момента у меня и разболелась голова. Сначала это было вроде бы терпимо, но чем ближе к вечеру, и чем темнее становилось на улице, тем она болела сильнее. На мой лоб словно надели железный обруч, и стали стискивать его все сильнее и сильнее.

Вся соль была в том, что я четко знала, после чего она заболела. После визита в мой «мишечный» магазинчик леди Талулы Пайк.

Хозяйка кукольной лавки выглядела рассерженной. И даже не пыталась это скрывать.

— Я закрываюсь! — бросила она прямо с порога. — Ну что, ты довольна?

Широким шагом она зашла в мой магазин и окинула меня презрительным взглядом.

— Я... Мне очень жаль... — растерялась я.

— Жаль? — Талула ринулась вперед. — Не лги! Ничего тебе не жаль! Тебе никогда не нравились мои куклы!

— Ну, они, прямо так скажем, на любителя, — рискнула вставить я. — Но мне действительно жаль, я понимаю, что это такое, когда ты не можешь заниматься любимым делом...

— Заткнись! — со злостью выпалила женщина.

Ее волосы встали дыбом, а щеки покрылись красными пятнами. Пожалуй, в этот момент она здорово напоминала ведьму.

— Думаешь, твои хваленые медведи смогут защитить всех? — Талула засмеялась недобрым смехом. — Ты пустышка! Ты глупа и заносчива. И поэтому умрешь!

После этого душевного предсказания Талула Пайк сдернула с ближайшей полки на пол всех медвежат, которые были там рассажены, и выскочила из моего магазинчика, громко хлопнув дверью.

После этого «приятного» визита у меня и разболелась голова.

— Миледи? — камеристка встревожено взглянула на меня. — У вас нездоровый вид... Это все из-за Талулы Пайк, да? Не обращайтесь на нее внимания. Она всегда была с придурью. И вечно носилась с этими страшными куклами. Их никто не хотел покупать, она работала себе в убыток, всучивала их всем подряд за сущие копейки. Так что она не должна винить вас и ваших медвежат. Она просто не выдержала конкуренции!

— А давно Талула Пайк торгует этими куклами?

— Она возится с ними очень давно, это верно... — задумавшись, ответила Колла. — И ее мать, насколько я помню, занималась тем же самым. Только вначале Пайк раздавала их просто так, а потом уже открыла свой магазин и стала продавать. И все же мне не нравится, как вы выглядите. Очень бледны. Может быть, пригласить целителя?

— Не надо, — слабо, но все-таки улыбнулась я. — Эта неделя выдалась сложной, я шила даже ночью и почти не спала. Думаю,

просто устала. Высплюсь хорошенько, и все пройдет.

В Трентон я приехала поздно и даже к ужину спускаться не стала — задернула шторы, потому что даже рассеянный свет заходящего солнца раздражал глаза и нервы. И прилегла на кровать со сборником заклинаний Нутеллы. Там даже нашлось какое-то простенькое обезболивающее заклинание. Которое я и поспешила сотворить.

Голове стало вроде бы полегче, зато меня стало сильно клонить в сон. Я и не заметила, как смежила веки.

Проснулась глубокой ночью оттого, что в спальне горел яркий ночник, испускающий тревожный кроваво-красный свет. Оказалось, что кто-то набросил на него бордовый платок.

Я встала с постели, чтобы убрать его, и тут увидела в кресле Теодора. Он сидел, откинувшись на спинку и вальяжно закинув ногу на ногу.

Нет, не так я представляла его появление в моей спальне в своих мечтах. Далеко не так.

— Что вы здесь делаете в такой поздний час, милорд? — поежилась я.

— А я что, должен спрашивать твоего разрешения? — выгнул бровь муж и встал, преграждая мне дорогу. — Мне нужно спрашивать высочайшего соизволения, чтобы прийти в спальню своей жены? Сколько, по-твоему, я еще должен ждать, прежде, чем наконец-то ты соберешься выполнить свой супружеский долг?

Я промолчала, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Такой пренебрежительный тон... Я думала, он изменился ко мне.

— Столько, сколько нужно, полагаю, — холодно сказала я и попыталась его обойти.

Скорее хотелось убрать этот назойливый и тревожный красный цвет. Но он не дал мне пройти — схватил за запястье и вывернул.

— Вы делаете мне больно! — шокировано воскликнула.

— Я поступлю с тобой так, как ты этого заслуживаешь, — ухмыльнулся мужчина.

От такой грубости у меня на глаза все-таки навернулись слезы. Мне показалось, или глаза Теодора полыхнули красным? Да и черты его лица вытянулись, ожесточились в нечеловеческом, зверином оскале.

— Не строй из себя дурочку, словно ты не знаешь, — прорычал он и дернул меня к себе.

В этот момент я с ужасом увидела, что его рука становится похожей на лапу какого-то зверя с острыми когтями. Я вскрикнула, и каким-то чудом вырвалась. Торшер покачнулся и упал, а красный платок остался у меня в руках.

Вот только изначально он был белым. Красным его сделала кровь — ткань оказалась пропитана ею насквозь.

Вот тут я уже не выдержала и закричала во весь голос и выскочила за дверь, зовя на помощь.

Вот только коридоры замка были сумрачны и тихи. Не горели свечи, не было слуг...

Брианна! Если Теодор сошел с ума, я должна найти ее! Подхватив длинную полу ночной сорочки, я со всех ног побежала в детскую. Муж гнался за мной, выкрикивая проклятия, вот только голос его, совсем не похожий на человеческий, быстро перешел в полный ярости рев.

Как в какой-то страшной сказке, я точно знала, что оборачиваться не должна.

Мне казалось, бегу к детской, но замок словно перестраивался на ходу, превращаясь в лабиринт. За очередным поворотом была не комната Брианны, как я рассчитывала, а длинный коридор, заканчивающийся огромным лестничным пролетом и витражом, на котором были изображены Теодор с Брианной на руках и его трагически погибшая бывшая жена Чантэль.

И вдруг я увидела, что около перил, над пропастью в три этажа стоит женщина в черном бархатном платье со сложенными кожистыми крыльями, какие бывают у вампиров. Она стояла спиной ко мне и лицом к витражу.

Я замерла в нерешительности. Позади слышались тяжелые, нечеловеческие шаги Теодора, а впереди была она — неподвижная и мрачная женская фигура.

Ступая осторожно, словно пол был хрустальным и мог рассыпаться, я двинулась вперед, утопая босыми ногами в мягком ворсе ковра.

С каждым шагом я все время приближалась к ней, и вскоре оказалась так близко, что могла разглядеть черное кружево на ее платье и чешуйки на крыльях.

Затаив дыхание от страха, я почти прошла мимо, как вдруг она обернулась, и, точно коршун, бросилась на меня.

Я завизжала и визжала громко и долго, до хрипоты... Если бы не почувствовала крепкие и надежные объятия.

— Цици, все хорошо, девочка. Это сон, это был просто страшный сон...

Распахнув глаза, я увидела Теодора, который, сидя на моей кровати, крепко прижимал меня к себе.

Простонав нечто невразумительное, я попыталась вырваться от этого маньяка, но он не дал. Как маленькую девочку, усадил к себе на колени, шепча что-то бестолковое и успокаивающее.

— Это был сон, Цици. Успокойся, я с тобой и никому тебя не отдам...

— Ты — чудовище! — прошептала я. — Убери от меня руки, я не хочу...

Он поцеловал меня в висок, нежно взял мое лицо в ладони и тихо спросил:

— Что ты видела сейчас? Что я делал в твоём сне?

Во сне?

Я глубоко задышала, пытаюсь успокоиться и прийти в себя. Яркое солнце заливало своим светом мои покои. Стояло раннее утро.

— Ты гнался за мной... ты хотел меня...

Я не договорила.

— Это был не я, моя девочка. Это была она.

— Она?

— Мара добралась до тебя, Цици, — негромко сказал Теодор. — Она пришла в твои сны. В этом сне... Ты видела кого-то, кроме меня?

— Конечно, видела! Жуткую тетку в траурном платье с крыльями, как у вампирши.

Он кивнул, словно самому себе.

— Лица, конечно, не увидела?

— Она спиной стояла... — прошептала я.

До меня наконец-то начало доходить. Чуда-юда, терроризирующая местное население, теперь заявилось ко мне. Это ко мне-то, которая обеспечила всех оберегающими мишками? Ну, пусть в следующий раз приходит, я эту паршивку тут с таким медведем встречу!

— Ты помешала ее охоте, и теперь она откроет на тебя свою, — озабоченно проговорил муж. — Она захочет не просто ввергнуть тебя в пучину ужаса. Она захочет тебя убить.

— Пусть только попробует! — хмыкнула я, поудобнее устраиваясь у него на коленях — приятное чувство. — Я сегодня такого медведя сошью и у себя в спальне посажу, что она улетит, поджав хвост!

— Это не выход, Цици, — Теодор покачал головой. — Вдруг твой магический резерв выдохнется? Или она приложит все усилия, чтобы пробить твою защиту и, в конце концов, сделает это? А вдруг решит перелететь в другое место, за много миль отсюда и нападать на других людей? Оборонительная тактика исчерпала себя. Мы должны покончить с ней. Я много раз пытался найти ее с помощью магии, но она ускользает. Я вижу мару только спиной и не могу разглядеть лицо. Но ты со своей магией, которая у тебя облеклась в такую интересную форму — игрушечных медведей, обладаешь к ней своеобразным иммунитетом...

Разумность его доводов невозможно было не признать.

Муж прав. Гадину действительно стоит отловить и изничтожить! Это сейчас первостепенная задача.

Не хочу, чтобы вместо сладких снов с Теодором в главной роли, мне снились гадкие!

— Неподалеку есть место силы. Роща, в которой, по преданию, с нами могут говорить сами боги, — негромко сказал муж. — Со мной они не очень-то откровенны, но если мы попробуем объединиться и вместе вычислить ее... Возможно, боги поведают нам что-нибудь интересное...

Погода, обещавшая быть ясной, после полудня испортилась. Небо заволочло тучами, тяжелыми и серыми, как меховые шапки. Если бы мы выехали немного раньше, то еще бы застали солнце. Но к Теодору прибыл Редж с какими-то гипер-важными вопросами по мануфактуре, которые требовали его немедленного решения.

Пока суд да дело... Впрочем, не скажу, что мы выехали так уж поздно. Я не совсем представляла, что мы с Теодором будем делать в этой самой роще силы, но он-то это явно хорошо знал. А я во всем положила на него.

Мне вывели лошадь рыжей масти — милую и смирную Бронзу. Надо сказать, за время пребывания в этом мире, я значительно продвинулась в верховой езде. Все благодаря Теодору, с которым мы несколько раз выезжали на конные прогулки. Лошади уже не вызывали во мне того панического страха, который был вначале.

Перед тем, как выехать за пределы замка, я взглянула на окна, и увидела Брианну. Девочка сидела на подоконнике, обнимая своего игрушечного мишку, и выглядела растерянной и очень грустной. Я улыбнулась и весело помахала ей, но в ответ Бри почему-то помотала головой.

Затем в окне мелькнул силуэт бонны Зелиг, которая, похоже, выговорила ей за сидение на холодном подоконнике, и Брианна исчезла.

А мое сердце почему-то наполнилось тревогой.

Но, с другой стороны, замок надежно защищен от дурной магии, а у Брианны есть ее личный мишка-оберег, да не один... Она в безопасности.

— Вы уверены, что гувернантке можно доверять, милорд? — все-таки не удержалась от вопроса я.

Утром мы с Теодором вдруг перешли на «ты», но сейчас мне почему-то было неловко так к нему обращаться.

— Она находится рядом с Бри с самого ее рождения, — медленно проговорил муж. — Это было пожелание Чантэль, а она доверяла ей полностью и безоговорочно.

Но Чантэль давно мертва, хотелось закричать мне. Теперь я твоя жена, а я этой фальшивой и злобной шаманке не верю ни на грош! Гнала бы ее из Трентона каленой метлой!

Но, если я это скажу, он решит, что я покушаюсь на память о его жене. Уж лучше промолчать.

Мы ехали наравне, и я искоса посмотрела на мужа. Сейчас он казался далеким, погруженным в свои мысли... Но от этого не менее красивым. А еще почему-то недоступным.

Как будто не он так нежно обнимал и успокаивал меня утром. Или это тоже был сон?

Чтобы сменить тему, я спросила его о том, куда мы держим путь. Интересно было узнать поподробнее, что за роща такая и почему мы с ним должны объединить магию именно там. Почему, например, не

сделать это в Трентоне? Теодор, как само собой разумеющееся, отвечал, что есть такие места, где магия действует сильнее. Где можно отрешиться от мирской суеты, войти в состояние ресурса и увидеть то, что скрыто даже от тебя самого.

Едва заслышав про ресурсное состояние, я вспомнила одну давно прочитанную мной книжку по психологии и тут же его поняла. В этом мире, где по-настоящему существовала магия, это понятие звучало как никогда убедительно и веско.

За разговорами и размышлениями, я не заметила, как прошел час езды. Или около того.

С другой стороны, и хорошо, что нет солнца — иначе бы огромное море снега, простирающееся передо мной, слепило глаза. Вот только откуда взялся этот колючий, пронизывающий до костей ветер?

И это несмотря на мой теплый шерстяной плащ, отороченный мехом...

— С гор, — Теодор придержал коня, словно услышав мои мысли. — Ветер дует с гор.

Вид у него сделался озабоченный. Ветер трепал его длинные темные волосы, и я невольно залюбовалась этим зрелищем, не в силах отвести взгляд. Даже холод отступил.

— Роща уже должна была показаться. Ее ни с чем не спутаешь, — проговорил он. — Но мы едем уже почти два часа, а ее все нет...

— Как два часа? Я думала меньше.

— Я не мог сбиться с пути. Я слишком хорошо знаю эту дорогу.

Внезапно впереди, посреди бескрайней снежной равнины показалось темное пятно. Я с облегчением выдохнула.

— Вы и не сбились милорд. Вон ваша дубовая роща, впереди...

— Это не роща, Цици. Это охотничья сторожка. Мы ушли севернее, в горы. Значительно севернее от того, куда нам было надо. Когда-то здесь было последнее пристанище вербэров...

— Которых вы истребили.

— Как вам известно, не всех, — мрачно ухмыльнулся Рутланд.

Я хотела переспросить его по поводу этой загадочной фразы, но не успела. Я разглядела, что впереди мелькает действительно какой-то приземистый домик, а вовсе не роща. К тому же вдруг совсем близко,

как из тумана, показался край скалы, уходящий вверх, под облака. Он был похож на хребет огромного дракона.

Что такое? Вокруг действительно за клубился туман.

Тучи почему-то стали темнее, и как будто ниже. Вообще стало темнее, словно сумерки сегодня наступали раньше обычного.

В воздухе кружились редкие крупные снежинки.

Одна упала мне на перчатку, и я невольно залюбовалась, разглядывая ее причудливую форму.

— Значит, мы все-таки немного сбились, милорд, — стараясь его поддержать, сказала. — Ничего страшного, такое бывает...

— Такого не могло быть, — Теодор осадил своего Венто, который почему-то стал вести себя беспокойно, перебирая тонкими и сильными ногами. — Я не мог ошибиться, только если не...

Моя Бронза заржала, чутко прядая ушами. Ей как будто передалось тревожное состояние Венто. А затем оно передалось и мне.

— Если только не... — тревожно повторила я.

Теодор сделал пальцами в воздухе какой-то знак, который вспыхнул и исчез.

— Иса, руна застоя. Кто-то положил ее на упряжь Венто...

В колдовстве при помощи рун я не смыслила ни черта, поэтому спросила его, что это значит.

— Ее так же можно трактовать, как запутывание. Нас намеренно хотели сбить с дороги, — проговорил Теодор отрывисто и приказал. — Поворачиваем к замку, сударыня. Вряд ли нам с вами сегодня удастся войти в состояние ресурса.

Приказ был очень своевременным, но очень сложно выполнимым. Пока мы разговаривали, небо потемнело вконец и сыпануло ворохом колючих снежинок, которые закружились вокруг нас ледяным бураном.

Метель поднялась слишком резко, словно кто-то щелкнул пальцами. Хотя, скорее всего, именно так все и было. Только что вокруг лежала светлая равнина, а несколько минут спустя лишь темнота и метель, за которой не было видно ни зги.

— Следуй за мной! — велел Теодор, хотя это он зря.

Сейчас я бы ни за что в жизни не хотела отстать от него. Он выплел пальцами какие-то руны и вокруг нас появился какой-то рассеянный свет, а снег кружился не так яростно — уже хорошо.

Внезапно мне показалось, что сквозь рев снега я слышу какой-то гул, который будто бы раздавался из-под земли. Земля и вправду дрожала — это чувствовала не только я, но и лошади.

Венто был спокойнее, но Бронза подо мной мелко тряслась. Я и так только недавно стала постигать азы верховой езды. Управлять ей удавалось с превеликим трудом.

— Это все сделала мара? — сквозь рев ветра с трудом прокричала я. — Она заманила нас в ловушку?

— Это уже не мара, — последовал ответ спокойный, слишком спокойный ответ Теодора.

В это мгновение дрожь земли прекратилась. А в следующее мгновение прямо из темноты на нас выскочил огромный многостроподобный белый медведь, точь-в-точь, как на картинке из книжки Брианны.

Только он был намного страшнее, потому был мертвый. Мертвый, полуистлевший, но от этого во много раз более жуткий. От него остался только скелет и грязная потертая шкура, а бешеные глаза горели багровым огнем.

Бронза подо мной дико заржала и резко встала на дыбы. К такому (как и к появлению дохлого медведя-страшилища) меня жизнь точно не готовила, поэтому я свалилась в снег, а лошадь умчалась в ночь. Медведь коротко рыкнул и бросился прямо на меня.

Мне оставалось жить последние минуты — никакими рунами Теодор остановить этого монстра не сможет. Что и могло его, наверное, остановить, так это асфальтовый каток. Которого под рукой, увы, не было.

А, значит, мне предстояло умереть от укусов этойдохнувшей тленом широко разинутой пасти.

То, что было потом, произошло за считанные секунды, но отпечаталось в моем мозгу на всю оставшуюся жизнь. Длинную или уже короткую, я тогда не знала.

Теодор соскочил с Венто и бросился дохлому медведю наперерез. Через несколько шагов он изменился. Его великолепная дорожная одежда треснула по швам, а по сильному мускулистому телу пробежали огненные искры. Еще пара мгновений и, преграждая дохлому дорогу, он встал передо мной, которая, беспомощно распластавшись, лежала на снегу.

Вот только это был уже не человек, а такой же белый медведь. Вербэр. Его снежно-белая шерсть переливалась золотом, но оскал был страшен, слишком страшен.

Значит, это все-таки был не сон. То чудовище, что я увидела на лестнице в свою первую, но так и не состоявшуюся брачную ночь, и было моим мужем. Это его грозный рев огласил замок и окрестности Трентона.

И, точно так же, как тогда, Теодор поднял морду к небу и взревел так, что земля затряслась пуце прежнего.

Два белых медведя, два вербэра — живой и мертвый — сошлись в яростной схватке, покотившись по снегу в метели. Оба были размером с хороший трактор (адохлый-то и побольше), и пару раз я была близка к тому, чтобы быть раздавленной в лепешку этим многотонным весом.

Теодор в обличье медведя чуть повернул голову в мою сторону и меня полетела защитная руна... Такая забота внушала надежду, что после битвы сдохлым, он меня не сожрет.

Тем более, что Теодор явно одерживал победу. Нет, вначале, конечно, моему мужу пришлось сложно из-за превосходящих размеров мертвого медведя. А еще, наверное, потому что зомби — они всегда неубиваемые.

Но Теодор одержал над ним победу, растащив его буквально по кускам и превратив в месиво из подранной шкуры и костей.

И медленно, пошатываясь, пошел ко мне, тяжело ступая огромными мягкими лапами. Точно парализованная, я лежала на снегу и не могла встать. Где-то далеко, на периферии сознания, я почувствовала острую боль в лодыжке.

Но сейчас это было неважно.

Да, это был он в ту ночь на лестнице. Вне всяких сомнений, это был он... И сейчас я могла рассмотреть его во всех подробностях и полюбоваться его величием.

Это был огромный, великолепный, могучий зверь с густой белой шерстью, по которой пробегали золотистые магические искры. Я видела вербэров на картинках в книжке Брианны, они были злобными, они были не такими...

Этот медведь казался живым воплощением благородства.

Он склонил ко мне огромную голову, а я...

Я не отпрянула, не испугалась. Не попыталась отползти.

Я, не отрывая глаз от его глаз, подняла руку и, как во сне, прикоснулась к его мохнатому лбу, всей кожей ощущая теплоту и жесткость густой белой шерсти.

Это прикосновение было лучшим, что я когда-либо испытывала в своей жизни.

Глава 27

В фильмах мне всегда казался отталкивающим момент превращения оборотня обратно в человека. Но Теодор перекинулся как-то быстро и плавно. Только что — могучий огромный зверь — и вот обнаженный мужчина с великолепным рельефным торсом, правда, малость поцарапанным. Из одежды на нем остались только брюки.

Я попыталась подняться, но вновь свалилась на снег, коротко охнув от острой боли в лодыжке. Явный перелом. Или вывих...

Мне почему-то казалось, что с победой Теодора над зомби-медведем метель должна была уняться, но, наоборот, снежная буря и тьма закрутились сильнее.

— Тут действует очень сильная стихийная магия. А мой магический резерв после превращения всегда истощается почти до дна, — покачал головой Теодор, осторожно потрогал мою несчастную неестественно изломанную лодыжку и подхватил меня на руки. — Нужно подождать, пока он восстановится хотя бы на четверть, и прорываться через метель и запутывающие руны. Они тут повсюду понаставлены, да еще и замаскированы. Терпеть не могу эти превращения, особенно когда не по собственной воле.

Он крепко прижал меня к себе и куда-то зашагал, в то время, пока я тихонько офигевала от произошедшего. Все-таки не каждый день узнаешь, что твой муж — гигантский свирепый белый медведище.

Охотничья сторожка была заперта на магический засов, но мы все-таки вошли. Внутри оказалось очень просто, как в деревенском доме. Но оттого даже уютно — грубо сколоченный деревянный стул и стол, топчан, застеленный мягкими шкурами и огромный, почти во всю стену камин. Огонь, который разжег Теодор, быстро наполнил промерзшее нутро сторожки теплом — оранжевые отблески заплясали по стенам.

В тепле и полумраке я сидела на топчане, жевала джерки, которые нашлись тут же, в заботливо оставленных кем-то припасах, и старалась не глазеть на голый торс собственного мужа.

— Ты так на меня смотришь, Цици. Да, я понимаю, знать о том, что я — вербэр, одно, а видеть своими глазами — совсем другое. Я

пойму, если ты... — Теодор замолчал. — Я сам долго время не мог принять себя таким. Твое отвращение мне понятно. Мою одежду разнесло в клочья, а наколдовать себе новую пока что не хватает резерва, поэтому тебе придется потерпеть...

Потерпеть? Отвращение? Да про какое отвращение он говорит? Могучий зверь, к которому я прикоснулась, был самым великолепным на свете!

О, и кстати, он снова перешел на «ты», что очень даже греет душу после этого высокомерно-холодного «вы». Вот только зачем говорит, будто бы я знала, что он — оборотень. Не знала я ничего!

Или... знала не я, а та, настоящая Цицинателла? Тогда, в ту кратковременную нашу встречу через портрет, Нутелла упомянула о «травме» Теодора. Вот только какая же это «травма»?

Я ведь люблю медведей, обожаю медведей, да я просто тащусь от медведей!

А на оголенный торс Теодора Рутланда я бы всю жизнь смотрела...

— Предположим, я об этом... запомновала... — осторожно начала.

— Запомновала? Ты запомновала о том, чем меня шантажировала, чтобы женить на себе? — Теодор горько усмехнулся и покачал головой. — О том, как грозила, что расскажешь королю, что я стал оборотнем, и он приговорит меня к казни? Его Величество до смерти боится вербэров, это всем известно. Знаешь, я убить тебя был готов за этот шантаж. Я принял решение взять тебя в жены... Я и так собирался это сделать. Но это был грязный ход. По-настоящему грязный, Цици. Так что ничего человеческого я от тебя после этого не ждал, но ты меня поразила. Я не могу поверить, что это притворство. Что ты притворяешься. Ты до и после нашей свадьбы — как будто два разных человека. Две разные девушки. И к той, второй девушке, я испытываю чувства, которых, как я полагал, больше не буду испытывать ни к кому и никогда.

Он присел ближе, около моих ног — внушительный, широкоплечий, с мужественной фигурой, четким благородным лицом. Внимательно глядел на меня своими медово-кариими глазами.

Мне хотелось закричать правду, но вместо этого я тихо спросила:

— Как ты им стал... Этим оборотнем-медведем, вербэром?

— Зачем спрашиваешь? Если знаешь ответ...

Я прикрыла глаза, собираясь с мыслями.

— Ты стал им пять лет назад, в Трентоне, в ту ночь, когда погибла твоя жена, — едва слышно сказала я и распахнула ресницы. — Когда на вас напала стая вербэров. Они почти растерзали тебя в клочья, но ты выжил. Потому что сам стал одним из них.

— Сегодня у меня появилось мерзкое ощущение, словно время повернулось вспять, — Теодор смотрел уже не на меня. — Что я снова не смогу спасти ту, которую люблю. И она умрет на моих руках... В стае, что встретила нас в окрестностях замка, было девять медведей. Девять голодных вербэров, злобных, как сам Люцифер. Они с легкостью разорвали двадцать человек из сопровождающего отряда. Одного я убить смог. Но я понимал, что мне не справиться со всеми... Не справиться, пока я человек. Знаешь, что нужно, чтобы стать оборотнем? Выпить крови убитого тобой вербэра. Я превратился почти сразу, смог сразиться с ними в новом обличье и победить, но слишком поздно. Чантэль была мертва...

Охваченный мучительными воспоминаниями, он замолчал, глядя на огонь. Мне так хотелось протянуть руку и прикоснуться к нему, но я не посмела.

— Против нас работает не только стихийник, но и некромант, — сказал Теодор наконец. — Я помню этого вербэра. Это я убил его. На том же самом месте три года назад. Он был одним из последних. Кто бы мог подумать, что мне придется сделать это снова?

— То есть, некромант поднял этого вербэра из мертвых и заставил напасть на нас? А это не могла сделать мара?

— Сомневаюсь. Мара — ночная тварь, создание, она насылает кошмары, но магией не обладает. Я, конечно, предполагал, что она попытается напасть на тебя, но не так... профессионально. Это настоящая темная магия.

Ага, вроде заклинаний из книжечки Нутеллы. Особенно с последних страниц.

— Или шаманская, — задумчиво добавила я. — У этих самых шаманов же она как раз связана с природой?

— Возможно, — Теодор внимательно посмотрел на меня. — Я понимаю, к чему ты клонишь, Цици. Но у меня еще не было ни одного повода сомневаться в бонне Зелиг. Последняя воля Чантэль

заклучалась в том, чтобы она всегда оставалась в Трентоне, при Брианне.

Да что ж такое-то? Я чувствовала себя Гарри Поттером, который упорно говорил Дамблдору, что Снегг злодей, а тот упорно утверждал обратное.

Правда, в итоге Дамблдор все-таки оказался прав.

Может, Зелиг, несмотря на скверный характер, все-таки ангел во плоти? Не могла же Чантэль Рутланд настолько ошибаться в ней? Последнюю волю ведь изъявила...

— Давай я посмотрю твою ногу, — предложил меж тем Теодор.
— У меня осталось немного магии. Может быть, начертить излечивающую руну хватит.

Он принялся медленно расшнуровывать мой высокий дорожный ботинок, двигаясь очень аккуратно. Лодыжка выглядела достаточно паршиво — опухла и посинела. Даже малейшее движение причиняло боль.

Замысловатым движением большого, указательного и безымянного пальцев Теодор начертил некий символ, и опухоль на ноге стала проходить.

— Как долго ждать восстановления резерва?

— Часов шесть. И это еще быстро, потому что я оборотень — легко теряю магию, но и быстро ее восполняю. Кажется, порядок.

Мужчина бережно прикоснулся к моей ноге, которая благодаря ему приобрела божеский вид. Боль еще отдавалась в ней, но как-то глухо.

— А есть способ как-нибудь побыстрее этот резерв восполнить?
— праздно поинтересовалась я.

Его пальцы остановились. Теодор замер и поднял голову.

— Есть, — хрипло сказал он.

Но в следующую секунду мне вдруг стало на это резко наплевать. Ласкающими движениями он провел по щиколотке и выше, к колену...

Я смотрела в его глаза и понимала, что тону. Что умираю. Что во мне разгорается пламя, с которым я не в силах совладать.

Все отошло на второй план. Все отдалилось. Все, кроме великолепного мужчины у моих ног и его взгляда, в котором читалось слишком многое.

Внизу моего живота оголтелой стаей носились бабочки. Успокоить их не было никакой возможности.

Или была?!

Повисшее между нами напряжение, казалось, можно было потрогать. Ощутить физически. Это была невиданная мной доселе химия... Или скорее, магия. Еще чуть-чуть — и воздух заискрит!

Неожиданно резким движением Теодор привлек меня к себе. И только оказавшись в его объятиях, я поняла, как долго этого ждала. Как сильно мне его не хватало...

— Любимая... — выдохнул он мне прямо в губы. — Желанная.

Я не могла больше терпеть — сама потянулась к нему и наши губы, наконец, встретились. Невозможно! Невозможно было испытывать такие яркие эмоции, такую страсть... И совершенно невозможно было от него оторваться.

Уже почти не соображая, что творю, я запустила пальцы в его волосы, перебирая темные пряди. Мне отчаянно хотелось стать еще ближе. Раствориться в нем. Хотелось, чтобы он никогда не размыкал своих сильных объятий. И шептал, все так же шептал мне на ухо про то, как сильно я нужна ему и как отчаянно он меня любит.

Если у меня и оставался какой-то глубинный страх из своего первого и единственного опыта, то сейчас он просто растворился, ушел без следа!

Я вся пылала от нетерпения, предвкушения и удовольствия, когда горячие, твердые губы Теодора прошли по моей шее и ниже... Мне безумно хотелось, чтобы он спустился еще ниже! Кожа горела под его огненными поцелуями.

Как назло, сегодня на мне было платье со сложной шнуровкой на груди. Колла полчаса ее зашнуровывала! Кто ж знал...

Я дернула скользкий верткий шнурок, но, вместо того, чтобы послушно выскользнуть из атласных петель, он, кажется, еще больше затянулся и запутался.

Теодор присоединился ко мне, но, кажется, вместе мы запутали проклятую еще сильнее. Он попытался воздействовать на шнурок магией, но ничего не вышло — залечивание моей несчастной ноги окончательно опустошило его резерв.

Мой муж посмотрел, как я с озадаченным и немного злобным видом дергаю корсет, а затем вдруг рассмеялся. Он хохотал так

искренне и заразительно, что я немедленно присоединилась к нему.

Мы смеялись вместе. Впервые.

А потом Теодор взял и поцеловал меня — чувственно и нежно. И тогда я сказала, что люблю его.

Со шнуровкой мы все-таки справились.

И со всем остальным тоже.

Яркие, ослепительные вспышки фейерверков захватили меня, а потом я лежала в его объятиях и думала, какой же глупышкой была, когда боялась.

Наверное, впервые за всю свою жизнь я была так неприлично и безоговорочно счастлива.

Глава 28

Я проснулась от холода. Пронизывающего холода, который как будто сковал все мое тело ледяными цепями.

Приподнявшись на локте, огляделась вокруг. В сторожке было темно и тихо — камин погас очень давно. За это время все предметы, и стол, и стены, и пол успели покрыться тонким слоем изморози. На верхней полке камина в ряд повисли сосульки. При дыхании из моего рта вырывался пар.

Но главное — Теодора не было рядом. Из-за этого я почувствовала себя обманутой. Ощутила почти физическую боль.

Куда он мог подеваться? Почему бросил меня?

Внезапно я разглядела в окошке какие-то световые блики. Снаружи сторожки что-то происходило. Наверное, он там.

Дверь была приоткрыта — я вышла в зимнюю ночь. За то время, пока я спала, буран прекратился. Передо мной лежало идеально ровное белое полотно, освещенное призрачным светом луны.

Я поежилась и плотнее завернулась в плащ — вот только это не особо помогло. Было холодно. Очень холодно. Страшно холодно. И от этого пронизывающего холода невозможно было спастись.

Благо, хоть нога, которую Теодор вылечил, не болела — совсем прошла. Я могла нормально передвигаться. Уже плюс.

Неподалеку, метрах в ста, горел костер. Его слабые отсветы я и разглядела в окне сторожки. Огонь! Значит, там тепло!

По девственно-белому снегу я пошла туда, и он скрипел под моими ногами. Вскоре оказалась совсем близко и смогла разглядеть, что там происходит. И сразу как-то пришли мысли, что, может, приближаться и не стоит.

Вокруг костра ровным и безмолвным кругом были рассажены куклы леди Талулы Пайк. Я бы ни с чем не спутала эти зловещие паучьи фигурки с непропорционально большими головами и тонкими туловищами.

А еще там была женщина в черном бархатном платье. Я не видела ее лица, ведь она стояла ко мне спиной. Она брала этих кукол по одной и бросала в огонь. Игрушки сгорали мгновенно. Каждый раз, когда

кукла попадала в пламя, оно вспыхивало ярким зеленым светом, и сноп зеленых искр поднимался до самых небес.

Я тот час же прониклась к этой леди доверием и подошла к костру. Обойдя его по кругу, я смогла наконец-то увидеть ее лицо.

Женщина была очень красива: ее пышные русые волосы лежали мягкими волнами, черты лица были тонкими и благородными, а ее мендалевидные карие глаза мерцали.

Она взглянула на меня, и молча взяла очередную куклу, в которой я узнала ту самую игрушку с витрины магазина Пайк. По-моему, она была самой пугающей в коллекции леди Талулы. Прежде, чем швырнуть ее в костер, женщина помяла фигурку в своих тонких изящных руках. Ногти у нее были очень длинные и черные, словно лакированные. Стильно, конечно, но вряд ли удобно.

— Зачем вы это делаете?

У меня был смутный ответ, что женщина делает благое дело, избавляясь от этих страхолюдин. И все же...

— Потому что они всю дорогу отравляли мне жизнь, — легко вступила в диалог леди. — Да и не только мне, но и моей матери. И бабушке. И прапрабабушке тоже. Ох уж это семейство Пайков с их бережным даром, передающимся по женской линии! Всегда боролись с нами и всегда проигрывали. И все-таки определенные неудобства их магия доставляла. Порой. Порой защита включается, порой нет... Ничего особенного. Но, тем не менее, я рада, что на Талуле род обережников-Пайков прервался. Она больше не может вкладывать в этих кукол свою защитную магию. У Пайк остались сущие крохи. Последние созданные ей куклы-обереги здесь. Все здесь. И скоро они сгорят в драконьем пламени. А ведь разрушительнее его нет, ты знаешь сама.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу. Но слово «оберег» заставило скованные льдом шестеренки в голове работать быстрее.

— Минуточку... Так куклы Талулы Пайк не несут зла? Наоборот — это обереги?

— Были, — поправила женщина и кинула последнюю куклу в огонь. — Не такие сильные, как твои, конечно, но все-таки...

— Они ОБЕРЕГАЛИ от мары, а не призывали ее?

— Ну, они сбоили — когда оберегали, а когда нет. Порой прорываться через их защиту было даже интересно, —

доброжелательно пояснила женщина. — Но, как я уже сказала, бедная Та-лулу далеко не такая мощная берегиня, как ты... Эти куклятки и в подметки не годились твоим мишкам. Ну и потом, далеко не такие симпатичные. Я не удивлена, что у нас в городе появился на плюшевых медведей такой бум.

Внезапно на руках леди появились изящные черные перчатки, а затем возник игрушечный медведь, в котором я узнала Дамианоса — того самого мишку, которого я сшила для Брианны. И с которым она не расставалась.

Женщина крутила его в руках, разглядывая со всех сторон.

— Хорошая работа, — кивнула она и пристально взглянула на меня. — Ты в курсе, что если бы не перчатки из драконьей кожи, пропитанные несколькими видами зелий, мои руки бы сгорели дотла? Не вовремя ты явилась в наш мир. Очень не вовремя, Яна Ершова.

Я поймала себя на мысли, что настолько привыкла к Цици, что собственное имя звучит непривычно, как чужое. И почему-то совсем не удивилась, что она знает, что тело, в котором я нахожусь, изначально принадлежало не мне.

— Ну что ж, так всегда... — продолжала женщина. — И четко выверенный план, который вынашиваешь много лет, обязательно нарушит какая-нибудь глупая мелочь... Недоразумение. Все сразу идет наперекосяк. Впрочем, это хоть и досадно, но поправимо.

Пока она говорила, ее черные ногти удлинялись и заострялись... И вдруг женщина распоролла медведя Брианны этими страшными когтями и швырнула в огонь точно так же, как и кукол Пайк.

Я вскрикнула и бросилась к огню — но достать Дамика уже не могла. Я могла только с ужасом смотреть, как он чернеет и корчится, как он сгорает в пламени и испытывать при этом почти всепоглощающее отчаянье. Как будто ничего хорошего больше в жизни не будет.

Сноп зеленых искр улетел в небо, и я повернулась к темной женщине. Теперь ее лицо не казалось мне прекрасным. Его черты вытянулись, заострились, и она стала напоминать хищную птицу.

— Мара — это ты.

Неведомо откуда взявшиеся черные кожистые крылья поднялись за ее спиной. Я помнила их по своему кошмарному сну. Теперь сомнений не оставалось.

— Ну да, — улыбнулась она и поднялась в воздух, похожая на гигантскую летучую мышь. — И что?

— Я знаю, что ты могла бы попытаться... излечиться. Исправить свою природу. Неужели тебе нравится приносить кошмары в чужие сны? Пугать детей?

— От детей исходит очень чистая энергия страха. Сладкая, вкусная и питательная. Она напитывает меня сверху донизу. Зато со взрослыми интереснее, — добавила мара, кружась надо мной. — Ты говоришь, что я должна излечиться, но я не больна. Такова моя природа. Ее не изменить.

В моей голове тот час же вспыхнуло имя, которое я слышала от леди Марв на собрании клуба вышивальщиц.

— Оливия Максвел! Она смогла стать нормальной.

— Оливия Максвел? — мара явно была позабавлена. — Ты, как и все, поверила в эту сказочку? Дочка потомка отца-основателя только сделала вид, что отринула свою природу. Потому и уехала. Но не на юг, как все думают, а, наоборот, на север. Впрочем, там тоже много городов и деревень. И детей тоже много. Она нигде надолго не задерживалась. Потому и не возбуждала подозрений.

— Ты так много про нее знаешь... — прошептала я.

Черные крылья мары хлопали прямо надо мной, обдавая ледяным воздухом. Хотелось опуститься на корточки, обнять себя руками и спрятать голову в коленях, лишь бы не видеть этого парящего в небе темного силуэта.

— Разумеется. Разумеется, знаю, — издеваясь, повторила она. — Ведь моя девичья фамилия — Максвел.

— Ты ее дочь... Ты сюда вернулась...

— Меня всегда тянуло в родные места.

— Неужели ты не хочешь все исправить?

— Мне нечего исправлять, Яна Ершова. Кошмары — наша марная природа, наше нутро. Вот и дочь моя скоро станет такой. Я ждала, когда она войдет в возраст, когда ее можно будет инициировать. Что ж, этот час настал. Мне ничего не нужно исправлять, Яна Ершова... Кроме тебя. Ты ворвалась в жизнь Тео, как ураган. Нашила своих медведей, навела свои порядки. Украла доверие Брианны. Ты — недоразумение, досадная помеха... А помехи, как ты знаешь, устраняют.

Мое горло свел резкий спазм боли. От ужаса, который наводила эта женщина, я в буквальном смысле не могла дышать.

Этого просто не может быть. Не может...

— Знаешь, я никогда не любила его так, как он меня, — задумчиво продолжила мара. — Марна природа сильнее любви. Даже материнской, не говоря уже о любви к мужчине. А он был для меня лишь средством вернуться сюда, в этот город, и не вызывать подозрений. Не подумай, что я ревную... И все-таки я бы предпочла остаться в его жизни единственной и неповторимой. Да, так и будет. Уверена, он быстро забудет тебя, и вспомнит, как любил меня. Ему все же лучше быть вдовцом. Вот видишь, как печально для тебя выходит, Яна... Нет тебе места в этом мире. Везде ты мешаешь.

— О боже... — прохрипела я. — О боже... Чантэль Рутланд. Но ты ведь умерла!

Она некоторое время молчала, а когда заговорила, голос ее звучал глухо, как из склепа:

— Он начал догадываться. Подозревать, что у меня есть секрет. Само собой, ничего плохого он помыслить не мог, но... Он ведь дотошный и принялся бы копать, пока не докопался до правды. Поэтому мне пришлось подстроить свою смерть. Это было несложно. После этого мне оставалось только дожидаться, когда Брианна войдет в возраст инициации. Бонна Зелиг приглядывала за ней и делала все, чтобы моя дочь... Развивалась в правильном направлении, скажем так... Я приходила к ней и контролировала процесс. Все было хорошо. Пока не появилась ты.

Мне казалось, что от накатившего ужаса я сейчас поседею.

— Брианна! Брианна тоже станет марой?

— Конечно, станет, — спокойно ответила Чантэль. — Время ее инициации пришло.

— Как ты можешь? Ведь она — твоя дочь!

— Наш род не прервется. Она станет той, кем ей суждено было стать с самого рождения.

— Ты не сделаешь этого! Теодор тебе помешает! Я тебе помешаю!

— Ты серьезно хочешь мне помешать? — мара по-птичьи склонила голову набок и улыбнулась, показав острые зубы. — Тогда попробуй... проснуться.

Глава 29

Теодор

Венто мчался по снежной равнине во весь отпор. Под действием заклинательных рун, что я начертал, снежный буран быстро прекратился — не прошло и получаса.

Благодаря тому, что произошло между мной и Цици, мой магический резерв восполнился с лихвой. Силы было сколько угодно, попадись мне на пути стая зомби-вербэров, им бы сейчас не поздоровилось. Сейчас я мог все.

Единственное, чего не мог — так это разбудить свою жену.

Прильнув ко мне, Цици плавно покачивалась в седле. Ее глаза были закрыты, а пушистые ресницы отбрасывали тени на бледные щеки, неотличимые цветом от снега.

Она была так прекрасна... Так любима и желанна... И совершенно беззащитна.

Каких только заклинаний я не перепробовал, чтобы разбудить ее там, в сторожке после нашей ночи.

Единственной ночи, которая стояла всех ночей не с ней. Ради такой ночи стоило ждать. Этой ночью она стала моей, и душой и телом. Моя жена. Моя женщина.

Ее приворот больше не имел надо мной власти. В этом не было ни капли магии.

Я полюбил ее по-настоящему. И был готов на все, чтобы ее не потерять.

Я слышал о людях, которых мара погружала в сон, от которого не проснуться. Они выглядели совсем, как мертвые — были холодны и не дышали.

Цици была теплой, ее ресницы дрожали, а нежное тихое дыхание набатом отдавалось в моей груди.

Она пока что неокончательно погрузилась в царство мары — обитель страшных кошмаров. Она еще могла проснуться.

Шанс был. Если я в ближайшее время узнаю имя злобной твари с черными кожистыми крыльями. Как жаль, что мы с Цици теперь не могли провести совместный ритуал магического отлова!

Мара сделала все, чтобы этому помешать: запутала дорогу, наслала буран и, чего я уж совсем не мог ожидать, подняла из мертвых чудовищного медведя.

Она нагрянула в сон моей жены, которую я сжимал в объятиях, и заключила ее внутри этого сна.

Женщина в черном платье, которую я видел только лишь со спины, была сильна и неуловима. Как-то по-особенному неуловима для меня.

Нехорошие, отчаянные мысли клубились внутри темным горьким дымом... И, словно какой-то до боли знакомый, но злобный голос нашептывал:

— Ты потеряешь Цици, как потерял Чантэль... Ты потеряешь... Но не только ее... Сегодня ты потеряешь все...

Лучи солнца были золотисто-розовыми. Казалось, что Трентон купается в этом теплом и ласковом свете. Медленно наступало утро нового дня, из тех, когда кажется, что все будет хорошо и все по плечу. Но в мое сердце все сильнее вгрызалась тревога.

Она усилилась, когда я увидел, что ворота замка раскрыты настежь.

На Трентоном нависло что-то недоброе. Теперь я явственно это ощущал. Я привык, что родовой замок — это моя крепость, защищенная многоступенчатой магической охраной.

Сейчас охраны я не чувствовал. Обострившимся чутьем оборотня я чувствовал только одно — опасность.

Брианна.

Нет, моей дочери сейчас не поможет, если я в одно мгновение спячу от безумного страха за нее. Я должен сохранять спокойствие. Ради нее и Цици.

Во внутреннем двореке замка всегда былолюдно: слуги сновали туда-сюда по хозяйственным делам. Сейчас здесь было пусто. Эта пустота и тишина была откровенно нехорошей, пугающей.

Меня никто не встречал.

Придерживая спящую девушку, я легко спешил, а затем подхватил ее на руки. Цицинателла была легкой, как пушинка.

Венто следовало расседлать, но конюх не спешил навстречу. С Цици на руках я ступил в конюшню и увидел расprostертую на соломе фигуру.

По счастью, парень не был мертв. Он просто... спал в проходе, положив голову на сложенные крест-накрест руки. Мало того, конюх, все лошади в своих стойлах тоже были погружены в крепкий глубокий сон.

В замок я решил войти не через главный вход, а через кухню. Оказавшись там, застал поразительную картину: кухонные работники, точно так же, как и конюх, уснули прямо на своих рабочих местах.

Дородная кухарка, склонив голову, уснула прямо на стуле с ложкой, которой она помешивала соус, в руке. И даже пламя под маленькой кастрюлькой словно застыло в глубоком сне. Младшие кухонные работники спали, кто над доской с мясом, кто за ошипыванием птицы, кто над резкой фруктов...

Лица спящих были умиротворенными, дыхание глубоким. Значит, мара может насыщать не только кошмары, но и обычные сны...

Вот только спокойнее мне от этого не стало. Наоборот, тяжелое, терзающее сердце предчувствие нарастало. При одной только мысли о том, что сейчас с моей дочерью, руки начинали дрожать.

Кто-то открыл твари проход в замок. В Трентоне был предатель.

Неужели... Неужели Цици была права, а я ошибался?!

Но перед смертью Чантэль заставила меня поклясться, что я никогда и ни при каких обстоятельствах не выгоню бонну Зелиг...

Люди вповалку лежали в коридорах и переходах замка. Дворецкие, горничные, дворня...

Мой главный дворецкий обнаружился на третьем этаже. Верный Джьюд сидел, прислонившись спиной к стене, рядом с дверью в мой кабинет. На его коленях сладко спал черно-белый панда-фамильяр, а к плечу прикорнула камеристка Цицинателлы Колла.

Возможно, прежде, чем погрузиться в сон, Джьюд понял, что что-то происходит, и хотел попробовать со мной связаться, но не успел.

Распахнув дверь кабинета, с безвольной Цици на руках я вошел и уложил ее прямо тут же, на зеленом кожаном диване. Запечатав дверь могущественными рунами, под силу которые было снять только тому, кто их накладывал, я отправился на поиски Брианны.

В детской было пусто, лишь на ковре валялись изрезанные и выпотрошенные плюшевые мишки, которые шила Цици. Они были безжалостно уничтожены, все, до единого...

Безоглядный страх за дочь сжал сердце ледяной рукой. Что с Бри? Уснула, так же, как и другие обитатели Трентона? Или... Или целью изначально была она, а не Цицинателла?

Быстро поднимаясь по винтовой лестнице южной башни, я твердил про себя молитву богам, преисполняясь решимости.

Но священные слова про себя договорить не получилось. Что-то черное упало на меня сверху. Это была гигантская полу-женщина полу-ворона, уродливая, в стальных перьях. Они резали, как остро наточенные ножи, в то время, как пробить это «оперение» мечом было невозможно.

Тварь яростно хлопала огромными крыльями, верещала и разевала свой смертоносный, как коса, клюв. Она теснила меня, пытаясь столкнуть с лестницы, бешеная, как само исчадье ада...

Птица-переросток просто не представляла, с кем связалась, встав на пути между мной и моей дочерью. Одним четким и слаженным ударом меча я отрубил твари голову и она покатилась по лестнице вниз.

Вот только после смерти это была уже не птичья голова, а голова бонны Зелиг, верной гувернантки моей дочери...

Цицинателла оказалась права. Моя жена оказалась права — бонна была с марой заодно, а я ей не поверил.

Зарывав от гнева и распирающей меня изнутри ярости, я ворвался в мастерскую Цицинателлы и...

Да так и замер.

Бесчувственная Бри лежала на столе посредине комнаты, а над ней стояла женщина в черном бархатном платье с черными крыльями. От ее рук тянулись темные нити магии, которые опутывали мою дочь, словно коконом. Как будто злобная паучиха плела вокруг нее свою паутину.

Боясь даже вздохнуть от ужаса, я бросился к дочери, но был остановлен словами мары:

— Осталось совсем немного. Прошу, Тео, не мешай...

Он был знакомым, этот голос. До боли знакомым. Он парализовал мою волю.

Не в силах осознать и поверить, я тронул ее плечо.

И сердце как будто взорвалось кровавыми осколками льда, когда она обернулась, и я увидел ее лицо.

— Чантэль... — словно в забытии повторил я имя, которое раньше приносило такую боль. — Ты жива?

— Это я, любимый... Я так люблю тебя, Теодор. Так скучаю... Я слишком сильно люблю тебя и Бри...

— Что ты делаешь с нашей дочерью, Чантэль?

— Ничего плохого, поверь, ненаглядный мой. Я всего лишь хочу раскрыть ее истинную природу. Это сделает ее счастливой. Мы все, втроем, отныне будем очень-очень счастливы. Просто поверь. Ты ведь всегда верил мне, полно и без оглядки.

— Ты умерла на моих руках. Кем ты стала, о боги? Кем ты стала? И кого ты выбрала в гувернатки нашей дочери?

— Зелиг присматривала за ней и следила, чтобы с Бри все было хорошо. Она докладывала мне обо все, что происходило в Трентоне. Так было нужно, Тео. Я всегда была тем, кем была. Эта наша природа, наша судьба. И судьба Брианны. Я дарю ей крылья.

— Черные крылья? Способность вторгаться в чужие сны? Наводить ужас? Ты подстроила свою смерть. Ты — мара, любимая. Я не хочу такой судьбы для своей дочери.

— Для своей дочери? — моя первая жена гневно сверкнула очами. — Я — настоящая мать Брианны, ты забыл? Она принадлежит мне! А ты... Как ты посмел привести в наш дом эту... злобную самозванку Мередит? Отдать ей мою мастерскую, где я плела кружева? Ты не нужен ей, а только лишь твои деньги! Она рассматривала тебя в корыстных интересах, и ни в каких других! Да что там, она заказала господину Гаррику зелье, которое должно было отравить тебя, Теодор! Мерзкая, лживая, гадкая дрянь! Предательница! Змея, которую ты пригрел на груди! Она заслуживает смерти, поверь мне, Теодор. Лишь я люблю тебя, одна я, я, я!

В прекрасных глазах Чантэль заблестели горькие слезы. Я никогда не выносил этого. Не могу терпеть, когда она плакала и был готов на все, лишь бы услышать ее чудный смех.

— Послушай, Теодор, я все придумала, — с милой улыбкой сказала моя первая жена. — Бри уже вступила в марий возраст, а я накопила сил. После того, как я иницирую ее и передам ей свою магию, мне будет необязательно питаться страхами так часто и много. Мы сможем все втроем уехать из этого надоевшего городка, путешествовать по миру... Бри будет постепенно учиться, наращивать

свою силу и крылья. Никто не сможет нас заподозрить, потому что мы не станем нигде задерживаться надолго. Это будет чудесно! Мы снова будем семьей. На этот раз настоящей семьей, в которой ни у кого нет ни от кого тайн. Ты ведь до сих пор любишь меня, Тео. Я же чувствую, я знаю... Первая любовь не забывается.

Одной рукой продолжая опутывать Брианну своей черной паутиной, Чантэль протянула другую руку ко мне и с нежностью положила мне на грудь. Она улыбалась своей ослепительной улыбкой, нисколько не сомневаясь в том, что я подчинюсь ей и пойду за ней куда угодно.

Она просто не могла поверить, что будет по-другому

— У меня уже есть семья. Есть женщина, которую я люблю больше жизни, — медленно сказал я, вглядываясь в некогда родное лицо, которое на глазах становилось злобной маской. — А предательница и мерзкая злобная дрянь — это ты, Чантэль!

Я схватил ее руку с длинными когтями, что лежала на моей груди, и резко дернул. Она сопротивлялась еще более бешено и отчаянно, чем ее слуга Зелиг, выбрасывая путы своей дьявольской магии. Но всех их я нейтрализовал защитными рунами, щедро раскидывая их по всей мастерской. Одна из рун разрубила паутину, что тянулась от руки Чантэль к Брианне. Разорвала связь инициации.

Не в силах это видеть, Чантэль завизжала так пронзительно, что мои барабанные перепонки чуть не разорвались от этого визга, полного темного отчаянья и недоверия.

Мара взвилась под потолок — она рвалась к потолочным окнам, подальше отсюда и от своих так неожиданно для нее рухнувших планов. Но я схватил ее за крыло, всей своей силой вербэра удерживая от бегства.

Тварь, которую я долгое время любил, принимал за человека и о которой безутешно горевал, не убежит от меня. На сей раз не убежит!

И больше никогда не вторгнется ни в чей сон.

Визжа отвратительно, как обезумевшая свинья, мара билась, царапалась и плевалась в разные стороны сгустками темной магии просто так, наугад. Свободным крылом она со всего размаху ударила мансардные окна. Стекла задрожали в потолке, а в следующее мгновение туда попало ее темное разрушительное заклятье. И потолок

рухнул на нас тысячей осколков дерева и стекла, заряженных взрывной магией.

Я успел. Бросился к недвижимо лежащей беззащитной Брианне и укрыл ее от смертоносного града своим телом, которое в секунду послушно трансформировалось в мохнатое тело вербэра.

Шкура этих зверюг ведь прочнее стали — что там какой-то рухнувший потолок.

Мара же коротко взвизгнула, но укрыться в коконе своих крыльев не смогла. Она просто не смогла, не успела сложить их. Острый осколок деревянной балки вонзился ей в спину точно между распластанных крыльев, как огромный осиновый кол.

Убедившись, что заклятья развеялись, а потолок больше не падает, по усыпанному осколками дерева и стекла потолку подошел к ней, и лапой перевернул на спину.

Оказалось, что мару, как и вампира, можно убить деревянным колом в сердце.

Моя первая жена была мертва. Теперь по-настоящему мертва.

Все было кончено.

Я перекинулся в человека за секунду, не больше — такого со мной еще не бывало. В один прыжок подскочив к Брианне, принялся разрывать пути темной иницирующей магии. Они таяли под моими руками, как клочья черного тумана.

Когда последний обрывок растворился в воздухе, моя девочка открыла свои чистые глаза, и я не смог сдержать слез. Крепко прижимал ее к себе, грозя задушить в объятиях.

— Папа... — чистым звонким голосом сказала Бри. — Папа, мне приснился такой страшный сон... Словно у меня стали расти крылья... Но они были не белые и пушистые, как у ангела, а черные, клейкие... Такие противные на ощупь, папа... Как хорошо, что ни не успели отрасти в этом сне и я успела проснуться...

Она не знала! Слава богам, она так и не узнала того, что ее главным кошмаром оказалась ее физическая мать!

— Больше никогда, слышишь? — прошептал я. — Пугалище больше никогда не побеспокоит тебя.

— Я тебе верю, — серьезно сказала она. — Папа... а где Цици?

Я вынес ее из мастерской на руках, развернув таким образом, чтобы она не увидела темное крылатое тело в осколках. Спускаясь по

лестнице, вжал ее головку в свое плечо — она не должна была видеть то, что осталось от ее «доброй» гувернантки.

В самом низу лестницы мне повстречались Джьюд и Колла. Оба выглядели совершенно не сонными, но при этом страшно испуганными.

— Господин! — завопил верный дворецкий. — Бонна Зелиг, господин! С ней что-то не в порядке. Колла увидела, как она занимается темной магией и тотчас же прибежала ко мне! Как хорошо, что вы вернулись, милорд Рутланд. Нужно срочно изолировать эту шаманку от Брианны и провести большую проверку.

— Она опасна, господин эсквайр! — вторила ему озабоченная камеристка Цици. — Изрезала всех игрушечных медвежат маленькой леди. Я сама, сама видела! Странная женщина. Крайне странная, я вам скажу!

— Джьюд и Колла... Больше она не опасна, — твердо ответил я.

— Папочка! — зарыдала Бри, едва заслышав про медвежат. — Как же так, мои мишки? Мои любимые мишки, которых сшила мне Цици...

— Не плачь, ягодка, — я осторожно погладил ее по голове. — Цици сошьет тебе еще.

Пожалуй, только это ее и успокоило. Колла взяла мою дочку на руки и принялась ласково утешать.

Я же мчался к своему кабинету, как на крыльях. Меня вела безумная надежда.

Мара была мертва и ее темное колдовство было разрушено. Все слуги, на которых она навела сон, проснулись. Кажется, они даже не понимали, что с ними произошло.

Значит, должна была проснуться и Цици.

Дрожащими пальцами я снял собственноручно поставленные мной руны и ворвался в кабинет.

Она спала. В той же самой позе, что я и положил ее, моя любимая лежала на диванчике, даже не думая просыпаться, в отличие от остальных. Хуже того, она уже не дышала. Ее грудь не поднималась и не опускалась, а поднесенное мной к ее губам зеркальце не запотело от дыхания.

Она была бледной и холодной, как лед. Чантэль не потерпела соперницу и забрала ее с собой.

Дикий рев ярости и боли вырвался из моего горла. Кажется, я готов был сию секунду обратиться в вербэра.

Наверное, так мне было бы легче выдержать то страшное горе, что обрушилось на меня.

Несносная и дерзкая, забавная и таинственная, страстная и нежная, ласковая и чудесная... Моя Цици... Неужели я все-таки тебя потерял?

Однако перекинуться в медведя я не успел.

В дверь осторожно проскользнул Цицинателин фамильяр, панда Несквик. Переступая своими мохнатыми ножками, он с трудом влез на диван и ткнулся безжизненной девушке мокрым носом в холодную щеку.

Наверное, глупый панда подумал, что она жива, что просто спит...

Боги, боги, дайте мне сил, чтобы это выдержать!

Далее произошло следующее. Панда выставил вперед сразу обе лапы и большие розовые сердечки полетели под потолок, наполняя собой весь мой кабинет.

Невидимый хор писклявых мишек затянул тоненькими голосками свое:

— Хать-хать-хать-хать, хать-хать-хать-хать!

А я хлопнул себя по лбу.

Все возможные и невозможные заклятия пробуждения перепробовал, да?

Идиот! Какой же я идиот!

Да, я перепробовал все, кроме самого простого.

Я порывисто шагнул вперед и опустился рядом с лежащей на нем девушкой на одно колено. А затем нежно коснулся губами ее холодных губ.

И не поверил своему счастью.

Легкий румянец коснулся ее щек, а ресницы затрепетали.

— Еще... — прошептала Цицинателла, вытянув руки для объятия, но не открывая глаз.

Я обнял ее так крепко, насколько у меня хватило сил.

И в моих объятиях жена открыла свои чудесные зеленые глаза!

— Должна признать, вы целуетесь весьма... удовлетворительно, эсквайр, — слабым голосом сказала Цици.

— Значит, вы не будете меня травить зельем «Вечный сон любимого мужа»? — усмехнулся я.

— Я посмотрю на ваше поведение, — тут же отреагировала она.
Обожаю!

— Смотрите.

И я поцеловал ее по-настоящему.

ЭПИЛОГ

Статный всадник в строгой форме почетного королевского эскорта во весь отпор скакал по дорожному тракту.

Его породистая кобыла молочно-белого цвета была очень красива. Недаром на праздничных парадах, которые так любил устраивать Его Величество, восторженные зеваки засматривались не только на красивого офицера с суровым лицом, но и на его чудесную лошадь, в гриву которой были вплетены ленточки синего и красного цвета. Это были цвета государственного флага.

Молочная кобыла носила имя Вента, и у нее был брат — угольно-черный жеребец Венто. Ее наездника, красавца-офицера, звали Тристан Рутланд. Он только что вернулся из соседней страны, где сопровождал Его Величество в дипломатической поездке, и сразу же попросил увольнительную.

Тристан хотел как можно скорее увидеться со своим младшим братом Теодором. Он давно уже понял, что в письмах к нему взывать бесполезно. Эта ведьма Цицинателла совершенно околдовала его брата, оболванила своим темным приворотом... Теодор даже не попросил еще один пузырек с зельем, ослабляющим действие приворота. А это значит, дело было плохо.

Только личная встреча могла помочь... Впрочем, Тристан не надеялся, что справится с ведьмой так легко. Совершенно ясно, что абсолютно лишившийся под действием подлого приворота ума Теодор будет выгораживать эту подколодную змею Цицинателлу.

Тристан собирался действовать решительно. А именно, подвести доказательную базу под то, что темный приворот действительно имел место быть и ехать с этим к королю. Нужно обнародовать тот факт, что подлая Мередит подстроила свадьбу, судить ее и бросить в темницу.

О да, его Величество сделает все по закону и справедливости.

А Теодора на время тоже можно будет запретить... Да хоть в подвале родового замка. Превратится в вэрбера, перебесится, переживет как-нибудь. А там и забудет о страсти к своей нехорошей женушке. В конце концов, его единственной любовью была

благородная леди Чантэль. Цицинателла только марала своим подлым именем светлую память о ней.

Вот и королевский маг, весьма сведущий в таких делах чародей, подсказал, что вариант с подвалом может сработать. Ведь первая фаза приворота уже прошла, а значит, шанс есть.

О да, его безумного младшего брата нужно было срочно спасать! И у него, Тристана, не дрогнет рука это сделать.

Вот только как быть с доказательной базой? Вряд ли подколотная змея хранит какие-то улики в Трентоне... Всю дорогу Тристан раздумывал о том, что ему нужно будет сделать в первую очередь.

И решил!

Он заедет в особняк Мередитов и проведет там обыск! Если уж Цицинателла и спрятала что-то — например, заклинание приворота, или склянку от зелья, погубившего его брата, то, скорее всего, сделала это в своем родовом гнезде. Очень хорошо сделать это до того, как Цици узнает о его приезде и станет поспешно заметать следа.

Была уже поздняя ночь, когда Тристан спешился около небольшого крыльца и забарабанил в дверь.

Ему открыл испуганный сторож с ночным колпаком на голове. Больше слуг в доме не было. Едва завидя королевскую форму ночного визитера, старик не стал чинить препятствий и безропотно пропустил офицера в дом.

Несколько раз хлопнув в ладоши, Тристан заставил все свечи в доме зажечься, разом. И пошел по особняку, распахивая все комнаты и старясь отыскать хотя бы след некой подозрительной магии.

Брат Теодора немного задержался в спальне хозяйки. Но куда больше его привлек будуар, в котором висел роскошный портрет Цицинателлы в полный рост. Даже странно, что тщеславная особа не взяла его с собой в Трентон.

Тристан стянул белую перчатку и прошелся рукой по развешанным в ряд платьям невестки. Это тоже подозрительно, почему она не взяла их? Обычно такие женщины предпочитают как можно больше одежды. Впрочем, старший брат Теодора не так уж и был сведущ в отношениях с особами противоположного пола.

Он еще раз посмотрел на портрет Цицинателлы. Да, она была красива, это бесспорно. И нужно было быть дураком, чтобы это не

признать. Но ее яркая броская красота была совершенно не в духе Тристана.

Ему нравились более спокойные, скромные девушки с простой внешностью и тихим светом, как будто бы идущим изнутри. Правда, такую он, увы, еще не встретил.

Внезапно что-то привлекло внимание сурового офицера. Это был маленький клочок шелковистой бумаги цвета золота, что валялся прямо под массивной рамой портрета. Тристан поднял его и принялся внимательно разглядывать, как вдруг...

Клочок заискрился золотистой пылью. Брат Теодора Рутланда нахмурился — противная пыльца попала ему в нос и он оглушительно чихнул.

А открыл глаза уже в аду.

Вот и черти тут рядом, приспешники Люцифера — голые, блестящие, все мышцами увитые, как канатами. Из одежды на них один клочок красной материи, а в руках трезубцы. Танцуют на помосте под дьявольскую музыку, извиваются.

Тристан настолько оторопел от произошедшей вокруг перемены, что не сразу обратил внимание на себя. А, как обратил, то пропал — на нем был точно такой же лоскут ткани. И ничего больше.

Это на нем-то, командующем офицерским корпусом почетного эскорта Его Величества! Он за не застегнутую по уставу верхнюю пуговку мундира офицеров гонял!

Страшный сон! Кошмар какой-то!

Что там Теодор писал про мару, терроризирующую город? Никогда бы не подумал, что окажется под властью такого жуткого кошмара!

Нет, тело-то у него, по своей сути, не хуже, чем у этих скачущих чертей-качков будет, и все же!

В общем, он, голый, с чертями на помосте, вокруг темно, только вспышки разноцветные и толпа бесов ревет и дергается в такт той музыке. В основном бесовки, женского пола. Его появление они встретили дикими визгами и руки к нему потянули. Одеты тоже побесовски — в исподнее.

Тристан решил, что командующий особым королевским корпусом всегда останется им и чести своей не уронит, даже если из одежды на нем одна тряпочка позорная, ничего не прикрывающая почти. Он

поудобнее перехватил трезубец, намереваясь дать отпор всем обитателям ада, да так и замер.

Потому что в свете резких вспышек увидел в толпе бесовок ее.

Это была девушка, о которой он так долго мечтал. Худенькая, стройная... С длинными русыми локонами, что волной спускались до самых бедер, ясным чистым лицом и глубокими теплыми глазами. И белье в отличие от остальных на ней было более-менее приличное — до колена.

Девушка тоже смотрела на него во все глаза. И что-то в них было такое... Знакомое. Словно она его узнала.

Ясно же — они были предназначены друг другу богами. Вот и встретились в самом аду.

Под оглушительные вопли других бесовок она подошла ближе и увлекла растерянного Тристана с помоста. Порождения тьмы кинулись на него, словно хотели разорвать на мелкие кусочки, но спасительница цыкнула на них и бесовки, взыв, отступили прочь.

А прекрасное виденье отвело его в уголок, усадило на диван, дало какую-то простыню прикрыть наготу, которой королевский командующий смущался страшно, и сказало с ласковой улыбкой:

— Ты попал в другой мир. Ничего не бойся. Я помогу тебе... Расскажу, как тут все устроено. Я — Яна. Яна Ершова.

Nota bene

Опубликовано Telegram-каналом «Цокольный этаж», на котором есть книги. Ищущий да обрящет!

Понравилась книга?

Не забудьте наградить автора донатом. Копейка рубль бережет:
<https://litnet.com/book/zhenav-lotereyu-b384815>